

Н.Н. Александров

**ГЕНЕЗИС
МЕНТАЛЬНОГО
ХРОНОТОПА**

(Книга вторая)

Москва, 2011

ББК 7. 03
УДК 85:103 (2)
А 46
ISBN 5-7591-0245-1

Александров Н.Н.

Генезис ментального хронотопа. Книга 2. Генезис представлений о пространстве. – Москва: Изд-во Академии Тринитаризма, 2011. – 302 с.

Во второй работе цикла “Формула истории”, созданного в рамках системогенетической парадигмы, анализируются вопросы глобального развития человечества в ракурсе ментального хронотопа. Проблемы моделей пространства рассматриваются эволюционно, как преемственный и усложняющийся исторический формационно-ментальный ряд.

Представленная здесь книга вторая посвящена проблематике пространства.

Для широкого круга читателей гуманитарной ориентации.

Редакционная коллегия:

А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, академик-секретарь отделения образования ПАНИ (науч. редактор);

Н.А. Селезнева, доктор технических наук;

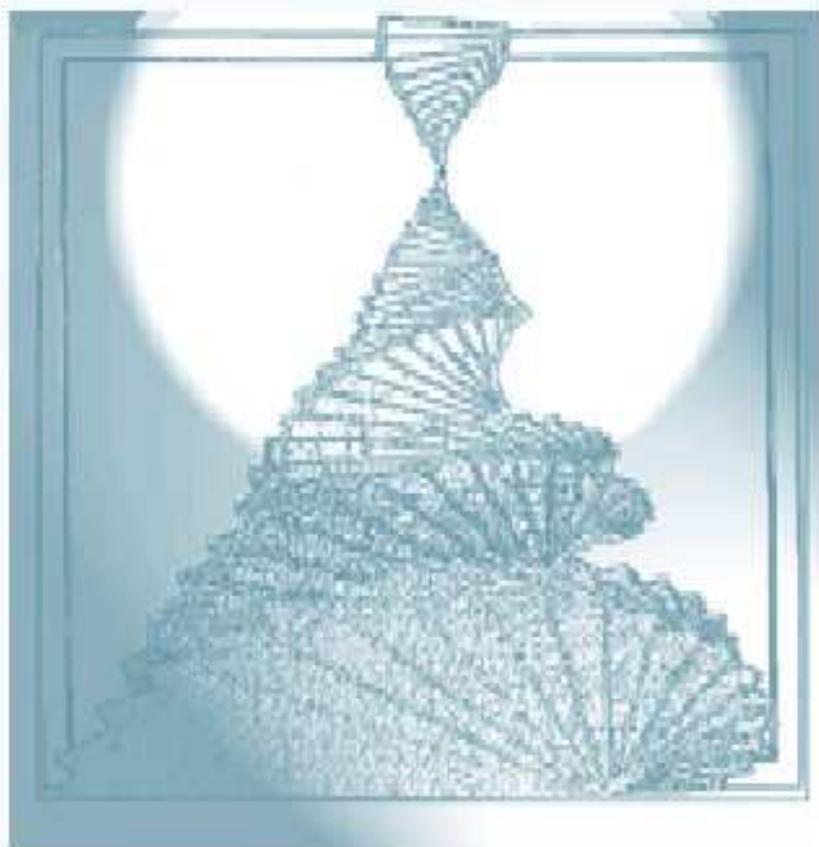
Т.В. Зырянова, кандидат педагогических наук (отв. редактор).

ISBN 5-7591-0245-1

© Александров Н.Н., 2011.

СЕРИЯ
"ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА"

СИСТЕМОГЕНЕТИКА
И УЧЕНИЕ О ЦИКЛИЧНОСТИ РАЗВИТИЯ

Н.Н. Александров

**ГЕНЕЗИС
МЕНТАЛЬНОГО
ХРОНОТОПА**

КНИГА 2

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ

*Развитие представлений
о пространстве в европейском менталитете*

МОСКВА, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Пространственные концепции в менталитете

Единство ментального хронотопа в истории архитектуры

1.1. Становление моделей ментального пространства в истории

Синкретизм и монадность – исходная точка менталитета

1.2. Первобытные представления о пространстве

Число и Символ как операторы ментальной организованности пространства

Символизм и первичность языка первобытного менталитета

Система древних пространственных символов

1.3. Представления о пространстве в менталитете рабовладения

Универсальный характер геометрических моделей в менталитете

Пространство в греческо-римском менталитете

1.4. Ментальное пространство средневековья

1.5. Эволюция ментального пространства в Новом времени

Двойные тенденции XVII-го века и вопрос о доминировании

Новый менталитет и его ранний рационализм

Глава 2. Геополитика: история и современность

2.1. О ПОНЯТИИ ГЕОПОЛИТИКИ

2.2. ИСХОДНЫЕ МОДЕЛИ РАННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ

2.3. СКЛЕЙКА ПОНЯТИЙ У ОСНОВАТЕЛЯ ГЕОПОЛИТИКИ

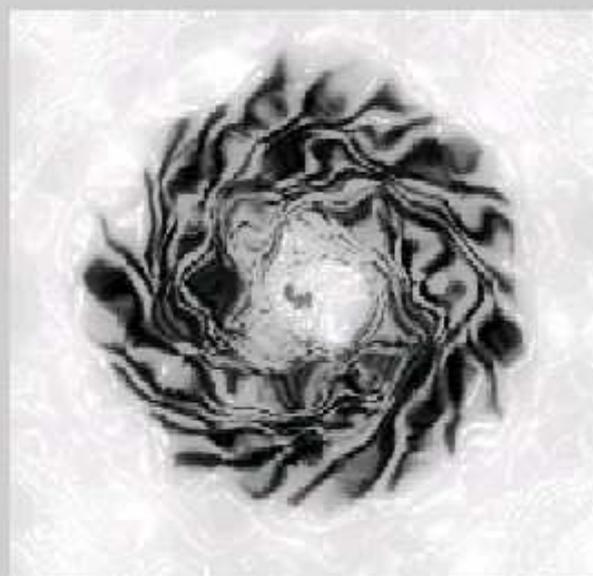
2.4. ЭГРЕГОР ГОСУДАРСТВА

2.5. БРИТАНСКИЙ МЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЕКТИРОВЩИК

2.6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

**ЭВОЛЮЦИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ПРОСТРАНСТВЕ
В МЕНТАЛЬНОМ
ХРОНОТОПЕ**

1

**Пространственные
концепции
в менталитете**

1. Пространственные концепции в менталитете

Говоря о полихронности и политопичности в отношении моделей в менталитете (социум), мы как бы отстраняемся от надсистемного взгляда на топику Земли и особое геологическое время. Топика земли (гео) есть отображение вложенных закономерностей более высокого порядка (астро). Следовательно, она внешне обусловлена – и влияния специально исследуются в науке. Геотопика связана с циклической, и мы не раз упоминали об этом.

Но *ментальная топика* совершенно иного рода. Она принадлежит менталитету и общественному сознанию, т.е. находится в области коллективного сознания и коллективного бессознательного. Здесь ее тоже фиксируют, но уже в другом ракурсе – в эстетических произведениях.

Единство ментального хронотопа в истории архитектуры

Может показаться, что, сконцентрировавшись на времени и его парадигмах, мы разрываем *неделимый хронотоп* и отказываемся рассматривать фактор пространства. Это, конечно же, не так. Дело в том, что *пространственная ветвь* и проявление ее инвариантов в искусстве и социальном генезисе искусства проанализированы как раз гораздо лучше временной и имеют не менее длительную писаную и неписаную историю. Собственно, вся история архитектуры и архитектурной композиции есть история освоения и воплощения ментального набора моделей пространства.

Культурно-исторический подход к данной теме, иногда широкий, иногда более узкий, чаще всего сводится к стилистическому анализу. По Вёльфлину, «объяснить стиль значит не больше, как связать его с общей историей и доказать, что его формы говорят своим языком то же самое, что и остальные, современные ему голоса». «Самым излюбленным занятием истории искусства является проведение параллелей между эпохами стиля и эпохами культу-

ры», – неоднократно повторяет он же. Многочисленные исследования, выполненные на самом разнообразном эмпирическом материале истории искусства, выявили, что закономерности образования стилевого единства *заданы ментальными моделями времени и пространства*. Хронотопическая модель мира, которая бытует в обществе, определяет социальное поведение людей. Эти модели “реализовывались во всей совокупности вещей, создававшихся данным человеческим коллективом. Дома, предметы обихода, обычаи, теоретические доктрины, произведения искусства, машины включались в определенную структурную целостность. В них всегда сохранялось нечто, что безошибочно привязывало их к данному обществу. Пространственно-вещественные системы всегда являлись слепками определенной культуры. Они моделируют реальность в порядке, который кажется современникам единственно мыслимым. Этот порядок служит той “системой отсчета”, по отношению к которой люди ориентируются во всех своих делах, поступках, своем творчестве”, – пишет Е. Розенблюм.

* * *

Если говорить об архитектуре, то здесь обнаруживается лишь одна теория, способная выступить в качестве универсальной для описания архитектурных инвариантов: *теория фундаментальных групп симметрии*. Очень многие считают ее основой наших пространственных архетипов и их эволюции; подробнее мы будем говорить об этом далее, а здесь сошлемся на очевидную для нас аналогию.

Вот что пишет по поводу всеобщности симметрии Н.И. Смолина: “В точных науках – математике и физике – **степень симметрии выступает основным классификационным признаком, упорядочивающим не только предмет исследования, но и фундаментальные понятия этих дисциплин**. Кристаллография и кристаллохимия строят на базе симметрии **описательно-морфологические и структурные классификации, объединяющие кристаллы в генетические ряды по той или иной совокупности признаков**.”

В целом наука о живом **связывает с симметрией самые разнообразные эволюционные процессы**. Так, *с динамическими факторами роста соотносится симметрия, представленная закономерностями построения спирали и т. д.*”.

Последовательность архетипов, генезис моделей пространства, жестко связаны с *логикой эволюции* менталитета – и это явствует из ранее описанного нами (см. Н.Н. Александров, Эволюция симметрии в искусстве // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16294, 15.01.2011). Циклы в истории архитектуры выделяются по принципу доминирования (и постепенного усложнения) типов симметрии: от *зеркальной* симметрии – к *центрально-осевой (симметрии вращения)*, затем – к *переносной симметрии (бордюрам)*, *симметрии сетчатых орнаментов и плотных упаковок*, *симметрии подобия*, *винтовой* симметрии, *спиральной* симметрии. Они не просто сменяются, а *ступенчато накапливаются*, и каждый виток усложнения менталитета демонстрирует использование наряду с новым, **доминирующим, типом симметрии** *всех бывших до того* (они становятся потенциальным базисом композиции). Таким образом, степень сложности композиции в пространственных искусствах постепенно возрастает, включая новые группы симметрии и не отбрасывая старых.

Это в точности совпадает с генезисом моделей времени, который мы приводили в указанной работе: линия (зеркальная симметрия), круг времени (симметрия вращения), винтовая равномерная линия (винтовая симметрия), сложная спираль с переменной скоростью (спиральная и спирально-винтовая симметрия) и т.д. Это означает, что *хронотон един, едины и его модели*. Причем, структурно едины в пространстве и во времени. Когда мы говорили о моделях времени, то они ярче проявляют себя во временных искусствах *в композиции времени* (тем не менее, ментальное пространство в них также отражено и проявлено). Когда мы говорим о моделях пространства, то они превращаются в композиционные модели во всех пространственных искусствах.

Возникает единственная сущностная проблема (раз последовательность возрастания сложности фундаментальных групп симметрии в качестве инвариантов определилась), требующая понять, к какому *по уровню* циклу привязывается развертка групп от простого к сложному: к стилю, к категории, к менталитету в целом или же это структурный инвариант, присущий всем уровням? Если верно последнее, то возникают интересные *возможности суммирования* (например, на трех уровнях) разнообразных групп симметрии в одной композиции. Так, в Древней Греции мы получим в основе круговую симметрию, на базе которой развились (в стилях) и зеркальная (греческая архаика, с ее фронтальным восприятием), и дважды круговая (греческая классика, ее ордер и ее скульптурность, ее изометризм), и винтовая (эллинизм), и даже спиральная (поздний эллинизм в стадии декаданса и Греция времен Рима). Следовательно, в композиции, использующей группы симметрии, может существовать альтитуда – доминирующая в менталитете группа симметрии и модификации ее на других уровнях. Мы убедились, что теория А. Тинг относится к крупным циклам, но при использовании всего массива артефактов истории архитектуры она часто не выдерживает критики, как все одномерные теории. Дело здесь именно в наличии альтитуды (нескольких уровней разных групп симметрии) и в суммарности уровней в структуре архитектурной композиции.

В этом случае в истории искусства мы обнаружим в архитектурных (и вообще во всех пространственных) композициях “слоеный пирог”, “пакет слайдов”, сложность которого возрастает по мере продвижения истории вперед. Интересно отметить, что следы прошлых циклов иногда обнаруживается вполне явно – таковы элементы архитектурного *декора*, присутствующие в Ренессансе, классицизме, барокко, неоклассицизме, постмодерне и т.д. Отношение к пространству, бывшее ранее актуальным, отливается в определенные формы, далее воспринимаемые сугубо декоративно (приставные колонны на здании с несущей стеной, наличники, карнизы и т.п.). В некоторые моменты истории именно эти декоративные элементы и комплексы, выступаю-

щие знаками культуры и ее преемственности, полностью затмевают собой актуальное пространство в композиции. Изобилием таких исторических “цитат” отличался не только всякий архаический этап (например, в ранние христианские храмы просто вставлялись куски античных рельефов, аналогично поступал с обломками культуры прошлого сталинский и гитлеровский неоклассицизм), но и все *возрождения*, включая поздний стиль модерн, а также современный постмодерн. Причем мы привыкли иметь дело с рафинированной историей архитектуры (в которой фигурируют остро оригинальные и уникальные памятники, несшие на себе прорывы в новое), а в массовом строительстве “цитирование” носило настолько всеобщий характер, что иногда о первоисточниках цитирования вообще невозможно составить представление. Например, в молдавских селах можно обнаружить деревянные имитации ордера, особую полихромную, в которой есть отголоски европейских столиц, некие намеки на римские виллы и т.п. Когда и откуда занесены эти влияния и как они прижились на столь отдаленной почве, сказать затруднительно. Точно так же здания, построенные рядовыми архитекторами модерна, несут на себе отпечаток “вкусовщины” заказчика-натуратора, с его смутными представлениями о богатстве и значительности и неясными для самого архитектора цитатами из модных образцов. Часто это – целая энциклопедия омертвелостей, стоившая массы труда и средств.

Хороший послойный разбор архитектурного (любого пространственного) произведения – это почти археологическое вскрытие, обнаруживающее слои потенциальной культуры. Описывая Растрелли, Винкельман никак не может отнести его стиль к шкале известных ему чистых стилей (вроде бы это *барокко* по структуре, но *рококо* по наполнению). За этим скрывается одна замечательная черта, присущая вообще светскому искусству России, где все стилистически опаздывало почти на век и вместе с тем стремилось быть наравне с Европой: еще в целом главенствовала эстетика (конструкт и стилиевые элементы) барокко и классицизма, а европейская мода уже велела “выглядеть, как рокайль”. Здесь интересно то, что на почве столь специфического

русского менталитета процветающей окраинной империи пришлые архитекторы должны были удовлетворить не только этим двум стилевым влияниям, но и выразить сам варварский (и византийский в отголосках) имперский дух. Все – сложнее, чем смесь стилей, ведь на Петербурге лежит печать громадности всей России, ее несомненного пространственного величия. Вроде бы ничего “русского” в произведениях Растрелли не находится, а тем не менее его творения уже насквозь русские, как и московский Кремль (тоже спроектированный итальянцами), как и “медный всадник“ француза Фальконе.

* * *

Одно из главных замечаний, которое нужно удерживать при анализе менталитета, – это наличие в нем антропоморфной системы осей. Исследователь симметрии С.В. Петухов предполагает: “Не имеет ли организм тенденции воспринимать окружающий мир в образах тех самых групп преобразований, в соответствии с принципами которых он сам сформирован? Не родственны ли принципы структуризации, реализуемые в морфогенетических феноменах и психологических явлениях пространственного восприятия?”. Психолог А. Пуанкаре утверждал, что наши пространственные представления заложены до рождения, а “система координатных осей, к которым мы естественно относим все внешние предметы, – это система осей, неизменно связанная с нашим телом, которую мы и носим всюду с собой”.

1.1. Становление моделей ментального пространства в истории

Синкретизм и монадность – исходная точка менталитета

Представления о пространстве и времени в первобытном мире нераздельны, синкретичны. “Первобытный хронотоп”, во-первых, есть тот прообраз, к которому мы снова движемся как к синтезу через ряд этапов; во-вторых, само понятие ”хронотоп” оказывается именно для этого момента истории, как ни странно, узким. Мы должны здесь говорить не столько о времени и пространстве, сколько об универсальном сгустке понятийной потенциальности, куда входит едва ли не все, что нам известно. Такое заявление выглядит, возможно, несколько чрезмерным, но если вспомнить, что перед нами все-таки единственная разновидность *реального синкретизма*, хоть и первобытного, то оно оправдано. Первый в истории синкретизм неразвит, потенциально универсален и именно этим необыкновенно интересен. Новый синкретизм, к которому мы движемся, будет синкретизмом, прошедшим через многоступенчатую дифференциацию. Самой крупной градацией такой дифференциации являются формации, которые мы берем в ракурсе ментальности – как ментальные формации.

Чтобы понять, о чем идет речь, обратимся к опыту синтетического творчества Велимира Хлебникова. Ему довелось занять в модернизме начала XX-го века уникальное место *интегратора*. Контрастный мир поэзии его друга В. Маяковского, где все разведено до истинно диалектического состояния (наши – чужие, черное – белое и т.д.), есть как бы противоположность хлебниковскому миру: у Хлебникова *все свернуто до монады* и погружено в себя. Хлебниковские тексты содержат смыслы, в которых *Слово и Число* еще не разделили свои функции. Синтетические миры Хлебникова существуют как бы *до всякого становления и всякой завершенности*, отсюда и проистекает его теория “числоимени”: слова – “звуковые числа”, “числа бытия”, “числовое письмо”. Слово, по Хлебникову, действительно, и именно оно изменяет

мир. Одновременность и страшная сила *универсального потенциала* нашла выражение в его мощном символе молнии. Потенциальная энергия образа молнии – *вне времени*, она априори лишена всякой длительности, в отличие от физически наблюдаемой молнии. То есть на самом деле это – Монада, вместе с тем, в его понимании, это – *определенный цикл определенного уровня*. “человек в конце концов молния”, “существует большая молния человеческого рода – и молния земного шара”. Над этим стоит задуматься: воспринимать человека вполне системогенетически (как систему, как цикл определенного уровня в иерархии уровней) и одновременно, подобно Богу, воспринимать его монадично, свернуто, потенциально – такое зрение есть синтетическое соединение научного (рационального) и всего иного (грубо говоря, иррационального). Хлебников был недюжинным ученым (и, вообще-то, нам следовало бы посвятить ему хотя бы очерк как столпу удивительного циклизма и *многого другого*), но вместе с тем он не был ученым в обычном смысле слова, он был выше мира ученых, ибо обладал недостижимым для них и для нас всех синкретизмом. В этом смысле он вышел за грань даже пифагоровского определения мудреца: Хлебников не ученый, не философ и не мудрец: он – Дитя, заглянувшее за границу своего рождения.

Мир Хлебникова существует как бы *до Творения*. “В начале было Слово” – это Слово Хлебникова. Оно универсальным образом потенциально. Перед нами – философия Абсолютного Слова, скорее раздел космогонии, философии и математики, чем литературы. Астрономия и математика не случайные упоминания – в этой философии Слова воплощаются в космогонию – картину мира. **Космос Слова** во всем подобен космосу материальному, как бывшему, так и будущему – вечному. Образы Хлебникова интересны именно в первобытном контексте, и вот почему: они имеют природу *мифологического* (или, что не очень точно, мифо-поэтического) свойства: чистым усилием мысли в Космосе можно воздействовать на Мировую Волю. Внутреннее и внешнее при этом еще неразличимы.

*Я верю: разум мировой
Земного много шире мозга
И через невод человека и камней
Единой течет рекой,
Единою проходит Волгой.*

Это – из поэмы “Синие оковы”. Синие оковы – это сияющий круг умного неба, *одновременно внешнего и внутреннего*, это всеобщая небесная, световая, умная (Логос) *связь всех и всего*. Свободная Необходимость природы, единая цепь превращений вселенского Ума. Ибо все есть единое. И отсюда – Монада.

В Слове-Числе у Хлебникова искусство самозавершается. Оно наткнулось на потенциальное, замкнутое в себя состояние мира до начала времен. “Черный квадрат” и прочие супрематические произведения его второго друга – К. Малевича в этом смысле есть то же самое, проделанное в пространственных искусствах (ДПИ, живопись, пластика, архитектура). Кстати, квадратов у Малевича – три: белизна “Белого квадрата на белом фоне” – это уже насмешка над изобразительностью вообще, она противостоит черноте и определенности черного квадрата. А “Красный квадрат” – сама энергия, рожденная от столкновения, конфликта черного и белого. Три квадрата есть как бы воплощенная метафора тройки “вещество, энергия, информация”.

Два художника в разных искусствах в одно и то же время открывают одно: можно отождествить поэзию Хлебникова и творчество Малевича с информацией, утверждающей мировую *возможность всего*, – скорее с Вечностью, чем с будущим, с Логосом. Это – искусство Монады, и понять его невероятную *сгущенность* можно только через последующие раскрытия, развертывания. Само по себе это должно навести нас на мысль (жутковатую мысль), что мы имеем дело с явлением, сравнимым по значимости с первобытной синкретической ментальностью, а это означает (искусство – индикатор!), что человечество уже вступило в новую объединительную эру и что

предтечи нам об этом недвусмысленно сказали: имеющий уши да услышит. Ниже мы постараемся показать, что их творчество есть определенная точка в логике развития искусства на грани веков, поэтому все попытки представить какого бы то ни было великого художника как свободно творящего во внеисторической пустоте просто наивны (если не преследуют другой, манипулятивной, цели). В их творчестве зафиксировано *начало*, и это начало имеет продолжение и снова – свою неумолимую логику.

* * *

Ту же самую, только гораздо более простую и неразвитую, степень сгущенности и плотности, монадности и синкретичности восприятия мира мы обнаружим в первобытном менталитете. По В.Н. Топорову, пространство и время в этом типе сознания слиты еще теснее, чем у Минковского и Альберта Эйнштейна. Это подтверждено антропологической культурологией: *пространство и время* у некоторых племен тропической Африки **обозначаются одним понятием**. Более сложное по контексту, но такое же целостное, это представление в древнеиндийской философии. Нам кажется, что на самом деле мы наблюдаем здесь фиксацию более древней первобытной монадности, обладавшей еще более широким набором смыслов, включающим *Все*. На определенной фазе развития от этой монадности осталось нерасчленимое *пространствовремя*, хотя, возможно, у самих членов ранних племен смыслы были гораздо богаче.

1.1.1. Первобытные представления о пространстве

Отметим один очевидный парадокс в *восприятии пространства* в истории человечества. На первый взгляд он кажется, вообще-то, невероятным.

Если мы возьмем всю спираль истории человечества и расположим под ней предельно крупное противоречие «А – В», то увидим, что история должна подчиняться достаточно простому закону: восприятие пространства в древнейшей человеческой истории должно быть максимально космичным, а при приближении к нашим временам оно должно уменьшаться до пределов, обусловленных самим человеком. В начале – “пространство равно космосу”, а в конце – “пространство равно мне”. Но о каком пространстве идет речь?

Индикатор пространства связан также с **индикатором “мы – я”**: говоря “пространство равно космосу”, мы имеем в виду всеобщность, присущую социальной общности, меру человеческого рода; говоря “пространство равно мне”, мы имеем в виду индивидуальную пространственную меру человека. Соответственно, переходные состояния между этими пределами образуют нисходящую **шкалу масштабов** ментального пространства. В итоге получаем пять ментальных типов пространства, имеющих ценностный смысл.

1. Первобытный менталитет: пространство есть беспредельность (первобытный космос), “бесконечно большое”, не имеющее выражения.

3. Рабовладельческий менталитет (Древний мир): пространство ойкумены – это “большое”, но уже не бесконечное пространство (оно имеет свои границы, по которым “атланты держат небо”).

4. Средневековый менталитет: пространство общины и города есть “норма” (и мы потом обнаружим, почему), и это – главное измерение.

5. Ментальность Нового времени: пространство эгоизма, “я”, есть малое пространство *для меня* (и моих нужд – семьи, техники и т.п.) *лично*. Это – пространство загородной виллы, особняка, домика, типа американского “среднего класса” с кусочком природы.

б. Ментальность социализма: мизерное пространство, меньше, чем мне лично нужно. Это – пространство густонаселенной коммуналки, где в одной комнатке (принадлежавшей раньше какой-нибудь горничной) живут несколько поколений одной семьи.

Поначалу данное утверждение кажется спорным, особенно по поводу первобытности и социализма. Но вспомним, что первобытный человек, озабоченный своим выживанием, живет не сам по себе, а только групповым, стадным и родовым образом (изгнание из стада или рода означало для единицы верную смерть). Человек постоянно подвергался опасностям: враги, звери, природные катастрофы, болезни. Жил он весьма недолго, вдвое меньше сегодняшнего среднего возраста. Вот почему главной ценностью является *групповое пространство*, и как групповое, оно есть проявление меры рода, поэтому оно бесконечно большое, пугающее прежде всего своей неизвестностью за пределами обжитого мира. Само общество появляется, когда оно достигает самоосознания (**коллектив как целое**) и начинает управлять своими членами, исходя именно из этой идеи. Отсюда же, из этого арсенала, – *магия, анимализм и тотемизм*.

Столь же важным, как **масштаб ментального пространства**, представляется нам его *ритмическая структурированность*, а если быть точным, – **выражение в ритмической структуре темпа менталитета**. Здесь наиболее общий взгляд (которым мы располагаем благодаря гипотезе истории в целом и ментальных формаций как определенных ритмических констант в ней) дает нам возможность выдвинуть формулу: изменение ритма, *темпа в истории нарастает от нуля до бесконечности*. Нулевая точка есть появление человечества, бесконечное ускорение темпа мы получим в конце нашей истории. Возможно, *закон нарастания темпа в истории* носит экспоненциальный характер (по крайней мере, об этом свидетельствует наше время – см. изложение идей Э. Тоффлера).

В произведениях архитектуры (искусства пространства), в их формах и композиции, отпечатывается менталитет, характерный для каждого времени:

“Каждая эпоха, каждая культура имеют ритмические схемы своего времени... когда человек создает архитектуру, последняя отражается в динамике и форме пространства”, – пишет И. Араухо. В пространственном выражении есть два характерных момента, с точки зрения менталитета: **масштаб и ритмическая структура**. Они отображают неразделимый хронотоп (пространство и время), и вполне понятно, что темпоритм есть выражение ментального времени в пространстве.

Это утверждение имеет все основания, чтобы выступать в качестве ментальной **гипотезы пространствосприятия**. Такого рода пространственная концептуальность должна быть проявлена везде, во всей деятельности первобытного человека, в том числе – в архитектуре, которая всегда была естественным для общества способом выражения отношения к пространству. Попробуем доказать наше утверждение.

Пространство первобытного человека выступало как модель космоса. Главным в таком пространстве была связанность с космосом и выражение понимания освоенного человеческого пространства как части космоса. Отсюда – наблюдаемое во всем первобытном искусстве невероятное символическое (то есть сугубо *рациональное*!) начало. Мы обнаруживаем в первобытной культуре представления о строении космоса и о месте своем и роли своей в этом космосе (коллективного “себя”). Это – великий шаг вперед от дикости, и он требует ряда мысленных (модельных) операций с пространством, которые первобытные люди проделали, и мы можем судить об этом по оставшимся памятникам. Это – памятники дописьменных времен, следовательно, восполнять пробелы в нашем знании здесь можно лишь косвенными способами (они хорошо известны, и мы будем еще о них говорить далее).

Но для подобных операций должны были появиться соответствующие условия, первым из которых явился язык как основная **форма групповой коммуникации**: по Б.Ф. Поршневу, “восприятие становится подлинно человеческим лишь тогда, когда имеется речь – первый и основной признак Homo Sapiens”. С нашей точки зрения, такая постановка вопроса сильно сдвигает

начало *ментальной человеческой истории* к нашим дням и выбрасывает из истории более ранние формы коммуникации – доязыковые. Мы называем их для простоты *интонационными*. Наличие их фиксируется как у высших стадных животных, так и у детей раннего возраста (они не понимают слов, но сразу же реагируют на интонацию). Этим самым мы утверждаем, что **язык интонации** (как основа всего искусства) старше речи и до сих пор играет очень важную роль в нашей общественной коммуникации (по данным из разных источников, *интонация говорящего* несет от 40 до 90% информации).

Но не все так просто в этой проблеме, как представляется многим психологам от архитектуры и как представлялось и нам поначалу. Мы попадаем здесь в центр сложной и напряженной полемики между сторонниками культурно-антропологического структурализма и их критиками. Структуралисты постулируют существование “бессознательно-логического текста”, который в ритуале выступает в качестве “сообщения”. Как пишет В.Н. Романов, в работах структуралистов ”прослеживается смешение понятий текста и ментальной структуры. По-видимому, именно здесь расположено наиболее уязвимое место во всей концепции... Хотя структуралисты и говорят постоянно (и вполне справедливо) о наличии ментальных структур, последние, по сути дела, остаются за рамками их исследований”. Между аксиоматикой структуралистов и ментальными структурами лежит пропасть, что и объясняет, по-видимому, “неспособность структуралиста перейти от описания системности к описанию реальных процессов, порождающих ее”. Перед нами не стоит проблема выбора той или иной концепции, тем не менее, определенные характеристики ментальных структур мы для себя выделять будем. Происходит это у нас не на уровне конкретных “текстов”, а несколькими уровнями выше.

Мы можем наблюдать кажущийся парадокс: носителем конкретных *психических механизмов*, обеспечивающих вкус, осязание, обоняние, слух, зрение является единичный человек, а само восприятие принадлежит некоему целому, группе людей. По мнению Э. Линча, отправной объединительный мотив здесь следующий: “Мы все являемся членами одной социальной груп-

пы, поскольку мы исходим от одного общего предка” – анимализм и тотемизм убеждают, что в этом есть доля истины. К тому же разряду парадоксальных восприятий относится и **коллективное восприятие пространства**, связанное с невыделенностью себя из первобытной группы. По выражению Л. Леви-Брюля, мы имеем здесь дело с “мистическим участием”. Восприятие, будучи групповым, опосредовано прежде всего совместной деятельностью и необходимыми для нее *коммуникационными механизмами* (речью в том числе) и *ментальными символами*. Возникает вопрос: а могли ли существовать доречевые ментальные символы? Кроме известных работ К. Юнга по проблемам коллективного бессознательного на эти вопросы положительно отвечают также исследователи фольклора: они показывают, что некие *константные* действия и ритуалы, порожденные первобытным сознанием, дожили до наших дней. Структура пространства, окрашенного мифом, содержала набор семиотических универсалий, выраженных в форме пар – оппозиций, причем в нем главенствуют интересующие нас здесь пространственные пары: внутренний – внешний (с разновидностью “открытый – закрытый”), верх – низ (вертикаль), правый – левый (горизонталь), спереди – сзади, спиной – лицом. Данные оппозиции имеют важное значение и в современной архитектурной композиции. Более сложен набор пар, предложенный упомянутым В.Н. Романовым, который, используя методику А.Р. Радклиф-Брауна, выявил системные закономерности на уровне самих ритуальных действий и получил в результате “конъюнктивные и дизъюнктивные”, соединительные и разъединительные, деятельностные образования, связанные с пространственным направлением: *от себя, на себя*. Эти действия маркируют в ритуалах сложные и многослойные “пучки” смыслов (например, выметание, выпечение хлеба, омовение, отграничение, отмежевание, пассивизация и – им обратные). Нам представляется, что набор организующих, соединяющих композицию *скрепов* имеет не менее важное значение и в архитектурно-пространственном, а не только в деятельно-ритуальном выражении.

Кроме известной трудовой теории происхождения искусства и языка существуют и несколько иные точки зрения на происхождение искусства (и архитектуры, как искусства пространства в частности), в которых утверждается, что именно *стремление к выражению* и фиксации познанных *семиотических универсалий* (в форме оппозиций) двигало человеком в его ранних продуктивных шагах. Очень трудно сегодня понять и представить, что выражение таких понятий, как “свое – чужое”, “жизнь – смерть”, “этот свет (земля) – тот свет (небо), привело к появлению основных элементов архитектурного словаря-конструктора.

Если исходить из основной оппозиции первобытного сознания “свое – чужое”, “хаос – порядок” (“относительно безопасное и упорядоченное, структурированное пространство *внутри* своего социума” – “непонятное и страшное пространство *вовне*”), то *свое* содержало ту упорядоченность и ту управляемость, которые отсутствовали во внешнем мире, в *чужом*. Но и в этом пугающем внешнем мире человек постепенно различал признаки некой упорядоченности – естественные природные циклы (что и могло послужить одной из причин олицетворенного разделения двух миров). Здесь в первичном виде мы находим истоки таких пар, как “культура – натура”, и представлений о пространстве мифа как о “зеркальном пространстве”, откуда берут свое начало оппозиции “земля – небо”, “этот свет – тот свет”. Формула “как вверху, так и внизу” имела пока еще достаточно расплывчатый характер, хотя все начала мировоззрения *соответствия* (*correspondentia* позднего средневековья) здесь уже в наличии.

Здесь мы встречаемся с поразительным свойством человеческих поселений вообще, начиная с древнейших: всякое человеческое поселение есть *прямое пространственное выражение ментальной модели космоса* своего времени. Отражение в комплексе архитектурных произведений модели космоса объясняет в истории столь многое, что кажется просто странным, что эта модель не получила достаточного развития в теории культуры.

Например, лишь как-то робко, с экивоками и извинениями, исследователи описывают египетские пирамиды как модели мира, как огромные каменные книги, в которых древние сохраняли свои бесценные знания (расшифровки папируса Ринда и т.д.). Зато абсолютно достоверно известно, что данная функция представления модели мира присутствует (и канонизирована) во всех средневековых храмах начиная с Византии. Но кто сказал, что структура жилого дома не имела столь же символического – и не наносного, внешнего, а сущностно важного – значения для всех людей древности (кстати, эта самая “древность” составляет 9/10 истории, если не больше). Индийские дома, построенные на основе мандалы, монгольские юрты, содержащие в себе зодиакальный круг, несомненно, убеждают в этом.

Мы утверждаем достаточно прямолинейно: в структуре древнейшей архитектуры отображен древний космос. И в последующей истории на этот *первый базовый слой* только накладываются все новые и новые смысловые пласты, читать которые можно послойно.

Архитектурные произведения не просто опосредованы основными смысловыми структурами общественного сознания, символами менталитета: в них *происходит специальное кодирование* смыслов и символов. Как происходит это кодирование в искусстве, как организована композиция архитектурного произведения? – это несколько более сложные вопросы, чем в других моноискусствах. Сложность связана с тем, что кроме художественной функции архитектура имеет также и утилитарную. Интересно, что *рефлексивное осознание процесса кодирования* происходит только при сравнении: когда сравниваются произведения одного времени, но разных культур или же когда по прошествии времени к памятникам обращаются люди иной ментальности. Мы уже говорили, что в самом менталитете происходит послойное накопление смыслов, поэтому в каждом последующем времени возникает *герменевтическая проблема* – необходимость интерпретации и перекодировки смыслов прошлого, введения их в новую ментальную систему. Мы предполагаем, что семантическая преемственность в культуре обеспечивает

ся за счет двух независимых спиралей внутри одной и той же культуры (но об этом – позже).

* * *

Таким образом, исходной конструкцией ментального пространства первобытного мира является взаимоотображенность, изоморфизм двух моделей – мир реальный и мир мифа. Из этой первой противопоставленности последовательно возникала достаточно сложная *структура понимания пространства*, обеспеченная рядом других специфических понятий. Они очень важны для всего последующего развития типов восприятия пространства и все они сохранились до наших дней (вполне возможно, и в нашей генетической памяти).

1. Мы как Центр

Первобытный принцип антропоморфизма

Антропный принцип сегодня приобрел статус космогонического. Характеризуя принцип антропоморфизма, психолог А. Пуанкаре называет его системой *координат, детерминированной нашим телом*. Речь у психолога нашего времени идет о том, что началом координат, относительно которых мы ведем отсчет мира, является человек. В первобытном обществе такая единоличность присутствовать не могла в принципе, ибо на месте “я” стояло “мы”. Таким образом, речь идет о принципе “мы как центр”, о *групповом антропоморфном начале* координат: *племя (род) и есть центр мира*. В дальнейшем уже не абстрактная, а вполне конкретная смысловая середина (*центр своего пространства*) стала приобретать важное символическое значение в архитектурном искусстве, в топике.

Когда наступит пора создания концептов мировых философских течений, в Древней Греции возникнет концепция, основанная на четверке (первостихий, первоэлементов, сторон света и т.д.), а в Древнем Китае – на основе пяти. Пятое из сторон света – “здесь”, то есть та самая *точка отсчета*, где находится антропоморфический центр мира.

2. Границы своего пространства

Всякая система, всякий организм начинается с границы. Не исключение и организм социальный. *Возведение границы* поселений, даже если они были временными, имело функцию как реальную (ограда – защита от зверей и врагов), так и культово-символическую, магическую (вспомните меловой “свят круг”, который чертит в “Вие” Хома Брут). Первая и главная пара “свое пространство – чужое пространство” предполагает, что и у чужого пространства есть своя граница. Но какая! По аналогии с очерченной границей *своего мира* где-то на “конце света”, где земля соприкасалась с небесным куполом (видимый мир), лежит эта граница *внешнего пространства* (невидимый и неведомый мир). Там, за той гранью, располагалось царство мертвых, которое некоторые племена Ганы и Того именуют “домом за рекой”. Это еще не совсем Стикс, но подобная река уже вполне может претендовать на его роль: *внешнее кольцо* есть граница жизни и смерти. Физическая это или смысловая граница, в мифе неразлично.

Часто одно накладывалось на другое и какая-нибудь реальная река имела для первобытного человека смысл реки смерти, чего никак не могли взять в толк пришлые европейцы.

Река как граница между мирами – социальным и мифологическим – постепенно становится важной частью смыслового ментального набора, и уже не только пространственного. Убеждение в том, что *вода очищает*, находим во всех разновидностях религий и эзотерических учений: Христос крестился в реке. Известен и “культ текущей воды” в Древнем Риме. Со временем люди освоили океаны, граница водяной и земной стихий осталась в менталитете такой же важной – и возникли представления о первоокеане (вместо бывшей реки), “от сотворения мира”. Царство мертвых при этом вынужденно переместилось уже в вертикальное измерение (Рай и Ад, Аид как подземное царство мертвых). Кстати, мертвых первобытные люди боялись не меньше, а то и больше, чем всех своих реальных врагов. Царство мертвых за гранью своего пространства – первая горизонтальная “зеркальность” миров:

это антипространство смерти есть перевернутое отражение реальности по многим параметрам, не только “жизнь – смерть”.

Вертикальная иерархия пространства рождается позже горизонтальной. Появляется вторая “зеркальность” (верх – низ, небо – земля). Картина освоенной *своей* земли, накрытой кристаллической полусферой, как у И. Босха, в общем-то, сложилась уже к концу первобытного менталитета.

3. Оси своего пространства

Если задаться вопросом о происхождении *естественных осей пространства*, то станет очевидно, что *главную ось* задает путь животворящего Солнца: **от востока на запад**. Поскольку это – путь, у его концов есть смысловые обозначения: *начало*, которое ассоциируется с рождением, возрождением, надеждой, и *конец*, который несет угасание и смерть (философия Дао, пути, сохранила множество подобных значений). Это отразилось в ориентации погребенных по линии “восток – запад”. Современные исследования асимметрии полушарий связывают парность с эмоциями и даже ценностями, что не могло не отразиться на феномене “правого – левого” (в разновидности “восток – запад и лицом к солнцу”): выключение у человека правого полушария приводит к положительным эмоциям, а левого – к отрицательным. Откуда приходит *горе*, а откуда – *радость*, становится понятно и с этой точки зрения, хотя она далеко не абсолютна.

Поскольку для первобытного человека реальность и миф зеркально отражены, изоморфны, то и в мифе эти значения сохраняются. Все важное и хорошее (Добро) приходит с востока: многие народы Африки восток мифологически связывают не только с рождением Солнца, но и с появлением человека; напротив, тяжелая болезнь и смерть уводят человека на запад. Вслушиваясь в звучание этих русских слов, нельзя не удивиться изначальному заряду их экспрессии, порождаемой сочетанием корня и приставки в обоих случаях: **восход** (*восхождение, воскрешение, восстановление, воссоедине-*

ние) и **запад** (“*запавшие* глаза” покойника; “за-пад” – то, что следует *за падением* во тьму смерти, *закапыванием* в темную могилу).

Границу (естественным образом и без лишних смысловых сложностей) мог изобразить только **круг**. В нем есть хорошо и сразу читаемое *внешнее и внутреннее*, в нем есть необходимый центр. Две линии (разные по важности): “*восток и запад*” (и их роль как “правого – левого” в нашем сознании) и “спереди – сзади” – в определенной связке с “востоком – западом” представляют солнечный – светоносный и теплый – **юг** и **север** – темный, несущий тьму, – образуя **крест**. Эта пространственная *ценностная ориентированность*, как видите, уже плотно насыщена смыслами, хотя она принадлежит самому позднему периоду первобытности. Если теперь середину круга (“мы”, по смыслу) и середину креста (тоже “мы”, по смыслу) совместить, получим древнейший из известных набор изобразительных знаков позднего палеолита: круг, крест, **круг в кресте**. Все эти символы живут в культуре до сих пор, в том числе и крест в круге, начиная с функциональной основы пространственной ориентации на земле в виде “розы ветров” и кончая церковными и даже спортивными символами и знаками.

Композиционное и смысловое *значение середины* обусловлено, например, тем, что в центре круглой деревни происходила встреча и общение (коммуникация) разных фратрий.

4. Иерархическое и функциональное членение пространства

Освоенный мир социума отличался от неосвоенного главным признаком: в нем человек был в относительной безопасности (это сладкое чувство дома и запах дыма из родного очага – “*и дым отечества нам сладок и приятен*” возникнут куда как позже из этого первобытного). Огороженное свое групповое пространство рода – двор. *Дом – двор* вписываются в третий круг – охраняемое пространство поселения, тоже защищенное. Позже эти ярусы обрастали дополнительными внешними кольцами (объединения поселений на основе союзных уз – торговых и военных). Качественно процесс заверша-

ется созданием государств (цивилизаций), в которых функция охраны внешней границы, отвлекающая массу ресурсов, была отделена от самого поселения. Первобытный мир есть вся история между минимальным “домом” и качественно новым “отечеством” – государством. Отсюда – такая раздвоенность нашего настоящего, как “малая родина” и Родина.

Природная среда, а также вообще весь непознанный мир, из которого могла исходить опасность, выступала “*перевернутым миром*” во многих отношениях. Интересно отметить, что данный тип “зеркально отраженного мира” необычайно активизировался в позднем средневековье, в эпоху “охоты за ведьмами”, и, может быть, сама эта эпоха лучше всего объясняется тем, что неразвитые люди, охваченные первобытным страхом, приписывали “ведьмам” и их вымышленному миру свойства-перевертыши (до буквальности). Рецедивы живут и в нашей психике в форме неясных страхов, известных нам с детства. Интересный анализ устройства пространства позднего средневековья (в концепции Т. Парацельса) дает К.Г. Юнг: “Limbus – это один круг. Анимистически оживотворенный мир – большой круг, человек есть limbus minor, меньший круг. Он – микрокосм. Поэтому внутри все – как и вовне, внизу – как наверху”. Перед нами уже удвоенное отражение миров, в связи с чем

К.Г. Юнг рассматривает связь структуры внешнего пространства и времени с их инвариантами в психике человека. Но должно было пройти много времени, чтобы человек вообще осознал себя микрокосмом: в групповом первобытном менталитете этого еще нет. Зато *кольца пространства* и оси уже есть.

Следует отметить еще один интересный момент, о котором мы еще будем говорить позже: иерархия на горизонтальной плоскости (кольца и квадраты) со временем объединятся с иерархией вертикальной и станут *иерархией в объеме* (конус или пирамида) – и тогда те же кольца (квадраты) приобретут совсем иной смысл, служа проекцией перпендикулярных сечений по иерархическим уровням. Например, в объеме подобной конструкцией явля-

ется пирамида Джоссера (как и ее среднеазиатские и латиноамериканские аналоги).

Вертикальные ярусы космоса возникли в менталитете уже в конце палеолита. Протянувшаяся сквозь антропоморфный центр линия “небо – земля – преисподняя” присуща всему этому менталитету и обнаружена в самых разных регионах Земли: это – **“Ось мира”** (axis mundi). От нее происходит столь же универсальное **“Мировое дерево”**, в котором воплощены как идея *развития вверх*, сопряженная с трудностями (земля – небо), так и идея падения вниз (земля – преисподняя). Сама земля (и это часто является ее знаком), распластанная по горизонтали, содержит *четыре луча* – известные нам по компасу направления сторон света. Нетрудно увидеть в этом пространственном построении (квадрат с осью посередине) пирамиду с квадратным основанием, одна часть которой видна над Землей, а вторая, зеркально отраженная, как бы скрыта под ней. Как само “мировое дерево”, так и пирамиды, его воплощающие в символическом виде, первоначальный смысл “здесь-простраства” расширяют до мифологического пространства: мировое дерево растет в мифе, и место его возникновения есть “место сотворения мира”.

В картине мироздания древних часто встречается **“Космическая гора”**, связанная с легендами о потопе (гора как спасительная суша, первой показавшаяся из воды). Нередко форма космической горы имела вид **пирамиды**, стороны которой символизировали **четыре стороны света**. Происходит это независимо от культуры: “пирамида волшебника” в Мехико структурно и символически ничем не отличается от египетских и вавилонских строений, таковы же и древнеиндийские представления.

Иерархическое членение пространства происходило естественным образом из жизни социума, но изначально имело смысловой характер, переходящий в ментальные символы. Кроме него и параллельно с ним возникало *функциональное членение пространства*, которое также оставило в ментальных символах свои отпечатки. Так, например, внутри своего пространства чрезвычайно важным было выделение **“магических мест”** (из которых потом

возникнут алтари и т.п. пространственно-смысловые единицы). Они иногда были локализованными, а иногда, исходя из сути самих магических ритуалов, возникали ситуационно и даже специально перемещались, чтобы обмануть злых духов.

Говоря о роли дихотомии в первобытном сознании, Л.Б. Переверзев подчеркивает, что круг (свое пространство) членится прежде всего на две половины: *для мужчин и для женщин* – это первое его функциональное расчленение. Мы здесь получаем классический пример применения первой фундаментальной группы симметрии: это – зеркальная симметрия. Вторым было членение возрастное (второе удвоение, причем уже связанное с динамикой, с фазами времени жизни), оно наложилось на первое перпендикулярно – возникли осевой крест и четверка. Таким образом, создавая пространство своей второй природы, люди выражали в нем свои представления о строении мира, о своем месте в этом мире и вместе с тем членили его исходя из потребностей групповой деятельности. Поскольку не все виды деятельности требовали пространственной локализации (и не все они выделились), мы находим в этом мире лишь самое важное зонирование, полностью совпадающее с важнейшими ментальными символами. Менталитет изначально выступает как идеально-символическое удвоение реальности и лишнего никогда не содержит. К его замечательным свойствам относится то, что ментальные символы живут и в нашем подсознании, как показал К.Г. Юнг (и, скорее всего, переходят по каналам генетической памяти рода), и в геносе культуры (можно предполагать, что они содержатся и в биосфере, и в некоем “информационном поле Земли”, в памяти такого сверхорганизма, как *человечество*, о чем говорит Л.Н. Гумилев, и в еще более сложной сфере разума – ноосфере, о которой ведет речь В.И. Вернадский).

Число и Символ в ментальной организованности пространства

Числовые модели в менталитете

Упорядоченность, обнаруживаемую внутри и вовне, необходимо было отразить и запечатлеть, чтобы передать группе и потомкам: это – первая идея культуры вообще.

Любая упорядоченность связана с *категорией количества*, а это находит свое выражение в представлениях о *числе*. Трудно зафиксировать, осознавалась ли, и если осознавалась, то фиксировалась ли исходная единичность, монадность первобытного менталитета. Зато достоверно известно, что первым стало *представление о двоичности*, из которого возник (или, наоборот, которое стало обобщением) упоминавшийся набор оппозиций (их можно дополнить множеством существенных для жизни оппозиций, образующих небогатую первобытную семантику, типа “свой – чужой”, “жизнь – смерть”, “свет – тьма”, “день – ночь”, “мужской – женский”, “полный – пустой”, “целый – битый” и т.д.). Скажем, разделить круг линией пополам не просто игра: это – знак устройства конкретной круглой деревни, разделенной по принципу “мужская и женская половины”. Известна также социальная космогония, проявившаяся в культурах *космических близнецов*, и многочисленные бинарные структуры, буквально пронизывающие наиболее древний слой менталитета. Социальная парность (две фратрии) имела вполне функциональный смысл: она обеспечивала правильные браки (дуально-экзогамная организация общества).

У ряда африканских племен зафиксировано развитие двоичной модели до триады: перед нами – *спектр* (начало, середина, конец). И эта тройка, где присутствуют три цвета – черный, красный, белый, – недаром фиксируется в их языках как *представление о цветовом единстве космоса*. На самом-то деле черное и белое (ахроматическое) есть выражение всех возможных дихотомий (есть свет – нет света), а цвет здесь один, но зато какой: красный есть *цвет, вызывающий максимальное зрительное напряжение* в зрительном поле, это – квинтэссенция цветовой энергетике. Если встать лицом к Солнцу, то на

востоке оно восходит (белое как свет), на западе заходит (черное как тьма, “не-свет”), а посередине – оно само, животворящее *красно солнышко*. Закрыв глаза при взгляде на солнце, вы и сами можете узреть этот интенсивный красный. Неважно, какими иными смыслами наделялась данная “тройка” во множестве культур, но “черное – белое – красное” – явный всеобщий архетип.

Четверка как ментальная модель возникла в поздней первобытности. Она тоже связана с пространственным членением деревень (четырёхчленная дуально-экзогамная система) по двум признакам – пола (мужской и женский) и возраста (старшие и младшие). Лишь в развитом общественном сознании стало возможным *наложение двух дуальных принципов*, и закрепилось оно там надолго (например, у австралийских аранта одна и та же деревня описывается жителями то как поделенная экзогамно пополам, то как разделенная на четыре части). Нужно отметить, что **пространственная, социальная и ментально-символическая организация одного и того же общества всегда совпадают**. Это наша вторая важнейшая гипотеза, которая может впоследствии получить статус закона – **закона единого числового инварианта**.

Психофизиология человека со времени верхнего палеолита осталась неизменной, а зримые символы, отражавшие деление пространства и времени в том историческом периоде, были связаны с “магическим числом семь”, что, как известно, у человека вписывается в границы объема оперативной памяти и внимания (7 ± 2). Но эта известная гипотеза кажется нам недостаточной, ведь ряд “5 – 7 – 9” в действительности закрывает лишь нечетные модели (полный его вид: “1 – 3 – 5 – 7 – 9”).

С нашей точки зрения, в любом формационном менталитете в качестве опорных числовых инвариантов *последовательно* фигурируют числовые модели от 1 до 12. Мы подробно исследовали данный набор и множество сопровождающих его закономерностей в книге “Числовые инварианты в менталитете” («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16542,

02.06.2011). Таким образом, очень важные статические модели нечетного ряда (“2 – 4 – 6 – 8 – 10 – 12”) также участвуют в менталитете в качестве числовых инвариантов и имеют там свое назначение. В ментальных знаках представлен весь ряд – и уже в поздней первобытности можно обнаружить работу структуры известных “зодиакальных кругов” (число “12”), воплощенных в архитектурных сооружениях. Например, структура и функциональные зоны монгольской юрты – “гэра” – строятся на основе хронотопа, что соответствует двенадцатимесячному циклу календаря (отражение времени в структуре пространства и в функциях), и с ориентацией по странам света (топики). Поскольку само число “12” имеет множество расшифровок по группам (2 x 6, 3 x 4, 4 x 3, 6 x 2), то и *значений* такие инварианты могут содержать множество. Каждая из подобных расшифровок имеет в мифологии не просто свой сакральный смысл, а содержит целые букеты смыслов (например, 2 x 6 – звезда Давида-Соломона). Множество смыслов числа “12” представлено в последних работах С.Л. Василенко на АТ .

Мы называем бытующее в качестве модели-инварианта доминирующее число “**ментальным числом**”.

Указанные закономерности фиксирует также и первобытный орнамент. Орнамент как способ изображения основан на *одномерности* – это прежде всего плоскостное изображение. Тем не менее в нем есть все виды симметричных преобразований, а симметрия не только геометрическая закономерность, но и алгоритм, содержащий процесс, процедуры и приемы построения. Мы выразили эту закономерность в работе «Эволюция симметрии в искусстве» // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ. 16294, 15.01.2011. Таким образом, **число** как математическое выражение **геометрической** закономерности есть вместе с тем и **время** – операционная программа действий при построении орнамента. Освоенное *количество* зафиксировалось в практическом *счете*, где первые понятия идут от зрительных моделей, и только позже они фиксируются в речи.

Символизм и первичность языка первобытного менталитета

Как язык интонаций древнее членораздельной речи, так и язык зримых символов, по-видимому, древнее языка букв и чисел. Первобытный мир не имеет письменности, не имеет буквы и числа, тем не менее в нем активно функционирует социальная коммуникация, в которой есть и число. Интересно, как?

Первобытная коммуникация построена, во-первых, на языке изобразительных символов (рациональная часть синкретичности), во-вторых, – на языке того, что мы привыкли называть искусством, но “искусство” никак не выделено из самой жизни, и понять это нам очень сложно (у нас ведь представление об искусстве связано со словами пушкинского Моцарта: “нас мало избранных, счастливых праздных, единого прекрасного жрецов”, то есть искусство непременно должно быть вне *низкой жизни*). Однако весь язык будущих моцартов сложился под удары бубнов шаманов, и это – *ЯЗЫК ИНТОНАЦИИ, ЯЗЫК КОМПОЗИЦИИ*, специфический язык, со своим богатейшим морфолого-синтаксическим набором, в котором уже есть все, что есть в современном языке.

Если говорить об изображениях, то следует отметить, что задолго до рисунков животных появился язык линий и точек (пятен), который вполне можно назвать *абстрактно-геометрическим*. Развитие изобразительных начал во всех культурах начинается от рационального и восходит к чувственному выражению (позже мы покажем, что это связано с дискретностью и обратностью социального времени). Применительно к ранним стадиям первобытности мы имеем “рациональность в кубе”, потому что здесь только начинается история человечества, а в истории действует тот же закон: изобразительные модели развиваются в направлении от рациональных к чувственным. Если не связывать рациональность с наукой, а воспринимать ее как проявление языка общественной коммуникации (чем она является и поныне), то гиперрационализм первобытных палочек, крестиков и кружков становится понятнее.

В композиционном смысле *порядок есть регулярность*, отсюда – характерный монотонный *повтор идентичных элементов*, который выступает главным приемом раннего первобытного рисования, и он явно восхищает самих первооткрывателей. Повторяющиеся штрихи, полосы, нарезки, высверленные ямки, прочерченные ломаные линии на разных материалах *не постепенно абстрагировались* до элементов универсального графического языка (как представляется этнографам), а возникли в данном качестве сразу. Чтобы отнестись к линии или ямке абстрактно, как к элементу знака, нужно было пережить революцию мышления, и, пережив ее, люди получили свой первый язык общения. Есть еще один важный момент: виды искусства рождаются из синкретического ядра, в основе которого лежит тело самого человека – его первый естественный инструмент. Известные *ритуальные танцы* (язык тела) есть начало (хотя уже очень развитое) этого процесса. Вот почему в самом акте рисования для первобытного человека есть два неразрывно слитых элемента: моторный акт *показа* и изображение как его след. Рисунок круга, возникший от долгого танца на земле, и рисунок круга рукой имеют один смысл. Акт рисования сам по себе достижение более поздних времен, акт моторного *показа* – явление более раннее: как утверждает В.Н. Романов, сообщением в ритуале является сам ритуал.

Показ единовременен, о нем можно помнить, но недолго, в пределах жизни и в пересказе. Изображение удваивает действительность и обладает свойством независимой жизни во времени, это его свойство зависит уже только от прочности используемых материалов. До нас недаром дошли рисунки на камне и кости: у первобытных людей было хорошее представление о временных свойствах этих материалов, оно было отработано в трудовых процедурах.

Здесь важно понять, что все “пространственные искусства” уже в среде первобытно-общинного строя являют собой единое целое, и это целое лишь слегка иерархично. “Первобытная архитектура” имеет свойство всеобщности: она принадлежит всем, поэтому на архитектуру ложится специ-

фическая “художественная” нагрузка – она должна строиться на основе самых значимых для данного сообщества ментальных символов, поскольку и трудозатрат на нее много. В современном и недавнем фольклоре система символов уже носит сугубо декоративный характер: их сакральное значение давно утрачено, а изобразительные символы удивительно бережно передаются из поколения в поколение (причиной чего выступает “мизонеизм” – суеверный страх нового).

От моделей сугубо рациональных и достаточно абстрактных движение шло к природным (например, важнейшие мифологические образы “мирового дерева” и “космической горы” отражали более интонированные образы мира).

В композиционно-смысловом ракурсе *архитектурное пространство* уже достаточно пластично: оно имеет свойство “сгущаться” в важных зонах и “разрезаться” за их пределами, что обусловлено иерархически-символьным и функциональным устройством такого пространства. *Ментальное пространство*, будучи закреплено в коллективных символах, живет так, как живет *мышление*, а архитектура, с ее выразительными возможностями, выступает в этом смысле как *всеобщий язык*, говорящий о данном менталитете (хотя то же можно сказать обо всем искусстве). Когда мы отмечаем, что во всем первобытном обществе, независимо от локализации, фигурируют одинаковые знаки и используются близкие способы выражения, то это обусловлено как единством самого нашего мира, так и единым устройством психики человека.

Мы упоминали о ряде важнейших первоначальных символов. Так же постепенно, как рождались элементы и символы первобытного менталитета, рождался и *синтаксис*, начинавшийся с простых способов сочетания абстрактных первоэлементов, но на этом пути количество промежуточных проб было чрезвычайно велико. В *неполных* синтаксических и комбинаторных пробах многого расшифровать нельзя: что означают все эти линии, параллельные, под углами, кресты, квадраты, прямоугольники, ромбы, овалы, кру-

ги, диски, шары и более сложные образования, мы, скорее всего, полностью уже не поймем никогда. Это знакомо нам из нашего же детства, в котором элементов первобытного мышления, видимо, очень много: все мы писали некие *тайные письма* на своих *тайных языках*, натываясь на которые во взрослом состоянии, смотрим на них с недоумением. Мы видим подобные истории и в эволюции культуры (история алхимии, символический язык розенкранцев и т.д.). Важно отметить, что все ранние стадии (самого человека, обществ, цивилизаций и культур) в чем-то возрождают элементы бывших до них архетипов. Это относится и к нашему этапу истории, где элементы “архаического сознания” совершенно неожиданно для многих заместили довольно развитую и утонченную ментальную модель “развитого социализма”.

Можно только предполагать, исходя из контекста, что именно отражалось в первых графических текстах: важнейшие познания и *представления о времени* (о его циклах, от которых зависели благополучие и сама жизнь), а также *о пространстве* и всех его ментальных свойствах. Различие разве что в способах фиксации: так, в поздней первобытности, когда пошел косяком поток сооружения мегалитов, все то же самое воспроизвелось не нарезками, а многотонными глыбами – и мы никогда не раскроем загадок Стоунхенджа и подобных каменных писем из прошлого, всегда это будет только часть и предположение. Но если мы примем нашу гипотезу (*пространство “второй природы” в любой момент истории есть точное отображение менталитета этого момента истории*), обратимся к структуре менталитета соответствующего момента истории и раскопаем его под поздними наслоениями, то трактовка всей этой загадочной архитектуры станет на порядок более достоверной. По сути, мы предлагаем здесь новый тип археологических изысканий, у которого большое будущее, – ментальную археологию.

Гипотезы ментальной археологии

Отвлечемся немного в эту сторону и поговорим о проблеме, которой многие интересуются: существовали ли развитые цивилизации до первых,

известных нам, например Атлантида? Чтобы найти следы Атлантиды, их надо искать в менталитете. Но для этого следует построить пару-тройку достоверных гипотез. Мы выдвинули гипотезу, согласно которой в истории человечества независимо (как на двух спиралях ДНК) существуют две ветки. Они *попеременно* выходят на поверхность истории именно как *ментальные формации*, вот почему мы не обнаруживаем между ними плавной преемственности. Меня навело на эту мысль совершенно нелогичное с виду продолжение буйного спирально-линейно-декоративного искусства поздней первобытности... в начале империи Каролингов. Это был простой формальный признак, но дальше меня начала буквально преследовать странная схожесть средневековья с первобытностью и полное отсутствие преемственности ее с античностью. Античность как форма менталитета не только никак не повлияла на средневековье, но и буквально была блокирована в нем (через систему “авторитетов”, почти мафиозную, по сути, так что совпадение не случайное). Но та же античная ментальность расцвела и приобрела второе дыхание в Новом времени (а отнюдь не в Ренессансе, где от нее бралась лишь форма), в котором как раз нет ничего в менталитете ни от средневековья, ни от первобытности. Так, египтяне, римляне и финикийцы активно осваивали мировой океан, и есть свидетельства их пребывания в Америке; с этого незавершенного в античности освоения планеты начинается Новое время – “эпоха великих географических открытий”. Напротив, в менталитете средневековья мы не обнаруживаем никакого желания достоверно познавать мир, карты мира выполняются на основе ссылок на древние авторитеты.

И напоследок нетрудно продолжить линию средневековья в нашем “социализме”: надо ли вам объяснять, что наш социализм со времен товарища Сталина был и остается *сеньор-вассальским*, поделенным на феодалы, с прикрепленными к ним крепостными (разных видов). Первобытность и средневековье в этом менталитете присутствуют, античность и Новое время – ни в какой степени. “Необходимо подчеркнуть, что и в древности, и далеко за ее пределами, буквально вплоть до XX в., внутри ряда цивилизованных обществ

отдельные слои населения лишь в самой незначительной степени втягивались в гражданские отношения, оставаясь, в сущности, за пределами “теоретической” культуры. Примером здесь может служить русское общинное крестьянство, приобщение которого к цивилизации в основном началось с проникновения в деревню капиталистических отношений, а окончательно завершилось уже при Советской власти в период колхозного строительства. Собственно говоря, именно неразвитость гражданских отношений в деревне XIX века в конечном итоге и позволяет широко привлекать русский этнографический материал для реконструкции наиболее существенных типологических черт первобытной культуры,” – пишет В.Н. Романов. Продолжение линии первобытности – лагеря и “стройки коммунизма” (дорабовладельческие отношения к скоту лучше, чем к “человекам в загоне”), “шараги”, да и теперешние наши “демократические резервации” с бессмертной крепостной пропиской. Можно, конечно, сказать, что социализм не попадал в страну, где был *общинный* менталитет с *позднесредневековым* управлением (абсолютизм), но можно посмотреть на это и наоборот: он только и мог возникнуть здесь, ибо ***новая ментальность новой формации*** должна была стать и стала продолжением линии первобытности и средневековья. И то, что происходит сегодня, попытка привить античную ветку на совсем другую по сути, – ментальный нонсенс. Подобные действия порождают некую ирреальность психологии: как заметил один наблюдательный экономист, однажды ехавший со мной в поезде, многие директора заводов и предприниматели ведут и чувствуют себя так, как если бы парткомы не упразднили, а только на время убрали и завтра их вызовут на ковер и заставят все вернуть назад. Поэтому западное “предпринимать” вырождается в знакомое российское “воровать...”

Кстати, исторически аналогичная Германия начала века вроде бы могла стать тем же *слабым звеном*, и в ней было все необходимое: революция, “Рот фронт”, Тельман, смешной и слабый Гинденбург и т.п. Но к власти пришел именно Гитлер, и привели его туда заводчики и банкиры, опора Нового времени. Им нужно было дореализовывать потенциалы, заложенные в рационали-

тическом эгоизме Нового времени. Вот почему образцом для нацизма стал Рим (Рейх) и даже сама его тысячелетняя длительность. И при всем *дословном сходстве* лозунгов Геббельса и идеологов Сталина цели этих двух тоталитарных машин были полностью противоположны, хотя в конечном итоге оборачивались претензией на мировое господство. Гитлер строил Рим на капиталистических колесах; его позднеримская, по сути истеричная, риторика, символика, даже астрология, эротика и архитектура, все это жуткое прагматичное общество извлекают прибыль даже из трупов концлагерей. Сталин строил все ту же средневековую Российскую империю, только очень большую, и в ментальности его империи не слишком изменились, по сути, все предыдущие тео- и мифологемы. При желании проанализируйте простой набор ментальных символов, изложенный в его речах, – и вы увидите, что он средневековый и даже местами первобытный. Он и говорил-то, в противовес *демагогу-фюреру*, как должен говорить средневековый всевластный абсолютный монарх. Но это – детали. По сути же, в исторической схватке двух кровавых тираний сошлись две исторические ветви: тогда победила первобытно-средневековая, но цели своей после победы она не достигла, позиции античной ветки были очень сильны и вне Германии. Зато античность отыгралась на нас сейчас – и тоже совершенно бессмысленно: это такая же пиррова победа, как наша – над Германией. Если говорить о теориях конвергенции, то в данном ракурсе обсуждать проблему бессмысленно: может быть, и можно соединить капитализм с социализмом, но *соединить ментальный индивидуализм с ментальным коллективизмом нельзя*, что-нибудь да победит. *Снятие* же в гегелевском смысле вполне возможно, но оно означает вообще *иное качество* общественного организма – без коллективизма и индивидуализма. Пока представить трудно, но вполне возможно: менталитет развитого в каждой единице Человечества.

А что же Атлантида? А вот что: если линия первобытности имеет продолжение в средневековье, то линия первых великих цивилизаций и античности (Древний мир) возникает после первобытности как-то слишком уж сразу,

на пустом месте, но пугающе могущественным образом. Из ничего, без предварительных исторических заготовок этот мир возникнуть не мог. *Военная демократия*, которую нам подают как якобы переходную, совсем не переходит плавно в могучие первые цивилизации, она как раз плавно переходит в средневековье – все идентично именно на этом стыке (“Представления о Вселенной, содержащиеся в христианстве, исламе, иудаизме, буддизме и других религиях, не только соотносятся в главных чертах с первобытными представлениями, но и содержат много общих черт, различающихся лишь в деталях”, – с удивлением пишут об этом исторические психологи. Первые могучие цивилизации Египта и Междуречья есть *антипод военных демократий* по единственному признаку: “мы – я”. Первобытность есть “мы” (и средневековье есть “мы”, и социализм наш, по известному роману Замятина, есть “мы”), начало Древнего мира есть “я” – “я” фараона, “я” гражданина полиса, “я” гражданина Римской империи; Новое время и порожденное им общество потребляющих эгоистов тоже есть “я”. Очень похоже, что данная линия (с такой противоестественной тенденцией) с ходу возникнуть не могла. Таким образом, следы Атлантиды (или многих атлантид) нужно искать в самом генезисе исторической ветки. Платон вовсе не пошутил на этот счет, и хлесткое обвинение Аристотеля (“Платон мне друг, но истина – дороже”), относящееся к рассказу об Атлантиде, – зрящее обвинение.

И еще. Предложенная нами *ментальная археология* имеет свой неожиданный, но в чем-то естественный аналог. Поскольку мы знаем из *обобщенного закона Геккеля*, что *онтогенез повторяется в свернутом виде в филогенезе*, нечто сходное с первыми шагами в искусстве первобытных людей мы обнаруживаем на ранних стадиях развития у детей. Чтобы это наблюдать, не нужно проводить никаких раскопок или искать племена, застрявшие в первобытности. Данная гипотеза в несколько ином виде прослеживается у Рудольфа Арнхейма в его книге “Искусство и визуальное восприятие”, и она же отражена в таких работах К. Юнга, как “Аналитическая психология и воспитание” и “Об архетипах коллективного бессознательного”.

Вот как, например, характеризует работу Карла Юнга современный американский психолог Станислав Гроф: “Изучая специфическую динамику бессознательного, Юнг открыл функциональные единицы, для которых подобрал название комплексов. Комплексы – это констелляции психических элементов (идей, мнений, отношений и убеждений), объединяющихся вокруг какого-то тематического ядра и ассоциирующихся с определенными чувствами. Юнгу удалось проследить комплексы от биологически детерминированных областей индивидуального бессознательного до изначальных мифопорождающих паттернов, которые он назвал архетипами. Он открыл, что в ядре каждого комплекса архетипические элементы тесно переплетаются с различными аспектами физической среды... Позже, исследуя случаи необыкновенных совпадений, синхронностей, которые сопровождают этот процесс, он пришел к выводу, что архетипы должны каким-то образом влиять на саму ткань феноменального мира. Поскольку они представлялись связующим звеном между материей и психикой, он называл их психоидами”. Отметим здесь ключевые слова: **комплексы, архетипы (паттерны), синхронности, психоиды.**

“Раскопки” К. Юнга в области коллективного бессознательного, как нам кажется, были проведены лишь в одном направлении. Он акцентировал взаимосвязь между материальным и психическим мирами, в первобытности в таком качестве выступали определенные архетипы, которые имели одинаково важное значение в организации всех уровней жизни *первобытного* сообщества. Но никто не провел раскопки второй ветки истории, где структура архетипов должна быть гораздо древнее (и вообще она иная по устройству). Карл Юнг работал с архетипами по большей части взрослых (и в основном европейцев) и искал там то, что и нашел. У детей, что иногда отмечают в возрастной психологии, обнаруживается ***двойственность исходных архетипов***: и эгоистических, и коллективистских. Впрочем, это будет пока интересно скорее самим психологам, чем историкам и философам.

Мы выделили здесь формирование не только пространственных представлений (как до этого – временных), но и способов их фиксации до появления любых дописьменных, буквенно-числовых носителей информации.

Система древних пространственных символов

Устойчивая система элементов архитектурных сооружений (стойки – колонны, крыша, окна – двери и т.д.) производна от ментальной модели пространства и способов оперирования им. Но мы в первую очередь должны определиться с архитектоникой ментального пространства и с выражением ее в архитектуре (не только первобытной, но и развивающейся по сей день). Повторим некоторые постулаты, из совокупности которых вырисовывается достаточно полная картина интересующих нас оснований.

Реальность и миф в менталитете изоморфны, и к тому же зеркально отражены (природная среда и непознанный мир, откуда исходит опасность, – «перевернутый мир»). Поэтому *ведущим типом первобытной симметрии является зеркальная симметрия.*

1. Круг. Иерархия вложенных колец

Картина освоенной *своей* земли предполагает наличие антропоморфического *центра* (из него потом вырастет определение «человек есть *limbus minor*, меньший круг», а пока человек не отделен от сообщества-рода).

Граница освоенной *своей* земли – круг (первое кольцо), *Limbus*. Кольцо делит мир на *внешнее и внутреннее* пространство. Внутреннее пространство (по смыслу это – двор) содержит «центр».

Круг с обозначенным центром – священная форма, где важнейшее – граница между «*sacrum*» и «*profanum*». Например, центр Стоунхенджа имеет значение «*Sanctum Sanctorium*» (святая святых), – место важнейших ритуалов. Таковы и многие иные мегалиты первобытного мира.

При этом следует различать круг (границу), который реален, и центр – он уже смысловая абстракция.

Внешнее кольцо (круг). Дом – двор вписываются в охраняемое (освоенное, понимаемое) пространство поселения. Анимистически оживотворенный мир образует большой круг. Причем, в нем изначально есть две интенции: анима и анимус (от лат. *anima* и лат. *animus* – «жизненное начало» или «душа» в женском и мужском родах). Мужское направлено вовне, женское – вовнутрь.

Дополнительные внешние кольца (объединения поселений на основе торговых и военных союзов) – расширяющиеся кольца – до государств.

Вот значения «круга» из словаря символов и знаков.

Круг «символизирует бесконечность, совершенство и законченность. Эта геометрическая фигура служит для отображения непрерывности развития мироздания, времени, жизни, их единства. В то же время кругу свойственна ориентация на центр (невидимый, но реальный; так, например, в некоторых мандалах центр не изображается, но «реконструируется» в ходе медитации). Круг с точкой в центре может быть рассмотрен как олицетворяющий процесс развития от одной точки и уподоблен эмбриону. Круг – это солярный символ, что обусловлено не только формой, но и круговым характером суточного и годового движения солнца. Соотносится со сферой как идеальным геометрическим телом.

Связь круга и круглых форм с женским началом является хотя и не универсальной, однако широко распространенной. Одной из основных функций круга является разграничение внутреннего и внешнего пространства. Эта фигура связывается с защитой (магический круг, очерченный для защиты от нечистой силы, используется в различных традициях). Круг – одна из форм созидания пространства. Различные архитектурные строения являются круглыми в плане, в форме окружности возводятся поселения.

В большинстве традиций космос, в качестве упорядоченного пространства жизни, предстает в виде шара, графически изображаемого посредством круга.

В символике круга также нашла отражение идея цикличности времени (русское слово «время» прослеживается до корня со значением «то, что вращается»; зодиак, олицетворение года, – это «круг зверей»). Круг противопоставляется квадрату и в то же время постоянно соотносится с ним. Например, в мандале внешний круг символизирует целостность универсума, вписанный в него квадрат – пространство обитаемого мира, тогда как круг внутри квадрата содержит сакральный объект почитания. В западной традиции представление о синтезе круга и квадрата воплощено в понятии квадратуры круга.

В силу того, что круг традиционно соотносится с солнцем и рассматривается как самая совершенная из фигур, превосходящая прочие, господствующая над ними, то верховное божество также представляется в виде круга. В дзен-буддизме, где отсутствует понятие Бога, круг становится символом просветления как абсолюта. Китайский символ Ян–инь, имеющий вид круга, разделенного пополам волнистой линией, символизирует взаимодействие, взаимопроникновение двух начал бытия.

У Данте Троица воплощена в образе трех равновеликих кругов разного цвета. Один из них (Бог-Сын) являлся как бы отражением другого (Бога-Отца), словно радуга, рожденная радугой, а третий (Бог-Дух) казался пламенем, рожденным обоими этими кругами (согласно учению католицизма, Святой Дух исходит от Отца и Сына). В этом контексте символика круга утвердилась при фиксации идеи верховной власти на земле (шар-держава, кольцо)».

2. Крест

Оси своего пространства – естественные оси пространства.

Главная ось – *от востока на запад* («правое – левое»). Вторая ось – *юг и север* («спереди – сзади»).

Вот значения «креста» из словаря символов и знаков.

«В различных культурах крест символизирует высшие сакральные ценности: жизнь, плодородие, бессмертие. Противопоставляется кругу и квадра-

ту, которые наделяются функцией отграничения некоего внутреннего пространства, тогда как **крест актуализирует идею центра и исходящих вовне направлений**. Связан с символикой солнца и представляет собой изображение спиц солнечного колеса (двух перпендикулярных диаметров круга). В этом значении использовался в Индии, Ассирии, Китае, Финикии; также был известен древним скандинавам и германцам.

Крест воплощает единение противоположностей: духа и материи (символизируемых, соответственно, тремя измерениями по вертикали и четырьмя по горизонтали), мужского и женского, высшего и низшего, жизни и смерти. Смерть божества или героя на кресте ведет к возрождению в новой, вечной жизни – этот мотив отражен в мифологии многих народов. Крест-перекресток связывается с идеей выбора. Крест может быть рассмотрен как космический символ: его поперечная перекладина символизирует горизонт, **вертикальная стойка – ось мира**; концы креста олицетворяют четыре стороны света.

Египетский анх – крест с петлей в навершии – являлся символом жизни, бессмертия; также понимался как ключ к божественному знанию.

T-образный крест у евреев – символ мессии, спасения и вечной жизни; в целом он олицетворяет равновесие противоположных принципов. Равносторонний крест – символ связи мужского и женского, вертикального и горизонтального. Существует два главных типа креста: латинский и греческий, особенности которых повлияли на типы архитектуры обеих церквей.

Крест анх использовался коптами, египетскими христианами. Он связывает крест с деревом жизни. Египетский иероглиф анх был знаком жизни, а также клятвы. Анх был в руках у мумий умерших и изображался в руках фараонов. Он состоит из тау креста, увенчанного иероглифом «ру». Крест Тау, имеющий направление вниз, означает снисхождение духа в материю (четыре стороны света, четыре элемента). Иероглиф «ру» (знак духовного, врата рождения, третий глаз) означает изливание света и проход существ из тонких миров в мир материальный. Сочетание круга и креста является знаком сплава

духовного и материального, символом инициации, второго рождения, а также символом видения тонких миров».

Комбинаторные производные

1. Крест в круге = круг + крест.

2 Квадрат. По смыслу квадрат есть то же кольцо + крест, но выполненное одними прямыми линиями. Это – более экономичное (один тип линий), но главное – *квантированное*, образование.

Вот значения «квадрата» из словаря символов и знаков.

«Геометрический символ, значение которого связывается с числом четыре, равенством, прямоотой, порядком, единообразием, землей. Квадрат предполагает упорядочивание четырех различных элементов. В силу этого он соответствует символике числа четыре и всех четырехчастных структур, Четные числа и формы характеризуются свойствами стабильности, в противоположность динамике нечетных чисел и соответствующих им геометрических форм. В системе этических представлений с квадратом связываются истина, справедливость и мудрость. В психологическом отношении он ассоциируется с прочностью и устойчивостью, и это служит объяснением его использования в различных процессах преобразования природных форм. Это образ стабильной структуры, статической целостности.

Магический квадрат, как считается, концентрирует в себе энергию, связанную с лежащим в его основе числом.

Квадрат выступает (наряду с кругом) как основная модель структурирования мира, в элементарном (четыре стихии), в пространственном (четыре стороны света), во временном (четыре времени года, стадии человеческой жизни и эпохи человечества) и в социальном (четыре основных класса) его аспекте. Все эти четверичные структуры задают основу порядка и стабильности мироздания. По этой причине связанные со сферой сакрального предметы, имеющие квадратную форму, могут рассматриваться в качестве символов мироздания (шахматная доска, бубны шаманов). Квадрат воплощает основ-

ные пространственные ориентиры, организованные в оппозиции (верх – низ, левый – правый). С квадратом обычно соотносится мужское начало, а с кругом – женское, однако в ряде традиций существует обратное соответствие: китайская, индийская и другие традиции считают квадрат «женской» фигурой, поскольку он соответствует земле, в противоположность мужскому образу круга (неба). Так, например, в китайском трактате «Ли цзи» говорится, что земля квадратная, а небо круглое: ввиду своей ограниченности в пространстве земля описывается знаком квадрата, а бесконечное небо обозначается бесконечной линией (окружностью).

Квадрат лежит в основе многих архитектурных сооружений (зиккурат, пирамида, пагода), квадратную форму имеют алтари, поселения нередко строились квадратными в плане. В иранской мифологии обитель праведников Вара имеет форму квадрата; в этом образе нашла отражение идея о квадратном ограждении, внутри которого располагается упорядоченный мир, противопоставляемый внешнему, исполненному хаоса и смерти».

Три отражения

1. Горизонтальная «зеркальность» миров.

Антипространство смерти – перевернутое отражение реальности. Внутри = вовне как отраженность по многим параметрам, а не только «жизнь – смерть». Третьего нет, но есть «граница».

2. Вертикальная иерархия пространства – вторая «зеркальность».

Внизу = как наверху (верх – низ, небо – земля). Итогом ее стал первый «спектр»: сквозь антропоморфный *центр* проходит линия «небо – земля – преисподняя»).

Отсюда происходят очень важные ментальные символы:

«*Ось мира*» («axis mundi»). Чаще всего вокруг нее – путь Солнца.

«*Мировое дерево*» – идея *развития вверх* (земля – небо) и идея падения вниз (земля – преисподняя). Мировое дерево локализовано как *место сотворения мира*.

Вот значения «деревя» из словаря символов и знаков.

«Дерево – один из центральных символов мировой традиции. Подобно другим растительным формам, оно связывается с плодородием, процветанием, изобилием, однако прежде всего оно является олицетворением жизни в различных ее аспектах и проявлениях. Кроме того, дерево может выступать как символ вечной жизни, бессмертия. Оно соотносится с мирозданием и, в контексте идеи тождества макрокосма и микрокосма, с человеком (в силу вертикального положения последнего), человеческим родом (ср. генеалогическое дерево). Основные символические формы, связанные с деревом, – мировое дерево (реализующее универсальную концепцию мира) и его варианты – дерево жизни и дерево познания.

Дерево в качестве воплощения жизненного начала олицетворяет стадии существования: рождение, рост, увядание, смерть; оно также предстает как символ восходящей линии жизни, процесса распространения жизненного начала, способности самовоспроизведения. Кроме того, оно отражает идею бессмертия всего существования и отдельных его форм (прежде всего человека). Образ дерева жизни одновременно соотносится и со вторым членом оппозиции жизнь – смерть; образ дерева смерти встречается, например, у Пушкина в стихотворении «Анчар». В романском декоративном искусстве крона дерева жизни предстает как лабиринт листвы, что вносит дополнительные коннотации в этот образ, связанные с идеей хаоса и его преодоления.

Образ дерева познания возникает на более поздних стадиях культуры. Он символизирует способность различения сущностей с целью достижения состояния совершенства и выступает параллельно дереву жизни (иногда даже сливаясь с последним). В вавилонской мифологии описываются дерево истины и дерево жизни, растущие на небесах. В египетской традиции также известны оба эти образа. В буддизме фигурирует дерево Будды (смоковница, или фи́га, называемая бодхи), под которым тот обрел просветление; в то же время этот образ соотносится с фигой как мировым деревом в индуизме. Ясень Иггдрасиль, мировое дерево скандинавской мифологии, в определенной

степени выполняет функции древа познания: стремясь обрести тайную мудрость, Бог Один девять дней и ночей провисел на нем, принеся себя в жертву. (Ср. у Юнга дерево предстает как символ психических процессов, где корни олицетворяют бессознательное, ствол – сознательное, а крона – транссознательное.)

Образ мирового древа широко распространен во многих культурах и выступает одним из олицетворений **мировой оси, аналогом мирового столпа, мировой горы, символом центра мира.**

Три космические сферы ассоциируются с тремя частями дерева: нижний мир – это его корни, земля – ствол, крона – небеса. Само мировое древо наделяется функцией взаимосвязи между тремя мирами.

Посредством этого образа осуществлялось структурирование мирового пространства. Например, части мирового древа древнеиндийской традиции, ашшватхи (смоковницы), соотносятся в упанишадах с различными частями макрокосма и с различными элементами социальных структур. С мировым деревом связываются важнейшие оппозиции культуры (например, верх – низ, правое – левое, небесное – земное, мужское – женское).

Рассматриваемое по вертикали мировое древо отождествляется с различными **тройственными структурами**: прежде всего это три уровня мироздания, но также и три времени, три поколения, три части тела. С каждой частью вертикали мирового древа соотносятся различные группы существ: лягушка, мышь, рыба, дракон и змей (хтонические силы) ассоциируются с корнями; олень, лось, корова, конь, лев, единорог и другие животные (а также человек) соответствуют стволу; птицы связаны с листвой.

Горизонтальная структура мирового древа указывает на четыре стороны света (для каждой из которых может выделяться животное, растительное, цветочное и т. п. соответствие), соотносясь с квадратом и другими четверичными формами, и выделяет центр; сходная символика нашла отражения и в различных культовых сооружениях (менгир, зиккурат, пирамида, ступа, па-

года). В своей горизонтальной структуре мировое древо моделирует числовые и пространственные отношения, времена года, части суток, стихии.

Таким образом, **вертикаль мирового древа соотносится с числом три**, переходом, динамическим, духовным началом; **горизонталь – с числом четыре**, стабильностью, статическим, материальным началом. Сумма числовых соответствий передает синтез двух аспектов, их произведение – символизирует совершенство и полноту.

В числе символических коннотаций образа мирового древа – вечное обновление и космическое возрождение, плодородие и сакральность, бессмертие, абсолютная реальность. Мировое древо становится фоном сюжета так называемого основного индоевропейского мифа: бог-громовержец (соотносимый с кроной) убивает чудовище (таящееся у корней) и освобождает похищенное им сокровище (локализуемое у ствола). В мифологии оно представлено также связанным с ритуалом, обеспечивающим плодородие, богатство и т. п. блага (например, повешенное на священном дубе золотое руно). Во многих культурах прослеживается мотив жертвоприношения у мирового древа: в этом контексте можно упомянуть о связи последнего с крестом – еще одним распространенным космическим символом (по преданию, крест Христа был сделан из древа познания добра и зла).

Существует и образ «перевернутого дерева» (арбор инверса), которое растет с небес на землю, таким образом, корни его – на небе, а ветви – на земле. В «Ригведе» перевернутое мировое древо описывается следующим образом: «С неба тянется корень вниз, с земли он тянется вверх».

Каббалистическое древо сефирот, олицетворяющее стадии божественной эманации, предстает растущим вверх корнями. В средневековье перевернутое дерево стало символом веры и познания и воплощало Христа. Возможно, возникновение образа связано с представлениями о нижнем мире, где все вещи и явления «перевернуты». Перевернутое древо символизирует процессы инволюции, нисхождения, эманации духа в материальный мир».

3. Если соединить, проинтегрировать эти принципы «внутри все, как и вовне», «внизу, как наверху», то иерархия на плоскости (кольца) станет *иерархией в объеме*. Но произойдет это не сразу, а путем образования ряда переходных (неполных) форм.

Вот значения «треугольника» из словаря символов и знаков.

«Треугольник является одной из первых геометрических фигур, которая стала использоваться в орнаментах древних народов. В Древнем Египте он был прямоугольным и являлся воплощением **триады духовной воли, любви и высшего разума** человека. Вертикальная сторона египетского треугольника составляла три единицы длины, основание – четыре, а гипотенуза – пять. Толковалась эта геометрическая фигура следующим образом: вертикальную сторону соотносили с мужским началом, основание – с женским, а гипотенуза символизировала плод их союза.

На Древнем Востоке почитали треугольник как символ природы всего сущего. Треугольник с вершиной, соединенной с такой же геометрической фигурой, аптеки использовали в качестве эмблемы временного цикла. Гермeneвтической традиции известно множество видов треугольников, имеющих различные толкования: например, данная геометрическая фигура с горизонтальной чертой почиталась ими пассивным символом, который означает воздух, а перевернутая является олицетворением чаши, которая готова принять воду, а также соответствует женскому началу.

Для средневековых алхимиков треугольник с вершиной, устремленной вверх, являлся знаком пламени, «мужского огня», а при его наложении на описанный выше знак женского начала мы получим индуистскую эмблему объединения созидającego и порождающего начал – гексаграмму. В индийской традиции такой символ толковался также и как знак любви богов ко всему земному. В Европе же данная геометрическая фигура была известна как звезда Давида.

Треугольник, вписанный в окружность, олицетворяет собой мир форм, заключенный в круге вечности. Плутарх, описывая эту геометрическую фи-

гуру, называл пространство, ограниченное сторонами треугольника, равнинной истины, на которой расположены образы всего, что было и будет. Треугольники могут выступать и в качестве лунного символа, тогда они располагаются горизонтально и соприкасаются своими вершинами. Общая точка этих треугольников символически обозначает смерть и новолуние.

В буддийской традиции два смыкающихся треугольника олицетворяют чистое пламя и Три Драгоценности Будды. Китайский символ восстановления изображается в виде треугольника с подвешенными к нему мечами, а у христиан – треугольника, образованного посредством трех пересекающихся окружностей. Это олицетворяет Троицу в единении и равенстве трех ее составляющих. Два соединенных вершинами вертикальных треугольника разделяют символизм песочных часов, олицетворяя неумолимо идущее время и смертность. Также песочные часы часто используются для обозначения благочестивого, тихого образа жизни, краткости человеческой жизни, а также применяются как атрибут отца-времени и порой даже смерти.

В античной традиции треугольник, обращенный вершиной вверх, символизировал стремление материи к духу. Поэтому фронтоны древнегреческих храмов в самой глубокой древности делали треугольными и всячески украшали. В отличие от поздних, более северных европейских построек наличие двускатной крыши не было вызвано климатическими условиями. В Древней Греции был теплый климат и снега зимой не было.

В эпоху неолита у ранних земледельческих народов треугольники в орнаментах символизировали воздух, землю и огонь. Они – одни из самых древних символов, связанных с сельскохозяйственными работами, природой и ее календарными циклами.

Глаз в треугольнике – символ, графически представляющий собой вписанный в треугольник глаз, называемый «глазом провидения» или «всевидящим оком», появился в Европе в XVII веке. Считается, что он восходит к солярному глазу Гора древних египтян. Этот знак получил широкое распространение в барочной архитектуре, украшая фронтоны роскошных католиче-

ских костелов. В XIX веке он появился и на православных храмах, например, на фронте Казанского собора в Санкт-Петербурге. Христианство рассматривало его как символ Святой Троицы. Одновременно этот символ использовался и масонами, которые трактовали его как символ абсолюта, просвещения и высшего знания. У масонов «глаз провидения» располагается над стулом мастера ложи, чтобы таким образом напоминать о всепроникающей во все тайны мудрости Творца».

Треугольник + круг = конус

Конус = вложенные кольца + вертикальная ось. Конус реже применялся в строительстве культовых каменных сооружений (здесь цилиндр или имитация конуса цилиндрами – проще), но зато он нашел свое массовое воплощение в жилище типа «вигвам», наиболее простом, с конструктивной точки зрения (связанные сверху палки и любое покрытие).

За этой моделью стоит еще один важный ментальный мифологический символ – «*космическая гора*». Трудно сказать, имела ли она свое зеркальное «подземное» отражение, но, судя по всему, могла иметь. Символ космической горы (или «мировой горы») связан с более поздней «легендой о потопе», устойчиво повторяющейся во множестве верований в самых разных концах Земли.

Вот значения термина «гора» из словаря символов и знаков.

«В целом гора олицетворяет идею духовного возвышения; это место пребывания отшельников и мудрецов, подобных ницшевскому Заратустре, сфера медитации. Гора связывается с мировой осью, деревом жизни, лестницей, в антропологическом аспекте – с позвоночником. В космогонических мифах горы предстают как первозданная суша, явившаяся из воды. Горы – это наиболее предпочтительные места для отправления культа; там часто располагаются алтари, святилища, храмы, религиозные символы. Так, например, в Библии высоты – места поклонения языческим божествам и затем

Яхве. Самым известным является библейский сюжет о получении Моисеем скрижалей завета на горе Синай.

Психологические корни культа гор связаны с представлением о близости последних к небу (и тогда гора предстает как лестница на небеса), о благотворных дождях, даруемых облаками у их вершин, о том, что горы с вулканами служат преддверием огненных недр земли. По этой причине горы считаются местожительством богов (например, индийская Кайласа, обитель Шивы; греческий Олимп), входом в верхний или нижний мир, местом обитания мертвых (локализуемым в подземных пещерах); там погребаются шаманы, там свершается прорицание и обретается откровение.

В соответствии с универсальной оппозицией верха и низа, верхняя часть горы отводится светлым божественным силам, тогда как нижняя связывается с отрицательными персонажами.

Самый важный аспект образа горы связан с тем, что она может выступать в качестве **структуры, соединяющей различные сферы бытия (небо, землю и подземный мир)**. Священная гора в различных традициях рассматривается как центр мира и представляет **мировую ось**: подземный мир – гора – Полярная звезда. **Мировая гора – это место, где сходятся небо и земля**. Так, согласно индийской мифологии, в центре мира стоит гора Меру (Сумеру), окруженная мировым океаном; вокруг нее вращаются солнце, луна и звезды. У китайцев существовали представления о горе Куньлунь, соединявшей небо и землю, на которой располагался нижний дворец повелителя Неба Шанди. В «Эдде» упоминается гора Химибьберг, где радуга достигает вершины небесного купола. Название горы Табор в Палестине происходит от слова со значением «пуп».

У восточных христиан Голгофа считается расположенной в центре мира. Гора, постепенно расширяющаяся книзу, может быть сопоставлена с перевернутым древом мифологической космологии, корни которого растут с неба, а ветви тянутся вниз; подобно ему, она символизирует эманацию Единого в мир, инволюцию, нисхождение.

Важность образа мировой горы в религиозной традиции обусловила его использование в качестве модели в жилом и храмовом строительстве. Остроконечные шатры различных кочевых народов, буддийский Боробудур, месопотамские зиккураты, ступенчатые пирамиды доколумбовой Америки имеют своим прообразом очертания горы».

В модели конуса содержится возможность достижения нового предела: это – винтовая линия (она возникает сначала на плоскости, потом на цилиндре, позже – на конусе), создающая *непрерывность движения по уровням*. В первобытном мире встречается практически только плоская спираль и только в плоских узорах, а поставленные друг на друга уменьшающиеся цилиндры (ступенчатый конус) и спиральная лестница (цилиндрическая и коническая) возникали и в раннем рабовладении, и в раннем средневековье (маяки, укрепления, церкви и колокольни, мечети и т.п.). Число ступеней здесь всегда зависит от главного «ментального числа» (например, колокольня Ивана Великого имеет три ступени – это ранний период, а в барокко строились в основном пятиступенчатые колокольни).

Кольцо + крест = квадрат. Земля = четыре луча как направления сторон света. Квадрат с осью посередине порождает двойную *пирамиду* с квадратным основанием (где есть «надземная» и «подземная» части). Часто космическую гору символизировала пирамида, стороны которой были не только символами сторон света, но и олицетворяли (в индийской мифологии) *четыре океана, омывающие мир* – здесь происходит удвоение смысла за счет пары «земля – вода». *Возвышенность* со временем приобретает *значение главного и священного* (гора Олимп). И библейские пророки, и Христос идут молить Бога именно на гору, откуда ближе к миру небесному. Возвышенность могла и дифференцироваться: в некоторых верованиях гора имела *несколько вершин*. Не исключено, что высшие точки этих вершин соединяет невидимая коническая спираль.

Не стали исключением и *шаровые* поверхности, наиболее экономичные, с точки зрения прочности и расхода материала. Полушарие юрты (и множество аналогичных построек) служило не только жилищем, но и моделью мироздания: традиционная монгольская юрта изнутри – это небосвод с созвездиями (знаки зодиака изображены на внутренней поверхности юрты).

В пределе (если отразить полушарие вниз и вспомнить о вложенных кругах-шарах) перед нами – древнекитайская игрушка, *система вложенных сфер*, прообраз матрешки.

* * *

Если осмыслить этот набор символов отвлеченно, чисто геометрически, то возникнет **«пространственный конструктор»** – полная система простейших геометрических плоских и объемных фигур и тел: точка, прямая, круг (прямоугольник и ромб), квадрат, треугольник (в модели конуса и образах дерева и горы), шар, куб (параллелепипед), пирамиды, конус.

С такими элементами мы можем проделывать как математико-комбинаторные упражнения, так и упражнения в конструировании смыслов, вплоть до космогоний. В этом отношении курс композиции Вхутемаса или Баухауза есть подведение итогов того, что проделала сама история искусства. И когда Василий Кандинский, размышляя о духовном в искусстве, обсуждает проблему первичного словаря цветов, пятен и линий, он проделывает ту же работу, которую проделали первобытные художники.

Таким образом, в первобытно-общинном менталитете имеет место вещественное, или *телесное*, отношение к пространству, понимание пространства как вещи. Исходный пункт для появления подобного понимания – человеческая практика, благодаря которой *вся природа* выступает в качестве «неорганического тела человека» (К. Маркс). Поскольку человек не отделил еще себя от природы, это раннее телесное отношение размыто, не структурировано, как не структурировано само общество. Род и племя не знают абстракций, поскольку не пока выходят за пределы их небольшого мира.

1.1.2. Представления о пространстве в античном менталитете

Новый менталитет был значительным шагом вперед не только благодаря возникновению государства и частной собственности, но и потому, что изменились нормы и стереотипы поведения. Выделяется набор достаточно абстрактных (рациональных) норм, которые закрепляются затем в праве. Это и служит основой существования машины государства.

Уже в менталитете Древнего мира можно зафиксировать наличие двух принципиально отличающихся моделей: условно говоря, Запада и Востока. Различие их, с нашей точки зрения, состоит в единственном: Запад действует и дифференцирует – Восток скорее созерцает и интегрирует. И то, что в Древнем мире является парой, в Средневековье становится четверкой: две ветви от христианства и две ветви от буддизма (и имеет продолжение дальше в истории, так что, если бы американцы имели подобную модель, они не проворонили бы «исламскую революцию» в Иране). Таким образом, разделение моделей идет еще и по линии: от моноядра первобытности – к дуальности Древнего мира и четверичности Средневековья. Момент разделения, зафиксированный в понятии «осевое время истории» К. Ясперса, представляется нам самым существенным, с точки зрения менталитета. Но подойдем к этому постепенно.

Ментальность античности, куда мы относим все древние цивилизации до Рима включительно, содержит менее жесткие и более определенные и развитые представления о мироздании, которые подытожили грандиозный опыт предшествующих поколений. В самом этом процессе родилось немало открытий. Но если говорить о менталитете, то к науке этот *ментальный космос* Древнего мира не имел отношения. Скорее – напротив: именно магия считалась важнейшей для всякой деятельности, искусства – в том числе. Вера в магическое воздействие пространства, изображения, скульптуры, знака и

слова в этом менталитете была очень сильна, хотя и имела разные оттенки – от абсолютного в Египте до очень относительного в позднем Риме.

Характерным моментом начального этапа должен был стать и стал жесткий *геометризм пространственного выражения*. Это касается искусства Египта и близких к нему цивилизаций. Геометрический рациональный язык, как мы неоднократно говорили и будем говорить, есть язык «Мы». Само пространство в новом мире резко сменяется от достаточно гетерогенного в поздней первобытности к гомогенному, однородному. Подобное будет происходить на всех переходах от одной формации к другой – таким же однородным предстанет ментальное пространство христианства после гетерогенного хаоса позднего Рима. Смотрите по этому поводу нашу книгу «Генезис пространстоощущения в истории» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16425, 09.03.2011).

Универсальный «пространственный конструктор», рожденный в первобытном менталитете, обнаруживает удивительную живучесть на всем протяжении истории архитектуры: там он лишь обнаружен, но, по сути, он для истории «вневременной». Архитектурные сооружения, если говорить об общественно значимых, всегда отражали представления о мироздании. Особенно это касается культовых сооружений и храмов, которые были большими «каменными книгами для неграмотных» и после изобретения книгопечатания (то есть практически на протяжении всей человеческой истории), а во многих странах мира остаются таковыми и сегодня. Но и рядовые поселения, и даже дома, хотя об этом пишут реже, нередко содержат в себе ту же, *ментальную, модель мироздания*. В данной ментальной фазе есть уже и рефлексия самого этого отображения: по Лао Цзы, суть здания заключается в пространстве, а не в стенах, окружающих это пространство (суть сосуда в философии даосизма – в его пустоте).

Универсальный характер геометрических моделей в менталитете

Глядя на пирамиды и китайские ступенчатые пагоды, невозможно отделаться от чувства, что *геометрически* и космос, и социум – это одна и та же модель. Ее исходная идеология – первобытное *удвоение и инвариантность*. К этому следует добавить также, что в геометрических моделях содержались и важнейшие модели времени – календари: деление стен дома или святилища (храма) по числу частей, связанных с календарем, встречалось повсеместно: в Египте, в Англии (Стоунхендж) в Монголии, на Мадагаскаре и т.д. Итак, геометрическая *ментальная модель-инвариант* содержит хронотоп и идею зеркальности социального и внесоциального миров.

Здесь следует определить, что мы сталкиваемся как с понятиями как **изоморфизма** (по А.И. Уемову), так и **инвариантности** систем (по А.И. Субетто). Отделить одно от другого на ранних стадиях развития культуры не так просто, но мы постараемся это иметь в виду в последующем изложении. Культурные сооружения первых древних цивилизаций были многофункциональными, и именно *наличие единой геометрической модели* для времени, пространства, социального и мифологического миров позволяли им сохранять поразительную простоту при огромной функциональной сложности (геометрически-смысловая модель как *инвариант*). Они продуманы и *снаружи* (чувствуется точный расчет на нужное впечатление в выборе форм и объемов, в системе визуальных осей храмов, в направлении на небесные светила и ориентации по сторонам света), и *изнутри* (чтобы жрецы вели из них систематические астрономические наблюдения), и во времени, с точки зрения выразительности храмового действия (чередование разнообразных зримых – пространственных, цветовых и световых, слуховых, тактильных, запаховых, вкусовых, температурных и иных эффектов, организующих сценарий для всех органов чувств человека). Для характеристики универсальности нам очень подходит предложенное В.Д. Губиным философское понятие «*внутренней формы культуры*», в которой отражено отношение человека к бытию, пространству – времени, к любым вещам. Пространство, с присущими

ему свойствами, предстает как непосредственное *топическое выражения формы* данной культуры.

Важно отметить, что геометризация более ранних символов («мировое дерево» и т.п.) привела к появлению символов на основе **круга, креста, квадрата, треугольника** и далее – более сложных многоугольников (каждый из которых способен выступать как *изоморф*). Инструментарий вроде бы тот же, но отражает он другие, более сложные смыслы. Здесь, кстати, впервые рождается герменевтика: как только за смыслом видимым возник первый же невидимый, понадобилась трактовка и интерпретация, а познание двухслойных символов стало закрытым, герметическим. **Изобразительный набор** на начальных этапах может оставаться предельно бедным, но смыслы, которые в нем *кодируются* в разные эпохи, могут различаться очень сильно. В таком случае одного геометрического анализа недостаточно – речь должна идти еще и о композиционном. Скажем, уровень сложности объектов, спрессованный в изображении символа типа древнеиндийской мандалы, выдает очень развитую культуру со сложно структурированной ментальностью.

В комплекс представлений об устройстве мира непременно входили представления о видимых и невидимых мирах, о загробной жизни, о Добре и Зле. Они отображались в архитектуре и искусстве в целом и организовывали **идеи и композиции произведений**. Очень важным представляется разделение двух типов выразительности пространства – внешнего и внутреннего. Так, **внутреннее пространство пирамиды** предназначалось для сохранения мумий фараонов, в которых вечно должна была пребывать его душа, а **внешняя форма** пирамиды есть отображение символа «космической горы», связанной с легендой о потопе. Иной смысл, хотя структурно и сходный, имел «ларец» греческого храма, открытый вовне и призванный служить в основном обрамлением статуи божества.

Геометрическая модель, геометрически организованное пространство, обладает особыми энергетическими характеристиками в геомагнитном поле – это доказали соответствующие опыты, в том числе – медицинские. Древние

египтяне наряду с профессиональными строительными знаниями, несомненно, владели и этими знаниями, и знаниями о психологическом воздействии разных форм и типов пространства.

Проявлений удивительного универсализма простейших геометрических моделей в истории предостаточно. Первичными символами являются круг и квадрат. Мы выдвигаем гипотезу, что **Запад – это квадрат, а Восток – круг**. В логике это матрица и мандала, а в геометрии – ортогональные оси и радиальная система координат.

Египетская пирамида и зиккурат в Вавилоне – две разновидности образа «космической горы». Зиккурат со ступенями и более сложные типы зиккуратов со спиральными лестницами – естественное *комбинаторное развитие* одной ментальной модели, созданные на гребне раннего геометризма. Но отображено в этих моделях не только мифологическое, но и *реальное социальное устройство* – общественная иерархия. Известно, что пирамиды с высокой точностью ориентированы по странам света, сориентированы по звездному небу и содержат огромное количество астрономических знаний, то есть являлись сложнейшими каменными календарями.

Та же *геометрическая модель* пирамиды с квадратным основанием ляжет в основу и первых христианских церквей с квадратным и крестовым планом и т.д и т.п. Пирамида, у которой со временем акцентируются углы, геометрически лежит в основании русских пятиглавых соборов и церквей, хотя в русском язычестве важнейшей моделью был круг (святилища и погребальные костры). Россия уже в этом – Евразия.

Квадрат, лежащий в основе египетских пирамид, как бы выразил собой универсальный ключ к ментальному набору европейского типа. Например, если мы расшифруем несколько значений повсеместно встречающегося (и поныне применяемого в нашем евроменталитете) типологического квадрата, то обнаружим, что в его «философской» структуре закодированы *четыре первостихии*: земля, вода, воздух, огонь (причем именно в такой генетиче-

ской последовательности). В современном естествознании *состояний вещества* зафиксировано столько же: твердое, жидкое, газообразное и плазма.

Первостихии древних моделируют и реальный мир: твердь, океан, воздушная оболочка, светила, и *мир наших ощущений* (генетически происходящий от первой четверки, поскольку в нас закодировано все, что было в генезисе живого): *положение в пространстве* мы ощущаем еще до рождения и относительно Земли; *вкус* есть реакция на жидкость; *запах и слух* – на воздух; *зрение* – на свет. Данная модель присутствовала не только у греков, но и в представлениях древних индийцев о чувственном восприятии: они были точно так же связаны с этой четверкой основных стихий, каждая из них воспринималась соответствующими органами чувств.

Одновременно четверка – это модель *типов человеческих темпераментов*, по Гиппократу (медленная энергия пластов Земли – флегматик, вода побыстрее – меланхолик, воздух еще подвижнее – холерик, энергия огня неуправляема и наиболее подвижна – сангвиник). Если угодно, это – четыре типа энергий, или вибраций (своеобразный инвариант «волновой теории» древности).

Вывод, который мы предлагаем, – ментальный: для **деятельного менталитета** европейцев мир должен быть квантирован, а типология из четырех элементов есть простейший универсальный квантированный модуль. Эта типология обладает тем свойством, что она и *генетическая* (то есть связана в истории возникновения именно в одной последовательности; например, по Гераклиту Эфесскому, огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, земля – смертью воды), и *системно-классификационная* (четыре типа есть минимально возможная типология по количеству и качеству), и временная, и топическая. Например, деление первобытного поселения на четыре части осуществлялось по качественной морфологии (мужчина и женщина – разное), а также по количеству (мало лет – много лет). Если мы правильно расположим одну под другой *все четверичные классификации*, то можем долго упражняться в нашем излюбленном свя-

звании смыслов (греки, несомненно, такое занятие любили). Мы и сейчас делим пространство на четыре «стороны света», год – на четыре «времени года» (кварталы), день – на четыре временные фазы. У нас – четыре формы движения материи, четыре типа живого, четыре типа ценностей и даже четыре вкуса, не говоря уже о менее значимых типологиях. Не лишней здесь будет здесь и пифагорейская четверка основных дисциплин: арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

Отношения между элементами изоморфных систем А.И. Уемов назвал **корреляторами**. Корреляторы устанавливают взаимно однозначное соответствие между элементами *модели* и *прототипа*. Эти соответствия как раз и обеспечивают изоморфизм систем познаваемого предмета и структуры познавательной модели. На сходство между структурами систем, структурами и процессами природы в целом, с одной стороны, и процессами психики – с другой, указывают и психологи К. Юнг, Дж. Брунер и С. Гроф. Речь идет о значении таких отношений-корреляторов, как *аналогия*. В философско-методологическом смысле о ней всегда высоко отзывался еще И. Кант. Рассматриваемые нами изоморфные единицы – квадрат и круг – только постепенно приобрели необходимые *модельные свойства*, и процесс *наполнения* этих свойств был очень длительным, он и привел через ряд ступеней к образованию из изоморфов *инвариантов*, неизменных в любых проявлениях: в моделировании времени, пространства, социума и внешнего космоса. А.И. Уемов о структуре знаний говорит: «Изложение структуры знания, овладение этой структурой... является центральным моментом в классической проблеме переноса». Видимо, как раз простота исходной структуры квадрата и круга и обеспечила их преобразование из изоморфов в инварианты, удерживающие всю структуру знаний. Интересно отметить, что в современном знании не только наблюдается определенная «ностальгия» по подобной простоте, но и делаются попытки построить некие подобия этих древнейших инвариантов, особенно в процессах их трансляции.

Форма **круга** появилась уже в захоронениях неандертальцев, она столь же универсальна, но ее язык совсем иной, чем определенность квадрата. Круг присущ Востоку (и языческой Руси), он постоянно встречается в памятниках Тибета, в индийской культуре и является ее ментальной основой. Круг обладает *зримым совершенством*: он был образом Солнца, он отождествлялся со временем, но в самом этом символе конечность и бесконечность сливались. Круг возникает там, где типологической четверки мало, структурная модель мира в этом менталитете изначально сложнее четырех. Круг интегрирует множественное в непрерывность.

Так, в древнеиндийской философской школе Вайшешика представления о пространстве и времени были чем-то единым. В Древней Индии нет термина «пространство», речь идет *о субстанции*, связанной с направлениями по странам света, а стран света в этой концепции *не четыре, а десять*. Выстроив десятку в многоугольник, получим практически круг. Он очерчивается вокруг начала отсчета – «оси мира» (ось проходит сквозь мифологическую гору Меру, вокруг которой обращается Солнце). Единство пространства и времени здесь налицо: линии основных направлений разделяют также и время суток (утро, день, вечер, ночь).

Наиболее известный и древний (Веды, конец второго тысячелетия – начало первого тысячелетия до н.э.) индийский символ **мандала** (в переводе с санскрита – «круг»). Мандала как универсальная ментальная структура лежит в подоснове познания, понимания, проектирования и создания городов, поселений, храмов, жилищ и даже отдельных вещей. В пространственном смысле она дает понимание пространства жизни людей как отражения геометрических универсалий структуры мира. В мандале соединены и геометрия, и число, и сакральное и явное знание – это универсальный инвариант, репрезентирующий **целое** для огромного разнообразия сторон внешнего мира и мира человеческого, единый ключ космоса, в котором происходит кодирование множества смыслов. Геометрически мандала есть *дискретная круговая диаграмма*, вот почему на Востоке она выступает как инструмент позна-

ния (*Instrumentum gnosis*). Этим она похожа на европейский инвариант четверки и выполняет те же функции в менталитете. Ее мировоззренческая функция состоит в репрезентации упорядоченности всего сущего: это и образ мира (*imago mundi*), и образ человека (*imago Hominis*).

Мы еще будем говорить позже, что в восточном варианте менталитета объемные модели мироздания спроектированы на плоскость (очень часто – на «блюдо»). Так, мандала – явная проекция на блюдо многоуровневого **архетипа «мировой горы»**. Но, кроме того, в ней есть и свернутый генезис, только совершенно особый, содержащий зримое выражение диалектики сил Добра и Зла, Порядка и Хаоса и т.д., а также стадий процесса – от зачатия до гибели. Все древние значения (центр, точка, круг, капля) в ее геометрии сохранялись в подоснове. Можно выстроить по этой логике также ряд трактовок К.Г. Юнга: «психоидный базис» – «архетип» – «мандала», говорящий нам о том же.

В силу своей исключительной насыщенности мандала в пространстве жилища была мировоззренческим «алтарем»: иметь ее в доме значило обладать ее системой значений, что позволяло, как пишет Д. Сингх, «овладевать особыми формами сознания, постигать сущность духовных сил, приобретенного опыта и биологической («нервной») энергии, составляющей жизнь, Вселенную и самого человека»*. Поскольку она удерживала универсум (так же, как египетские пирамиды), на ее изготовление не скупилась: строительство мандалы в доме занимало более года (она выкладывалась из правильных секций кирпичей), нередко помещалась в особой комнате, а строитель должен был иметь хорошие математические навыки (как минимум знать теорему Пифагора, которую египтяне тоже знали, судя по папирусу Ринда).

Как квадрат, так и мандала выполняют одинаковые функции (логические, гносеологические и методологические) и выражают часто одно и то же. Мандала содержит основные синтетические принципы всякой полной научной классификации – целостность, спиральность, симметричность. Но мандала есть суммарное, она в своей форме содержит не только принцип целост-

ности (множество иерархий и связей), но и принцип спиральности, она одновременно есть выражение диссимметрии развития и симметричности (исходных противоположностей, симметрии как периодичности, как аналогий, подобия и т.п). В квадрате диссимметрии нет, а спиральность его сведена к круговой проекции.

* * *

Зодчество было главным искусством древности, не даром на него в первую очередь и легла основная ноша не только выражения отношения к пространству, но и познания пространства. В этом смысле можно зафиксировать присущую только данному периоду синкретичность познания и творения, неотделимость искусства от науки.

Пространству необходимо было задать вполне определенные ментальные характеристики. Если бы история искусства была набором случайностей, мы не обнаружили бы логики в смене характеристик; но история закономерна – и ментальное пространство в цикле меняется от гигантского к мизерному. Простейший способ определения подобной *масштабности ментального пространства* – ориентация на масштабность важнейших архитектурных сооружений той или иной культуры и цивилизации (по отношению к человеку). В Древнем Мире, западном, включающем и античность, можно выделить три модели пространства и три типа масштабности.

Египетский тип отношения к пространству есть тип великого (бесконечно большого) пространства, пространства границ самой цивилизации и мира вне ее. Таковы же по масштабу и важнейшие строения: пирамиды, Лабиринт, статуи Рамзеса II. Для задания масштабности в храмах делали два входа: гигантский – для богов и крохотный – для человека. Масштаб воплотился в предельной для строительства того времени величине: пирамида Хеопса оставалась самым высоким сооружением в истории вплоть до строительства Эйфелевой башни. Важнейшее значение имела предельно жесткая структура египетского канона, которая содержала пропорциональный строй

и нормы изображения вообще (таковы же и аналогичные жесткие каноны Востока, например тибетский, живущий и поныне).

В греческом полисном менталитете (с его ценностью места, обозримой и освоенной малой родиной) мы наблюдаем *человекосомасштабное пространство*, в котором именно полис (а не его гражданин) и его пространственный мир масштабно выражают себя. Это – греческие статуи, обычно они чуть больше самого человека, знаменитые храмы, куда входить по ступеням «хочется на котурнах» (А. Буров), и менее прославленные рынки, гимнасии и т.д. В масштабе храмов люди и боги примерно равны, и для них – одна дверь, возвышающая людей до героев. Пространство мифа и пространство жизни людей в принципе одномасштабны. Греческий канон никогда не был жестким и носил характер скорее рекомендательный.

Рим – перевернутый Египет. Римское *ментальное пространство* равно пространству человеческой единицы. Главное римское строение не божественное, мифологическое, а жилое – вилла, идеал римского завоевателя, для которого все остальное пространство есть только повод для насыщения его личного пространства. Римлянина боги не занимают, но как житель Древнего Мира, римлянин уделяет и им немного внимания – в обратной пропорции к египтянину. Его занимает Форум, эта тусовка политиканствующих эгоистов, Колизей – разновидность нашего спортивно-зрелищно-попсового стадиона, с тем же набором кровавых зрелищ, которые мы смотрим по телящику, Термы – эту гигантскую сауну знает уже любой «новый русский». На каноны Риму наплевать, ибо «все дозволено».

Соответственно паре «рациональное – чувственное» («рацио – иррацио»), можно трактовать и сами способы выражения в архитектурных сооружениях. Египтян явно занимает *выражение рационально познанного мира* вовне (как социума, так и мира мифологического). Миф важнее жизни. Мы имеем в египетском искусстве и соответствующую форму – предельность геометрически выраженного мира, *язык всех*, но язык очень хитрый, многослойный. Канон, с его жесткостью, есть дополнение геометризма.

Греков занимала ключевая *проблема гармонии* (равновесия внешнего и внутреннего, реальности и мифа), отсюда – греческие поиски меры, пропорций, соразмерности, равновесия, отсюда и способ выражения, от этой цели, – ясное понимание *ментальной архитектоники пространства* и дополнение геометризма до равновесного совершенства при помощи оптических иллюзий и природного декора. Греки, по Витрувию, считали, что соразмерность обуславливает красоту *объективно*, эвритмия – *психологически*, а декор – *социально*.

Рим пространство социума ставит перед мифологическим. И Цицерона, как истинного римлянина, занимает все больше понятие «потребителя», обладающего *способностью к оценке искусства*, то есть *личный вкус* и его гедонистические оттенки. Вот почему Рим выражает себя в реальных пространствах, наполненных декором и декоративной природой, эклектически стаскивающих «под себя» чужие культурные образцы. Деталь и символ в этом пространстве часто важнее его самого.

Вот здесь стоит зафиксировать чрезвычайно важный для понимания **диалектики масштаба** момент. Римский Форум, Пантеон, Термы Каракаллы, Колизей (Флавиев), храм Солнца в Баальбеке – грандиозные сооружения. Но эти сооружения – светские, даже знаменитые периферийные храмы и города типа Пальмиры воздвигались не для прославления богов, а для утверждения римского политического могущества. Аналогично поступят и Гитлер, и Сталин: здание управления Люфтваффе имело стены шестиметровой толщины, оно выражало незыблемость Тысячелетнего Рейха; уже спроектированный Дворец Советов со статуей Ленина должен был затмить всю мировую архитектуру именно своим размером!

Кроме выражения масштаба ментального пространства мы отмечали также **выражение в ритмической структуре «темпа менталитета»** (выражение специфического показателя ментального времени в пространстве). Темп – более сложно определяемое в форме понятие, но тем не менее основные ключи можно задать – и они инвариантно повторятся во всех последую-

щих формациях. В конце концов, темп измеряется тоже относительно человека, и его трудно иногда оторвать от масштаба.

В гигантских масштабах египетских построек, как мы говорили ранее, отражена вечность с элементами «будущего» – мумии, захоронения и пирамиды есть послания в будущее. Причем предназначены они не кому-то из потомков, а этому конкретному умершему. Переход в мифологическую вечность требовал вечных материалов и вещей – золото и драгоценности ценились именно за эти их свойства. Каков темп вечности? Неподвижность, замедленность, максимум – величественный темп небесных светил. Кто отражен в таком темпе? Социум и его зеркальный мифологический двойник. Ритмический строй египетского искусства оставляет ощущение величественности и предельно медленного, почти вселенского темпа. Чтобы колосс Рамзеса повернул голову, должно пройти не одно тысячелетие.

Возьмем обратное состояние – Рим. К нему хочется применить замечательную фразочку из Ильфа и Петрова «маленькие злые пульсы». Это – жадный мир хищников, сбивающихся в стаи для добывания очередного куса: «человек человеку волк». Эти волчьи глаза смотрят на нас изо всех пустых римских статуй в военных доспехах или тогах. Все непрочно и неценно здесь: политический и военный гений Цезаря не уберезет его от кинжалов вчерашних друзей. Вот эти маленькие злые пульсы бьются во всей ритмической структуре римского искусства, желающего выглядеть величественным, а выглядящего скорее смешным. Возьмите классическую статую Августа-воина. Все знают этого хилого здоровьем юношу, а его болезненная головка посажена здесь на непропорционально могучий торс греческого атлета. Всего в избытке – складок, атрибутов, лепнины на доспехах и т.д. Но общее впечатление – маленькие злые пульсы, они важнее всего, и эти волчьи глазки, не знающие пощады и не ждущие ее от других. Такова же и римская архитектура, с ее перегруженным декором, избытком богатых материалов, отделок, эмблем и прочее, и прочее. Она может быть и гигантской, но римлянину важнее всего в этом – деталь, имя, владение. Дробность ритмической струк-

туры в позднем Риме достигает состояния хаоса, зерна, и зернистую пульсирующую насыщенность воспроизведет в своем ампире («эмпайр», имперский стиль!) Наполеон.

Остается срединная Греция, с ее центральным понятием гармонии. Ритмический рисунок этой ментальности – дыхание свободного человека, идущего или легко бегущего в тенистых рощах у любимого полиса. *Прогуливающиеся* – это название философской школы, и это – темп всего классического греческого искусства (а Диоген недаром залег в бочку – пространство сузилось). Всем известно, что именно пропорции греческого искусства приближены к золотому сечению, этому эталону жизни. Гармония, мера, соразмерность – они этого потребовали прежде всего в ментальных установках, и способ выражения нашелся.

Пространство в греческо-римском менталитете

Невыделенность человека из природы определяла в первобытности *отсутствие эстетического отношения* к ней. Иное дело – Древний Мир, в котором постепенно *становится* всестороннее осознанное отношение человека к природе (типологически оно не выходит за пределы известной четверки отношений: Истины, Добра, Красоты и Пользы). В Египте сама эта возможность задавлена социальным диктатом, вот почему основные научные достижения Древнего мира – достояние Греции.

Синкретичность мышления греков выражается в том, что некие единые ментальные модели пронизывают как мифологию, так и науку, и искусство, и жизнь утилитарную (да и сами эти сферы у них можно выделить весьма относительно, потому что *искусство* трактовалось как высокая планка мастерства в любой деятельности). В этом менталитете важнейшее значение имеет единство **архитектонического** миропонимания. Оно отображено в греческой культуре повсеместно, а *источником* стройного единства считался космос – сам по себе гармоничный и стройный. Искусству оставалась искать и выра-

жать гармонию, меру и симметрию, отчего часто оно выполняло заодно роль науки и даже идеологии.

1) Объективный этап

«Порядок и хаос» – древнейшая оппозиция, отражающая представление об устройстве мира. Упорядоченность возникла из деятельности и была осмыслена в системе древнейших символов. Но такие греческие понятия, как **гармония и мера**, отражают уже не только два мира, но и – впервые – *человека* в них. В ранних памятниках гомеровского времени, да и у самого Гомера, **гармония** понимается как цементирующее, **объединяющее свойство** вещей и явлений. Буквально «гармонию» проще всего перевести как «скрепы» («гвозди»), но, кроме того, термин означает «мир» и «согласие». Сама греческая культура начинается с этого универсального понятия, имеющего оттенок всех ценностей (и истина, и красота, и благо – «благосозданный дом» есть *благоскрепленный дом*, и утилитарное скрепление – гвозди и судовые скрепы). Говоря в терминах В.Н. Романова, перед нами доминирование **соединительного действия**.

Следует сказать, что в греческой культуре процесс философской рефлексии происходит иногда до того, как в искусстве нечто воплотится, но чаще всего эти процессы идут синхронно. Влияние философии на жизнь настолько велико, что управление, идеология и идеи в искусстве нередко строятся на основе той или иной философской парадигмы. Все это звучит весьма громко, пока не вспомнится, что все свободное население тогдашней Греции было не больше населения города Тольятти сегодня, а классиков времен Перикла, составлявших тесный кружок, можно перечест по пальцам рук. Отчего бы образованному скульптору и архитектору Фидию и не прислушаться к мыслям философов? Но начинались эти два процесса все же порознь.

Пифагор развил диалектическое представление о гармонии как *единстве противоположностей* (порядка и хаоса). Гармония в его учении получила числовое выражение, но в том же архитектурно-универсальном ключе:

космос, мир и душа – гармоничны, и все человеческие проявления могут и должны быть гармоничными. Для этого параметры всемирной целостности должны быть познаны и выражены Числом, а структурными и соразмерными мы можем сделать по образцу космоса наш человеческий мир.

Учение Пифагора построено на способности Числа выступать в качестве основы ментальной инвариантности. Исходной посылкой является тот факт, что *числа лежат в основе конструкции менталитета*, по крайней мере, они отчетливо проявляют себя не только в обыденном сознании, но и в магии, в оккультизме и в науке. Число, как, кстати, и язык, как бы колеблется между рациональным и чувственным. Вот почему Платон, в своем осмыслении пифагорейского учения, ввел модель числового мира в пространстве между миром идей и материальным миром. Аристотель в "Метафизике" говорит: "Число есть сущность всех вещей, и организация вселенной в ее определениях представляет собой вообще гармоническую систему чисел и их отношений". Без этого шага не было бы и Гегеля, ведь именно Г. Гегель утвердит в Новом времени: "Число есть сама сущность и субстанция вещей, а не одна только их форма... Сущность выражена как нечто нечувственное, и оно, совершенно чужеродное чувственному, обычному представлению, возводится в ранг субстанции и истинного бытия".

Сам Пифагор, изучивший науку Египта и Среднего Востока, исходил из неразделимости рационализма и мистики, что обусловило восприятие его современниками как пророка. "Все есть число" – формула этого учения, четыре составляющих – арифметика, геометрия, музыка и астрономия – предметные области его единого учения. Мало кто понимает и поныне, что пары *«геометрия – арифметика»* и *«астрономия – музыка»* есть для Пифагора разновидности одного и того же. Число есть геометрия, отсюда – его плоские и пространственные проявления («возведение в квадрат»). Астрономия (светила) и музыка тоже единое, ибо сферы, которые движутся вокруг «мирового огня», звучат, и звучание этих светил гармонично. А гармония есть объединительное целое, вот почему совершенное устройство мироздания мифо-

логически архитектурно. *Архитектоничность мироздания*, понимаемого как *единство времени и пространства*, объединяла на основе Числа движение (музыка и астрономия) и неподвижность (пропорция), чувственное и рациональное. Исходя из идеи единства инварианта Числа для зрения и слуха пифагорейская школа дала миру не только модель мироздания (которая волновала и И. Кеплера, и М. Лермонтова), но и начала музыкальной гармонии и акустики.

Сам же изумительный *объединительный замысел* Пифагора реализовали не греки, а китайцы, у которых нумерология заменила аристотелевскую логику (они придумали ее сами). Момент разделения – тот самый момент, который К. Ясперс называл «осевым временем истории». Он стал моментом пуска в действие великого "культурного маятника" Восток – Запад. Это движение с возвратами по циклу не маятник, не движение мысли по кругу, как может показаться неискушенному наблюдателю, а закономерность. На самом деле в колебаниях происходит *восхождение качества*, в котором наряду с возвратами есть и накопление, и известное приращение качества. Сам процесс циклического накопления с ориентацией на ту или другую «парадигму» представляет нам картину, не лишенную интереса, но это – особая *тема динамики мировой ментальной системы*. Сегодня, чтобы понять историю становления всего человечества, различие и единство его менталитета в рамках разных социальных общностей и государств, мы должны акцентировать внимание на данном моменте, указать на его особую роль и вскрыть суть процесса расхождения. Формальная логика Аристотеля скорее *человекоцентрична*, ибо родилась в позднеклассической Греции, где уже был *культ человека*, а не полиса. А вот нумерология – социоцентрична и прижилась в Китае, где исходным был вполне египетский культ социальной иерархии. Пифагор, протянувший нить мысли от Египта, с его социальным доминированием, оказался не востребуемым гением у себя на родине, но учение его будоражило умы европейцев во все последующие века (так, в раннем Хри-

стианстве произошло известное идейное столкновение пифагорейцев с Христианами).

Кроме обозначенной ранее модели *четверичности*, очень важной в ментально-объединительном смысле для всего евроменталитета, в пифагорействе точно расставлены акценты по поводу всех числовых моделей от 1 до 10, проанализированы свойства четных и нечетных рядов, сочетательные и комбинаторные возможности Числа. По сути, в пифагорействе мы обнаруживаем первую законченную систему, описывающую порядок космоса и имеющую свою завершенную логику (нумерологика). Она представлена в едином знаке десяти – в Тетрактисе (малом и большом), к которому мы обратимся немного позже.

Так же, как египтяне хорошо понимали необходимость нескольких планов в выражении, греки явно восприняли и применили в искусстве положение еще одного великого философа древности – Гераклита – о том, что *«скрытая гармония сильнее явной»*. Оно получило подтверждение в наше время как явление психофизиологическое (при изучении специфики процессов возбуждения – торможения в мозгу).

2) *Равновесный объект-субъектный этап*

Гераклит, также понимавший гармонию как единство противоположностей, сделал шаг вперед от понятия «объективной гармонии» Пифагора и первым заговорил о соотношении объективного и субъективного (*оценки*). Сократ в это же понятие ввел деятельностную *идею функциональности* (гармония как целесообразность, как *обусловленная целью*).

Платон, также отталкиваясь от инвариантного представления о первичности гармонии космоса (настоящее искусство – космос), вводит в обиход первую научную морфологию искусств, основанную на строении психики человека. Он точно указывает на синкретическое ядро искусств, из которого они и начинают дифференцироваться: непосредственно воздействуют на нас музыка и искусство движения (гимнастика, но скорее следует говорить о хо-

реографическом искусстве). Мы предполагаем, что он говорит о нераздельности музыки и хореографии в ритуале и хорошо знакомом нам по древности «показе телом». Из ядра «обычные искусства» впервые разводятся как воздействующие на зрение (ваяние, живопись) и на слух (поэзия и музыка). В некотором смысле это – первое разделение синкретического хронотопа (и искусств по группам) на *время и пространство*. Зрение, по Платону, есть инструмент познания, но оно рассматривалось им не только как психофизиологический процесс отображения мира, но и как «внутреннее зрение», или «*зрение ума*». Ибо только внутренним и умным зрением можно видеть архитеконику космоса, отчего его логические *построения* нередко представляются им в виде архитектурных *строений* (таковы его «законодательство», «благо», «государство» и т.д.). Саму же архитектуру Платон понимал как и всякое «текне», а именно – как *искусство* строительства, где мера (количественно и качественно выраженная) имеет решающее значение. Именно мера стоит у Платона на первом месте среди категорий красоты. Он хорошо осознает пифагорейское понимание гармонии на основе Числа, но у него самого преобладает *качественная трактовка гармонии*, имеющая ряд смыслов (служивших средствами создания гармонии): мера как таковая, соразмерность как прекрасное (несоразмерность – безобразна), мера как умеренность, мера *Масштабность* как соотнесенность построек с размерами человека в этих строениях имеет эталон нормы: человекосомасштабное пространство, не вызывающее напряжения. Храмы чуть-чуть возвышают гражданина, зато агора и прочие общественные места имеют почти идеально нейтральный масштаб.

Большое значение имеют в целом *антропоморфность* ордера и его разновидности, создающие простейший набор для появления разнообразия. Мир богов был во многом отображением мира людей. А в мире людей мы находим важнейшее противопоставление *мужского и женского* начал (которые, по Пифагору, связаны с четностью и нечетностью). Подобное разделение привело к *двум веткам выразительности*: храмы, посвященные богам-

мужчинам, наделялись признаками силы и мощи и возводились в дорическом ордере. «Женским» стал пышный и более формальный коринфский ордер. Ионический занял срединное (смешанное и универсальное) положение, способное склоняться то в одну, то в другую сторону. Греческие храмы, как и русские церкви, всегда вызывают ассоциативный образ человека, отчего так естественны коры вместо колонн.

Мы уже говорили, что применяемая греческими архитекторами парность *линейной основы формы* («упорядоченно-геометрическое – хаотично-природное») также призваны создать необходимое разнообразие при наличии противоположностей. В том числе это предотвращает возникновение «мутации усталости» при восприятии повторяющихся форм периптера, где в классический период применяли два типа колонн (например, дорические и ионические). Периптер применялся, чтобы заставить говорить абстракции *предела и беспредельности*. Он возникает из более древних ограждений «священного места», в храме ставшего целлой; периптер как бы «втягивает» и направляет *внешнее пространство к внутреннему*, самому сакрально значимому. Здесь же, в структуре храма, обнаруживаем и самую сложную из пифагорейских пар «четное – нечетное». Нечетное имеет *предел*, а четное – *беспредельно*, вот почему число колонн на главном фасаде храма всегда четное: его четность связывает пространство храма с беспредельностью. Метрический ряд, тот самый первобытный повтор, не имеет окончания. Прием применяется экономно и исходя из условий: Парфенон окружен колоннадой со всех четырех сторон, ибо стоит на горе, а дельфийская сокровищница в священной роще украшена колоннами и фронтоном только с главного фасада, остальные – глухие.

Как отмечает Витрувий, зрение имеет способность «ощупывать» форму, выделяя при этом наиболее важные узлы и точки. Ритм *точек перелома* композиционной формы создавал то *покой*, то *движение* массы в пространстве. Греки превосходно чувствовали необходимость их взаимодополнения как в архитектурной композиции в целом, так и в рельефах и скульптурах на

архитектуре. Контрастность *света и теней* на пластичной форме, которая задается теми же переломами формы и линейностью, определена уже качественной мерой.

Исходя из понимания гармонии как идеальной уравновешенности повсеместно применялось «золотое сечение», свойство которого состоит в том, что отношение большей части к целому равно отношению меньшей к большей. Оно так же бесконечно продолжается в восприятии при всей своей завершенности, поэтому часто говорится, что «греки строили воздухом». Гармонию этого мира нельзя воспринимать как результат пропорционального строя и визуальных корректировок формы – она не столько их результат, сколько *первопричина*. Сначала – в мысли, в менталитете и идее, и лишь потом – в форме.

Греческое искусство классической эпохи прямо воплощает античную картину космоса той же эпохи. Многочисленные попытки в более поздних временах воспроизвести такую гармонию, простоту и ясность формы априори не могли увенчаться успехом, потому что для появления подобного феномена нужно, чтобы в менталитете повторилось то же пространство, время и общественно-личное равновесие. Все это бесследно исчезает уже в эллинизме и до неузнаваемости изменяется в Риме.

Отметим один, очень важный, момент архитектуры эллинизма: расцветает культура вилл и садов – он с абсолютной достоверностью свидетельствует, что перед нами – завершающая фаза в жизни некоторой цивилизации, когда бы и где бы в истории мы ни встретили этот признак.

3) Субъектный этап

Рим стал одной из первых мировых империй, где возникли и воплотились на практике элементы геополитического мышления. Для этого нужно было выработать соответствующий способ отношения к географическому пространству. Он исходит у римлян из этрусского, варварского – племенного и первобытного мифологического понимания пространства. А в основе его

лежало, как мы помним, разделение пространств на «свое (здесь)» и «чужое («там»)»: «**митгарда**» – свое освоенное пространство, «**утгарда**» – враждебный чужой мир. Но если для грека расширение границ освоенного пространства (цивилизации) не обязательно означает его отрицание (варварство), а может означать также обмен, общение, принятие и ассимиляцию иных культур (что показал эллинизм), то для римлянина все *чужое* принципиально чуждо *своему*. Только Рим – абсолютно ценностный, самозамкнутый, отграниченный от всего и противопоставленный всему *центр земли*. Иначе и быть не может, ибо «человек человеку волк». Это задано уже генетически, так боги порешили – и особо расписывать мифологическую историю прагматичные римляне не видели смысла. Город в предании наделен атрибутом вертикальной «*оси мира*» и очерчен всеми первобытными символами: магическими квадратом (*templum*), кругом (*mundi*) и внешним кругом границы (*pomerium*), неодолимым для сил враждебных и нечистых сил. Короче, Рим – неуязвимый центр Вселенной, а все, что вне Рима, – ничтожно, убого, ущербно. Не удивительно, что феномен римского гражданства породил воинствующих шовинистов, для которых война стала естественным состоянием жизни: Рим – величайшая ценность, но ресурсов внутри на всех не хватает, их надо безбоязненно тащить извне. Отсюда – организованность волчьей стаи и прагматическая оснащенность не только оружием, но и соответствующими охранительными символами.

Во враждебном мире, за внешним кольцом Рима, все дозволено, звериное поведение там естественно и поощряется. При возвращении из походов всякую налипшую чужую энергетику, грязь и кровь нужно смыть, а для этого (ритуал предельно упрощен) достаточно пройти под специальным местом (триумфальная арка и ее сакральные функции) и совершить таким образом обряд очищения. Кем ты был за пределами Рима и где добыл свои богатства, никого не интересует, здесь ты чист и ты – почтенный (в меру наворованного богатства) гражданин Рима. Ничто духовное в этом мире не является ценностью: ни философия (философов импортировали как товар), ни искусство

(обходились греческими копиями, но больше ценились натуралистические посмертные бюсты предков), ни наука, ни религии (их тоже плюралистически и ритуально перенимали по мере надобности) – только хитросплетения политики в самом Риме и его власть! К внешней границе захваченного под власть Рима сводилось римское понимание ценностного, своего пространства. Эта всеядность постоянного «присоединения» и исходная эклектичность создали дробно-калейдоскопическую по форме *культуру украшения и аппликативности*. Будучи превосходными практиками-прикладниками, римляне с недоумением воспринимали саму идею обобщения своих достижений в науке. Зачем, раз греки уже все придумали, надо учить у них богатых детей и получать от них модные доспехи, этого достаточно.

Однако обучение у греков дает свои побеги и в Риме, особенно в период его кризиса. Римская философская мысль характеризуется перемещением акцентов в сторону личностного смысла и иррациональности. В учениях стоиков чувственное восприятие содержит иррациональные компоненты, внелогические впечатления, которые они пытались сделать *основой познания* в противовес поднадоевшему логическому способу. Это к тому же больше соответствовало римской ментальности. Вот почему объектную греческую теорию подражания (мнимесиса) совершенному космосу они заменили своей, субъектной. Кроме основных составляющих творческой деятельности (мысль и чувство) в центре внимания концепции стоиков помещаются *воображение и фантазия* (почти в современном их понимании в психологии). Не удивительно, что в системе взглядов Цицерона понятие «потребителя», обладающего способностью к оценке искусства, занимает главное место. Цицерон принимал во внимание как психологию творца, так и психологию воспринимающего. Процесс создания художественных произведений в целом стоики рассматривали как рационально-волевою деятельность, причем воля (волюнтаризм как начало) здесь получает решающее значение. Поскольку эгоизм римской единицы еще и насквозь прагматичен, для характеристики произведений искусства стоики применяют термины «ценность» и «удобовосприимчивость».

маемость», «служение полезной цели». Они кладут искусство и культуру себе под седалище, как это делают и римские воины.

* * *

Таким образом, с появлением первых крупных цивилизаций пространство начинает пониматься как *упорядоченность* вещей (тел). Этот акт разделения мира на хаос (вне цивилизации) и порядок внутри есть *акт установления порядка*, приписываемый богам. Пробразом божественного является цивилизационное, происходит перенесение порядка в обществе на порядок в природе. Главным моментом выступает подчиненность тел некому *равновесию*, установленному божественным замыслом (мифологией). Иерархичность первых ступенчатых пирамид является абсолютно адекватной моделью иерархически устроенного общества, вне зависимости от места его возникновения (Египет, Междуречье, доколумбовская Америка).

Поскольку причины упорядоченности пространства божественные, типология пространственных моделей пересекается с историей (и типологией) религий. В египетском варианте мы наблюдаем сложную многоуровневую иерархию, равновесие которой задается простейшей пирамидальностью. В греческом варианте упорядоченность выстроена параллельно самой жизни (таково само понятие *космоса*) и равноправие свободных граждан выражено в квадратичной градостроительной сетке. Мир человечески устроен, поэтому Атлант (имеющий человеческий облик) держит небо на плечах. Римлян мало заботит божественное, но модель пространства для столь значительной империи непременно должна быть имперской, и она таковой была: устойчивость этого мира обеспечивает формальный свод законов (как устойчивость общества – формальные нормы права). Набор документированных свойств мира обеспечивала хорошо развитая прикладная римская наука.

1.1.3. Ментальное пространство средневековья

Пестрое человеческое *сообщество европейского средневековья психологически цементируют общий страх и неуверенность в судьбе, персонафикация природы, зыбкость пространственно-временных координат.*

В менталитете христианского средневековья (мы не рассматриваем здесь прочие типы менталитета) изоморфно повторены три этапа, известные нам по предыдущей формации: *объектный* (коллективно-объединительный), *объект-субъектный* (гомеостатический), *субъектный* (индивидуалистический, разъединительный). Это, соответственно, ранняя Византия и романский период; готика; Возрождение (которое мы по ментальным признакам относим именно к позднему средневековью). Соотношение «Мы-Я» в период европейского средневековья эволюционирует от полностью *групповой* в романский период (где человек жестко включен в общину, цех, орден, духовную или рыцарскую иерархию и вне ее не ценен) к *равновесности* романно-готики и готики и далее – до сугубо *индивидуалистичной* ментальности элиты Возрождения.

Три масштаба ментального времени точно повторены и в данной формации: вечность (далекое *будущее* Второго Пришествия), *настоящее*, возрожденное *прошлое*. Соответственно этому выделяются и три ментальных масштаба, принципиально совпадающие с масштабами фаз предыдущего формационного менталитета: *космичный (большой)* – *нормальный* – *малый*. Они имели вполне определенные пространственно-архитектурные и прочие проявления. Отметим, пока не комментируя, исходную *интровертность* новой ментальной формации.

На первом, византийско-романском, этапе можно наблюдать, что раннесредневековая мысль сильнее **в понимании целого** и слабее в частностях, поэтому она борется с развитой и дифференцированной античностью, отбрасывает ее как язычество, хотя и не сможет без нее обойтись. Есть точка зре-

ния, что именно из кризиса, вызванного интеллектуализмом «осевого времени», родилась вся эта неуклюжая раннесредневековая культура. Ее явное преимущество в том, что она создает *новую целостную систему*, в которой логические и мифологические ходы складываются, образуя *новый всеобщий язык*. Его символы объединяют более-менее образованные верхи с вечно невежественными низами.

Символы этого мира – такое же явное переосмысление символов прошлых эпох.

Все та же первобытность символа «**мирового дерева**» в христианском учении олицетворяет образ Христа, веру и познание. Космологическое древо, стержень мифологического пространства, здесь становится развилкой «лестницы Иакова», человек стоит перед ним на **перепутье**: один путь ведет к духовному граду Господа (вышнему Иерусалиму или Сиону) другой путь – к антихристу.

Пространство, в котором жил средневековый человек, имело все те же смысловые оси, главной из которых является *вертикаль*, выражающая идеи *верха и низа* (души и тела, духа и материи). Но и вертикальный, и горизонтальный миры имели смысл лишь в иерархизации. **Иерархичность** – главное в средневековом пространстве, и иерархий – две: вертикальная и горизонтальная.

Пространственные представления неотделимы от ценностных религиозных, поэтому самое важное горизонтальное членение пространства включает глобальное разделение его на **мир христиан и мир неверных**. Дальше можно усмотреть дифференциацию и внутри, уже знакомую нам по первобытности, – части «своего пространства» приобретали сакрализованное значение – наличие **святых** (бывших магических) **и несвятых мест**.

Круг (шар) сохранился в первых постройках (ротонды), характерных круглых башнях, полусферических куполов, полуциркульных аспидах и арках. Чисто *центрический храм* в раннем романском зодчестве есть скорее наследие и подражание античным пантеонам, хотя обладает в то же время

исключительной простотой. Круг, как мы и говорили, укоренился на Востоке.

Остаются квадрат и крест. Четверичность квадрата и креста в этом мире имели столь же универсальное значение, как в античности и в более ранних культурах. Крестообразно-квадратные планы средневековых городов порождают четыре части города (*кварталы*), в которых отразились и видение пространства как части ограниченной горизонтом земли, и отпечаток структурной основы римского военного лагеря. Но особенное значение приписывалось форме **животворящего креста**, который не только являлся религиозным символом, но и считался древнейшим знаком совершенства еще в Египте. Средневековые зодчие, как и более древние строители городов, **прямо отражали структуру космоса на земле**. На первых порах они довольствовались прямым переносом «генеральных планов вселенной» на структуру поселения. Впрочем, мы знаем, что четверичность в планах поселений есть как раз их *позднепервобытная структура* (дуально-экзогемные фратрии). **Крестообразная форма плана** поселения и строения отражала также и религиозно-телеологические представления еще в глубочайшей древности. Нет сомнений, что в классическом средневековье мы имеем дело с совершенно *прямым переносом* данного символа в план города: с XII-го века ряд городов Европы в плане получает отчетливо выраженную форму креста (строительство, как и в Древнем Риме, начиналось с разметки на земле двух борозд, образующих крест). В центре двух улиц, пересекавшихся под прямым углом, вершился суд (такое место отмечали камнем). Когда приговаривали к самому страшному из первобытных наказаний – изгнанию, осужденному предлагали (в русском варианте) «**идти на все четыре стороны**». Таким образом, здесь произошло разве что масштабное увеличение древнейшего символа (хотя относительно масштабов нужно бы проверить).

Кресты в архитектурных планах, отражающие устойчивые космогонические представления древних, есть не только в Европе, но и в Иране, Индии, Китае и многих других странах. Изоморфизм символов наиболее последова-

тельно отражен в архитектуре средневековой Индии, где архитектор осознанно строит **образ мира** как при возведении города, так и храма или дома. В отличие от европейской «архитектуры без архитекторов», индийский зодчий изначально воспитывался как носитель «настоящего знания о духовных основах архитектуры». При этом форма поселения или здания не ограничивалась крестом: планы могли быть прямоугольными или сложно многоугольными, крест только удерживал начало и центр (главные композиционные элементы – постройка, дерево или камень – всегда помещались в центре).

Теперь перейдем к более детальному анализу ментального пространства на трех выделенных выше этапах.

1) Объективный этап

Противоречивое двуединство или двухэтажное единство.

Хронотоп средневековой Византии, если использовать нашу теорию двух спиралей, представляет собой **сложение двух ментальных моделей: античной и христианской**, – которые достигли здесь состояния синтеза. Единство человека и мира обеспечивала теперь **божественная гармония**, пронизывающая все сущее.

Место в ранней истории христианства загадочной **Византии**, с которой начинается православие, несомненно, особое. Еще до появления первой династии Меровингов и европейской империи Каролингов (VIII-IX века) она почти половину тысячелетнего цикла несет на себе этот новый христианский менталитет. Но начинается она вовсе не с неуклюжих романских центрических построек и геометрических приземистых романских замков. Византия, Восточная Римская империя, – прямая наследница античности. Это очень важно понять именно потому, что европейское Возрождение, вопреки «прямой логике» возрождения ранних этапов своего католического общества, обратится именно к античности, отвергая свое кровное, готическое. А единственным реальным наследником античности к концу средневековья будет ос-

таваться именно Византия. Возрождение *возрождает* Византию как преемницу античности, оно по видимости возрождает античность, но античность, понятую через Византию, – такова наша гипотеза.

Византия дала католическому христианству все необходимые нормы и образцы, синтезировав их из множества составляющих. Ее символом стал собор Святой Софии в Константинополе – архаическое пространственное выражение нового мировоззрения (532-537 гг.) и гениальное инженерное сооружение. Византия открывает новую ментальность средневековья так же, как это выпало Древнему Египту, открывшему формацию рабовладения. У них много общего в ментальных моделях (время, пространство, социальность как жесткая иерархия) и в формах выражения этой ментальности. Например, по своей грандиозности София ничуть не уступает пирамидам в Гизе. Различие в том, что новая идея христианства – это обратное ментальное *соотношение внешнего и внутреннего* по сравнению с ментальностью предшествующей формации. Пирамида и античный храм рассчитаны на восприятие *снаружи*: это – строения для Бога, где внутри обычным людям делать нечего – все действия для масс происходят снаружи. Идея «изнутри наружу» перевернулась – в христианском храме все главное – внутри, и *изнутри вовне* исходит только свет веры. Вот почему в христианских храмах так сильно акцентирован вход (даже несколько входов), как бы *втягивающий внутрь*, чтобы дальше ритмом колонн довести верующего до алтаря.

Отрицание *чувственного восприятия как основы* потребовало заменить античную теорию мнимесиса – и на ее место пришла *идея «внутреннего света»*. Она отчетливо отражена на грани поздней античности и средневековья в трактатах Плотина, где есть мысль *о Свете, пронизывающем бытие*, а также у **Бозция** (ок. 480–525), одного из «последних римлян». Он предложил собственную систему представлений о прекрасном, считая, что красота материального мира вторична, главное не «случайная» внешняя красота, а высшая, истинная, живущая в душе. **Свет** в этом понимании **был выше красоты**, он был более *представляем*, чем воспринимаем.

Но если уж быть точным, то еще до Боэция Василий Великий (середина IV в.), Псевдо-Дионисий (V в.) и другие византийские философы сформировали византийское **понимание «внутреннего света»** как возникающего в духовном взоре (во *внутреннем видении*). Зрение, как и в античном понимании, несло основную информацию о мире, но при создании образов *духовно видимой красоты* основным символом и выражением был **Свет**. Древнейший культ Света в раннем христианском учении относится к **познанию в более широком смысле**: Свет мог «увидеть глазами ума» и слепой, ведь для его видения нужен был *внутренний взор*. Свет связывался не только с эстетическими, но и с этическими категориями, в первую очередь – с Благом. В русском языке подобное явление можно обозначить как духовное **Прозрение** (или процессуально – «*прозревание*»). Осознание единства *античного* физического **восприятия** и *средневекового* «**духовного взора**» воплощены в структуре и пространстве византийских храмов, где **представлена зримая картина мироздания** и решена задача «вознесения духа» зрителя к недостижимым горным высям. Образцом решения этой двуединой задачи стал храм Софии в Константинополе.

Сверхчувственное важнее непосредственно чувственного – эта основная идея нового витка искусства искала свои средства выражения и нашла их именно в Византии, хотя категория «внутреннего света» станет ведущей для всего христианства. Излучение внутреннего света заставляет художника *перемещать акцент на глаза*, которые только оркеструются общим выражением лица. Глаза не просто зеркало души, это – единственное место, *сквозь которое из человека* пробивается внутренний свет. Неестественно расширенными глазами встречает нас ранняя статуя первого христианского императора и святого – Константина. Перед византийскими художниками встала абсолютно новая художественная задача: изобразить **божественное, прорывающееся сквозь брэнную телесную оболочку**. И они ее разрешили.

К этому можно добавить только то, что перемена доминирования по отношению к античности произошла и в этом смысле, в изображении челове-

ка, а не только в отношении к концепции храма. «**Изнутри – наружу**» присутствует во всем раннесредневековом искусстве, но *главное – то, что внутри*, а не снаружи. В первоначальном христианском храме «весь мир – внутри», а снаружи лишь голая, еще ничем не декорированная форма. Это видно и в ранних романских, и в ранних русских церквях, построенных по византийским канонам. Средневековая Европа, где контраст внешнего и внутреннего продержался недолго и храмы стали украшаться **и снаружи, и изнутри**, обнаруживает тем самым свою равновесную тенденцию (внешне-внутреннюю).

В изобразительном языке ранней Византии мы вновь встречаем три раннеегипетских приема: подчеркивание плоскости и отрицание объема (*рельеф*), разномасштабность фигур (*интенциональная перспектива*), расчленение композиции снизу вверх для чтения ее по ярусам, *иерархически*. Это – приемы, примененные еще в палетке Намера, их можно обнаружить в ранневизантийском памятнике – базе обелиска Феодосия в Константинополе.

В Древнем Египте первого периода архитектура выступала как *универсальная каменная книга*, несущая в себе все знания египтян: и сакральные и общедоступные. Пирамиды и дворцы Египта – модель их космоса. Точно так же византийский храм изначально был *моделью христианского космоса*. Каноны его выражения складывались постепенно. Менталитет, построенный на общении с вечным, требовал соответствующих форм и средств выражения: это – набор известных нам простых геометрических фигур, они рационалистичны, они многозначны и символичны. Вот почему мы обнаруживаем в наборе архитектурных средств ранней Византии прежде всего пространственные проявления квадрата и круга – *куб и полусферу* (эти универсальные геометрические фигуры и тела есть *во всякой архаике*, например в исламской – почти кубический храм Кааба). Купол над квадратным основанием – это совсем не римский купол, которому нужны шестиметровые стены для опоры: византийские строители нашли **новое инженерное решение** для конструктивного **каркасного купола**, значительно более легкого, чем каменный рим-

ский. Между конструкцией каркаса парили «паруса» – сферические треугольники. От Рима в Византию перешли по наследству полуциркулярная арка и колонны, которые становятся чистой декорацией (нередко ранневизантийские строители берут и готовые рельефы из античных построек, используя и их как декорацию). Мозаика на куполе центрального здания – ближе к небу, ибо сюжет купола – божественный. *Центрические* культовые здания античности, основанные на политеизме, совмещались здесь со все более сложными планами: *это – квадрат (восьмиугольник – удвоенный квадрат) и равноконечный крест* в плане. Второй тип зданий – *базилика*, в плане это – вытянутый прямоугольник, а внутри он членится привычными рядами колонн. Так получались отделенные части, называемые по-гречески «нефами» – кораблями. Три-пять нефов ставились по главной оси *с запада на восток* (на востоке центр христианской земли – Иерусалим). В восточной части здание завершалось полукругом, где размещался **алтарь**, а перед зданием – двор, окруженный крытой колоннадой, – **атриум**.

К XI-му веку складывается развитый канон построения и росписи церкви, суть которого мировоззренческая: церковь представлена как вся *вселенная в модели*, а ее роспись понимается как воссоздание иерархической гармонии сотворенного мира. Это – художественная модель мировоззрения с целой совокупностью типологий. Назовем их.

1. **Пространство**. Топографическая символика – каждая часть церкви понимается как библейское место Палестины. Проход по церкви верующий должен воспринять как путешествие по Святой Земле.

2. **Время**. Богослужебный календарь – литургия. В церкви объединяется прошлое и будущее, итог: здесь – вечность. Сюжеты располагаются в соответствии с календарем. Круговое (циклическое) теологическое время организует жизнь.

3. **Иерархия** мира, выстроенная по вертикали. Воссоздание иерархии в восприятии. Три *иерархические зоны* по уровням – для сцен разной предназ-

наченности (от земного к небесному). Чем священнее изображение, тем оно выше.

Искусство книги расцвело именно в Византии после перехода на *пергамент* – телячью кожу, который и сшивали в книги. Благодаря этому материалу, хорошо принимавшему краску, родилось *искусство книжной миниатюры*, едва ли не самое важное во всем средневековье в смысле задания норм. Византия уже в ранний период имела священные книги для ритуалов и книги для светского просвещения, которые в Европе появятся только в поздней готике. Свои книгохранилища были у монастырей, у императорского дворца и высших учебных заведений (существовали даже частные библиотеки).

В раннем средневековье, по Л.Н. Гумилеву, произошло выделение двух этносов в христианском мире. *Католический мир* не только заимствовал у Византии символы, способы выражения и стилевые элементы, но и постоянно конкурировал с *миром православным*. Столкновение окрепшего католичества с ослабевшей Восточной Римской империей проявилось в крестовых походах. Захват Константинополя положил конец могуществу Византии. Как ни странно, Византию погубила ее рафинированная организованность (очень похожая на советскую), которая лишала инициативы низы и выхолащивала в бюрократизме исходные духовные цели империи. Менее иерархически организованные, но привыкшие к самостоятельной борьбе за выживание в раздробленном мире Европы католики в этой борьбе победили (как победил в «холодной войне» католический Запад). Как видим, уроки истории ничему не учат.

Складывание **католической культуры** проходило через этапы непрочных империй и долгой феодальной раздробленности, и к десятому веку, когда закрепление крестьян уже завершилось, появились первые признаки ее самостоятельности. *Романская культура*, особенно в ранний период, в сравнении с развитой культурой Византии выглядит неуклюжей и грубой, мужицкой и приземистой. Не она прославит Европу, только на переходе от ро-

манского мира к готическому Европа станет чем-то серьезным и самостоятельным, к ней перейдет историческая пассионарность. Граница этого перехода имеет свой памятник – романо-готический собор Парижской Богоматери. Но до его ровного великолепия еще далеко.

Романским («римским») такой стиль можно назвать весьма условно, и называли его так, возможно, лишь потому, что варварский деревянный мир впервые обратился в строительстве к «римскому камню», а камень часто брали из старых римских построек и дорог. Единственным *общественным сооружением* раннероманского времени является собор – идеологический центр поселения, потому что власть этого этапа – теологическая, и земным правителям она *дается* сверху. Собор был носителем универсального хронотопа: пространство собора выступало символической моделью средневекового космоса, а соборная колокольня определяла время и возвещала бедствия.

Светская иерархическая власть символизировалась в романском замке, духовная – в монастырях. *Феодальный замок на холме* доминировал над обозримым пространством как символ власти над территорией. Донжон (главная башня – жилище феодала) отражал идею центризма в голом виде (постепенно там же возникнет капелла). Сторожевые башни – важнейший функциональный атрибут (защита территории) переключаются даже в ранние церкви (следы этого сохранил, например, собор в Вормсе). В самой идейной архитектонике и реальной тектонике романских строений отражены те колоссальные нагрузки, которые возлагала на них функция несения ментального космоса и вечности. Ранние церкви – это типично *романские постройки*, перекрытые цилиндрическими коробовыми сводами, распор которых передавался на стены на всем их протяжении, отсюда – **массивность стен**, к тому же нередко укрепленных массивными «**контрфорсами**» – примыкающими к стенам устоями. О характере нагрузок можно судить хотя бы по тому, что при Карле Великом купол центрического храма выдолбили из одного гигантского камня (вот уж воистину нерасчленимость!). У этих двух *властных со-*

оружений – церкви и замка – единый стиль, где светское еще не отделено от церковного. Позже собор и **монастырь**, который был часто сильнейшим феодальным властителем, дополняют данный перечень, и четверку названных строений объединит признак – применение камня, остальной же мир романской архитектуры и строительства **деревенский**, то есть – **деревянный**.

Интересно, что в документах того времени наряду с церковью и замком как местами, имеющими «публичный характер», подчеркивается значимость для поселения **мельницы и кузницы**. Функционально эти два места (мельница и кузница) были важнейшими в горизонтально-производственном измерении сельскохозяйственного мира. Кузница в поселении долго выступала как общественное место, служила убежищем и домом собраний, а кузнецы по значимости приравнивались к ювелирам.

Хронотоп раннесредневековой Европы, если использовать нашу теорию двух спиралей, представляет собой **наложение** (так до конца и не перешедшее в синтез) **двух ментальных моделей: первобытной и христианской**. В общем-то, и понятно, почему синтез был невозможен: исходная первобытная культура (которую О. Шпенглер называл сельской или деревенской) по природе своей общинная и самозамкнутая. Она удерживает основание средневекового общества своей колоссальной инертностью и массовостью. Надстроенная над ней рыцарская и городская культура количественно ничтожна: города, населением в 2 тысячи человек были обычными, в 10 тысяч считались большими, а 20 тысяч – очень большими, почти «мегаполисами» (с этого началась столь ненавидимая Шпенглером городская культура, задушившая деревенскую). Грубо говоря, вся духовная история средневековья, творимая в его городах и монастырях, не имела никакого отношения к почти первобытной общинной основе этого *мужицкого общества*, чему способствовало кастовое, иерархически герметичное устройство самого социума. История богословия, история дворян, позже – купцов, а еще позже – банкиров, но не крестьян – вот духовная история средневековья до Реформации. М.М. Бахтин замечательно точно раскрыл спрятавшуюся в фольклоре вто-

рую ветку этой культуры – она абсолютно языческая, и язычество из нее не вытравило целое тысячелетие христианства. Но у фольклора в средневековье нет истории или, может быть, он живет в своем исходном десяти-тысячелетнем ритме перемен.

Поэтому *духовный мир средневековых людей строится на теологии* как явном объединительном, организующем принципе. Массовое сознание через институт церкви подчинено религии, и знаковая система богословия наполняет уже устоявшиеся и структурно устойчивые знаки предыдущих ментальных формаций своими смыслами – мы увидим это ниже. Средневековое общество в теологической картине мира осознает себя, находит обоснование своему происхождению и цель своему существованию, а также – объяснение миров вне социума. Таким образом, **идеология христианства** в Византии и Европе становится ментальным цементом, соединяет воедино его разношерстную и разноликую исходную основу. Единая латынь выполнила здесь функцию интеръязыка (в культуре Халифата ее выполнял арабский язык, введенный в качестве единого для всего государства).

При этом нет практически ни одного историка, который бы не указал на двухэтажность средневекового менталитета и на вопиющие противоречия, порождаемые ею. Прежде всего поражает, что разрушившие некогда могущественный Рим «дикие племена варваров», увлеченные потоком «великого переселения народов», в романский период оказываются патологически *оседлыми*, причем до такой степени, что даже лес вокруг отвоеванной плодородной земли панически боятся. Эти «дети природы», абсолютно первобытные по своему менталитету, видят мир через концепцию «гротескного тела», где люди почти *египетски* неотчленимы от природы: это – люди-звери (и они сохраняются в фольклорных оборотах), люди-растения (наши «старички-лесовички» и лешие), антропоморфные горы – здесь олицетворен весь мир: и живой, и минеральный. Вспомните подобных египетских богов: полуживотных-полюдей, сфинкса, крылатых гениев междуречья, все тот же образ мировой горы, несомненно, живой и антропоморфной, и станет ясно, что *ранняя*

стадия средневековья есть и тот же Египет, и та же исходная первобытность. Но вот существенное отличие: средневековое общество – это исходно, в глубине, **общество коллективистов**, принимающее сеньор-вассальские отношения как необходимую светскую и духовную власть над собой. Общиной можно выживать в разреженном первобытном мире, но в мире, где уже много общин, нужны другие регуляторы. Феодалная раздробленность несла с собой массу бедствий (мы это знаем и по Руси), и ее устранение воспринималось, в общем-то, как благо.

Единственное, что отличает средневековье от Египта, – наличие частной собственности, создающей **неполный коллективизм**, коллективизм, исподволь подточенный индивидуализмом (подписывая дарственные монастырям или отдаваясь феодалу, крестьянин не превращался в бесправного раба, *его мир* оставался его миром). Но такова вообще закономерность истории, как мы говорили с самого начала: к абсолютному общинному коллективизму первобытности («мы») примешивается поначалу совсем немного «я» из Древнего Мира и античности, что на следующем этапе обернется полной победой «я» в Новом времени. Как же тогда воспринимать эту чудовищную рационально организованную новую **сверхплотность «мы»**, спрессовавшую десятки миллионов людей в сталинско-фашистском тоталитаризме? Как первый звонок новой истории людей.

* * *

Романский менталитет содержит модель космоса, известную нам еще по первобытности: **горизонтальный мир** – вокруг человека (*свой мир* вокруг, родной и понятный, – *чужой*, страшный и пугающий во внешних кольцах), а **мир по вертикали** – мир невидимый, бывший магический, представленный в средневековье как сотворенный Богом и устроенный по его замыслу космос, недоступный жалкому человеческому пониманию. Этим устройством определяется необходимость наличия двух иерархий и двух типов власти. Отсюда, над **первобытной концепцией** органической связи человека с природой, надстраиваются две иерархии: светская и духовная.

Светская иерархия охраняет (от неверных) и расширяет внешнее кольцо данного мира, регулирует социальные процессы внутри, следовательно, эта власть распространяется *по горизонтальной плоскости* (горизонтальная иерархия). Церковная иерархия идеологически цементирует это общество (удерживает модель космоса и высшие цели) и действует *в вертикальном измерении*, хотя церковь весьма активно вмешивается в земную политику и иногда подминает ее (политика пап, кардинал Ришелье и т.п.). И оно понятно – здесь высшие цели.

При этом основная концепция говорит о мире земном как антитезе небу, о земле как о месте временного и скорбного пребывания человечества. Она задает модель некоего «загона», из которого у человека – два духовных выхода, обозначенных по уже знакомой нам первобытной вертикали: вверх ведет «лестница Якова» (духовное восхождение) – вниз, в темное царство, ведут нас грехи наши. Отсюда, кстати, столь странное и противоречивое на первый взгляд, сочетание *чудес* (из мира свыше) *и волшебства*, колдовства, ведовства (происхождением из мира снизу). Оборонительная магия и талисманы – это не слишком благочестивая смесь смыслов мира светлого и высшего и мира темного и низкого. И та же алхимия, и массовое поклонение *мощам святых* – производные смеси первобытности и христианства. Египетские мумии, средневековые святые мощи, забальзамированные Ленин, Хо Ши Мин, Димитров – разве это не одна и та же линия?

Все коллизии духовной борьбы средневековья состоят в *преодолении исходной первобытной органической связи с природой*. Отсюда – поразительное и непостижимое по исходным посылкам для человека Нового времени **поощрение следованию авторитетам и порицание самостоятельности мышления**, отсюда же и **преобладание процессуального над содержанием** (в судах). Даже чтение молитв – на латинском языке (одна из причин будущей реформации), отчего Библия оставалась *самой неизвестной книгой* католического средневековья, – все это есть проявление исходного установления. Средневековая власть не собирается полностью уничтожить первобытность –

она лелеет мечту *трансформировать первобытные ментальные основы в христианские*, хотя выполнение этой задачи успешным признать нельзя. Античная культура, игнорировать которую так же было невозможно, была нейтрализована простым и безотказным образом: ее идеи вошли в средневековые как **учения авторитетов** наряду с авторитетами христианского богословия. По выражению А.И. Герцена, это был Аристотель с тонзурой, в котором схоластика убила все живое. Тем самым эти учения становились омертвевшими, абсолютно остановившимися в развитии догмами и утрачивали свою исходную идеологию и действенность, ведь теологический контекст заставлял перекодировать саму их суть (это прекрасно показал Умберто Эко в романе «Имя розы»). Да и доступны эти *избранные места* из античности были ничтожно малому числу ученых монахов. Но и со своей исходной христианской культурой католики поступили весьма жестко: в апокрифы (неканонические тексты) вошло более двух третей древних текстов и сама концепция Христианства была тщательно откорректирована в XIII-м веке.

Снова проведем аналогию: первое, что сделал сталинский режим, первое, что сделал гитлеровский режим, – изъял, переместив в спецхраны или массово уничтожив неканонические и враждебные тексты, а тексты самих классиков поместил в закрытые институты. Канонизация (кого угодно) носила массовый ментальный характер: психолог Анохин вспоминает, что даже случайные мысли и вопросы И. Павлова в советской науке были канонизированы и выступать против них было опасно даже в 60-х годах.

Мы уже говорили, что два мира (мир горний и мир земной, небо – в оппозиции к земле) были представлены в раннем богословии еще и как два времени: небесная *вечность* противостоит земному текущему времени жизни. Такое двухэтажное церковное *представление о времени* в средневековье еще и наложено на природное, что и порождает в итоге линейно-циклическую концепцию средневековья. Этому времени в тенденции, в пределе, присущи субстанциальность, непрерывность и необратимость. В целом же в мироощущении средневековья **представления о пространстве и вре-**

мени исходят из системы расселения людей и характера ландшафта. **Ощущение времени присутствовало лишь в опыте**, оно было связано с жизнью и определялось земледельческими циклами, движением Солнца, **длиной пути**, длительными сроками передвижения, неспешным темпом путешествий, запоминающимися событиями. Поразительно, но это во многом – *субъективное* время-пространство. И вот что характерно: общество здесь не совсем рациональное, как в Египте, – перед нами скорее первобытное отношение к пространству и времени как непосредственно данным в опыте и их измерениях: отсюда происходит *неодинаковость земельных мер с одним названием* и *различная протяженность часа*. Пространственные меры такого мира антропоморфны (человек видел в мире собственные качества): они исходили из человеческого тела (локоть, пядь, палец, фут и т. д.) или трудозатрат и их эквивалентов (мера пахотной земли – то, что можно вспахать за один день, величина владения измерялась в доходах).

Раннее средневековье – время «победоносного шествия земледелия». Горизонтальное измерение этого мира нам хорошо знакомо, ведь оно первобытное: «своему» близкому миру («двор», усадьба – митгард) противостоит мир «чужой», дальний. Но здесь это воплощается в противопоставлении **возделанной земли и леса** (реальное пространство средневекового человека ограничено бескрайними лесными массивами, отчего Н. Бердяев и говорит о «запахе хвойных лесов»). Лес – источник всех опасностей, отрицание организованности, мирского вообще (поэтому там селятся не только разбойники, но и отшельники). Люди средневековья – домоседы (где родился, там и пригодился), и монашеский идеал *stabilitas loci* (*постоянство в пространстве*) принят в этом сообществе почти всеми. Напротив, перемещаются в основном те, кто несет смерть и разорение (воины, бродяги, кочевники, наемники) или гоним необходимостью (купцы, ремесленники и пилигримы, монахи, беглые крестьяне и т.п.). Но именно эти *перемещающиеся* определили будущее средневековья: преодолевая пространство, они побеждали свой скрытый **страх перед пространством**.

У этого мира есть единый язык – богословская латынь для кочующих монахов – и единые обычаи господствующего класса – для рыцарей, кочующих от одного двора к другому. Темп средневековья откровенно неспешный: передвигались *неторопливо*, не слишком «берегли время», да и *транспортные средства и дороги были плохи*. Оттого-то такую большую роль в средневековье играли реки – по ним шли главные транспортные потоки, около них селились и строили города.

Найденная в предыдущем менталитете объединительная идея «как сверху, так и снизу», здесь трансформируется в *концепцию человека как микрокосма, подобного макрокосму вселенной*.

Число и нумерология ведут в средневековье противоречивое существование: они одновременно гонимы и безмерно любимы. В целом мы о них говорить не будем, ибо логика их жизни все та же (монада, дуада, триада и т.д. – до двенадцати). Например, древняя идея *четырех* первостихий в средневековье также опрокинута на весь мир: он состоит из четырех элементов: **огня, воздуха, воды и земли**. Их существование понимается как бы осязательно, реально – и Земля находится в центре мира, потому что она самая тяжелая. Четверка отнесена к человеку не только через типы темпераментов, но и (через Галена) – теперь сам человек «состоит» из *четырех элементов*: плоть его – от земли, кровь – от воды, дыхание – от воздуха и теплота – от огня (был еще и «огонь духовный»). Теория «четырех влаг» определила лицо средневековой медицины.

Интересно, что пространственные представления, какими бы фантастичными они нам ни казались, являли то культурное пространство, в котором просуществовало тысячелетнее средневековье. В пятом веке в своем сочинении «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисий Ареопагит нарисует каркас средневековой системы мироздания. В строгом математическом порядке движутся вокруг Земли по точным параметрам сфер все светила. Но между тем *ментальный средневековый уравновешенный мир*, с его библейским блюдом, покоится на трех китах.

В теории богослова седьмого века (а это как раз классика, середина формационного цикла) Гонория Августодунского мы находим своеобразную *теорию генезиса форм движения материи*: творения делятся на пять категорий: телесные (камни, минералы), наделенные жизнью (растения), наделенные чувством (животные), разумные (люди) и интеллектуальные, точнее, духовные (ангелы).

Гонорий представил мир состоящим из четырех уровней, причем уровней, скорее, общности и генезиса, чем иерархии. Верхний ярус – Бог (непознаваемый и недоступный человеческому взору в своей сущности), проявленный через такое свое качество, как высшее добро (Bonitas) и через «семь божественных имен»: это – Справедливость, Добродетель, Разум, Истина, Сущность, Жизнь, Мудрость (изначальные причины). На данном уровне – восемь элементов (1+7).

Второй ярус, «*materia informis*», – «бесформенная материя». По отношению к ней существенны две категории, организующие действительность, – *время и место (пространство)*. По Гонорию, *время есть точная мера «движущихся» вещей, а место – естественное ограничение каждой вещи* (мера ее бытия, предел ограниченной природы). Время и пространство – бес-телесны, они изначально **предсуществуют** у Бога, прежде чем реализоваться в конкретном времени и месте.

Третий ярус – организованная материя, «сотворенная и не творящая природа». Она организована в известной четверичности: это – небесное племя (ангелы), крылатые обитатели воздуха, водные твари и жители твердой суши (огонь – воздух – вода – земля). Смысл этого яруса – Finis (конец). Однако не только в генетическом смысле (все сотворенное конечно), но и в том, что это – время и пространство сына божьего Иисуса Христа (по Библии, он – *альфа и омега*, начало и конец всего). Генезис замыкается в круг, мир движется в рамках основных богословских понятий – от сотворения мира к воплощению Христа.

Но это – модель образованного мира средневековья. Обычные люди жили не в космосе Гонория, а в своем замкнутом мирке и страсть как не любили «чужаков». О небе, о пределах Земли представления у них складывались не столько по книгам, сколько по изустным преданиям и рассказам. Поразительной особенностью средневекового человека было то, что он **как бы не видел реальности в результате наблюдений, а видел зримый мир в соответствии с нормами церкви и традиционными преданиями** (так, Марко Поло в описании путешествий по Китаю и Северной Индии *видит* людей с хвостами, «толстыми, как у собак», потому что средневековые легенды помещали на «краю земли» то кинокефалов – людей с песьими головами, то совсем без головы, но с глазами прямо посередине груди). Подобным свойством *видеть миф* позже отличатся люди в фашистской Германии и в СССР: они видели героев и врагов там, где им указывали и массово истребляли *неверных* среди своих. Наверное, мы плохо представляем себе реальную мощь ментальных моделей в поведении людей: не хочется преувеличивать, но она чудовищно велика.

Земля – центр вселенной: это – космографическая аксиома Средневековья. Поскольку мир состоит из **огня, воздуха, воды и земли** (и они существуют в их представлении отдельно, *как бы фракциями*), земля, как самая тяжелая, расположена в центре вселенной – таково своеобразное «естественнонаучное» объяснение ее центральности. Если говорить о подробностях, то некоторое время бытовало представление о планете как о *плоском диске* (что ведет свое происхождение от древнейших образов «космической горы» и водного кольца вокруг), но в зрелом средневековье мы находим более сложную модель. В книге монаха того же классического двенадцатого века Госсуи «Образ мира» Земля представлена как **шар**, со всех сторон окруженный скорлупой **неба**. Небо наполнено «духовным воздухом» – *эфиром*, и ангелы легко пересекают эфир, зато для смертных он губелен (кстати, эфир – *пятый элемент*). *Небо состоит из сложной системы вложенных сфер*, о числе которых велись споры: одни насчитывали три, другие – свыше пятидесяти. С

начала XIII-го века постепенно внедряется концепция Птолемея, более достоверная и астрономически точная. Интересно, что известный ниспровергатель истории, основываясь на астрономических данных, пишет, что данная концепция вовсе не была позднеимперской, а возникла именно в это время (Фоменко А.Т. Глобальная хронология. – М.: Изд-во МГУ, 1993).

Внутреннее космогоническое кольцо таково: в центре Земли, *центра вселенной*, находится Иерусалим («Пуп земли»). Немного к востоку находилась **высокая гора**, от которой брали начало **четыре великие реки**: Тигр, Евфрат, Фисон и Геон, обтекавшие сад Эдемский – земной рай («Фисон» иногда Ганг, иногда Инд, Геон всегда Нил). Индийский океан – замкнутое море, и его острова набиты золотом, пряностями, благовонными деревьями и диковинными существами (среди которых – экзотические единорог и феникс, странное чудовище, соединяющее в себе коня, слона и вепря, с подвижными рогами). Характерно, что окраины этого обитаемого мира Земли страшны, но вместе с тем привлекательны, ибо свободны от средневековых ограничений, социальных и моральных. Окраинные земли всегда притягивали средневековое диссидентство и служили местом, куда живое воображение помещало сказочные образы. Такая же окраинная вольная земля бытовала в русском фольклоре.

Географические знания большого значения не имели, и сама аллегорическая география средневековья строилась на заимствовании сведений у авторитетов и чаще всего в исторические сочинения сведения проникали из более древних источников. Обитаемый мир ойкумены в средневековой географии поделен *идеологически* на три части: Европу, Азию и Африку (идеологически, поскольку географическое деление усугублялось делением религиозным). Европа – христианский материк, Азия и Африка – пристанище язычества (грех неверия) и магометанства (нечестивость).

Средневековое *пространство было иерархизированным*. Иерархия «пространственных уровней» окрашивалась этической оценкой: пространство могло быть «благим» и «дурным». Только Рай и Иерусалим имели абсо-

лютно положительную оценку на средневековой пространственной шкале. Прочее средневековое пространство распадалось «по горизонтали» на множество враждовавших миров. Причиной тому было исходное деление мира на «свой» и «чужой», приобретшее здесь религиозный оттенок. Католики одинаково не любили бородатых греков, евреев, магометан и языческих славян; для христианства и античность была, как ни смешно, язычеством, варварством. Да и внутри католического мира всегда бытовала этническая вражда: англичане до сих пор не любят французов, северные французы смеются над провансальцами, немцы издеваются над итальянцами, и наоборот. **Только свой мир – ценность**, и это отчетливо видно в кичливой идеологии американских городков.

Отраженная на порталах и в устройстве средневековых соборов *иерархия космоса* точно соответствует *иерархии божьих тварей*, а главное – социально-политической иерархии сеньор-вассальных отношений. Храм был **микрокосмом** средневекового человека, вмещавшим в себя весь мир, вот почему в храмовый декор понемногу проникали не только герои христианства, светские властители, но и сцены *трудовой жизни, экзотические и сказочные животные и прочие существа*. Эта смесь христианства и фольклора приводит в строгое и иерархически организованное пространство мироздания народную фантастику, гротеск, юмор, пародию (ничего подобного нет в строгих русских церковных постройках).

Все **пространственные отношения координируются по вертикали**. **Иерархия пространства** воплотилась в *противопоставлении неба (рая) и подземелья (ада)*. «*Лестница Иакова*» *ведет вверх*, ее ступени от земли к небу – важнейший символ человеческого существования, соединяющий его земной смысл с небесным. Данте в «Божественной комедии» размещает **круги ада** на разных пространственных уровнях, потому что движение к Сатане – это *спуск души вниз* и ее отдаление от Бога и спасения.

Мир земли и людей в иерархии занимает особое место: это – **арена борьбы** за бессмертную душу небесных и адских сил. Ангелы посещают дос-

тойных, а повелители «нижнего пространства» проникают на землю и воздействуют на людей, уводя их с пути спасения (вверх) и направляя на путь грехопадения (вниз). Темные силы (Сатана, или Дьявол) не играли большой роли в представлениях раннего средневековья, но совершенно «разбушевались» к его концу. В системе феодальных понятий князь тьмы стал **символом предателя, неверного вассала** (пошедшего против Бога), а, следовательно, началом всякого зла. Черный цвет Дьявола (и его воинства) стал символом всего губительного (черный – отсутствие света). Черное воинство обладает волшебством – и люди должны быть начеку, ведь их подстерегают опасности пострашнее врагов и грабителей: от них не спасут замки и мечи. Защита божественного мира (вера и молитва) дополнялась магическими средствами, оборонявшими от враждебных темных сил. В центре такой **оборонительной магии** – хорошо знакомый нам **крест**, но здесь он стал знаком Христа, его крестных мук, отчего и наделен чудодейственной способностью отгонять нечисть. Этот символ христианства присутствует повсеместно: на церквях, на церковных иерархах – наперсный крест, в церковных действиях – его выносили во время литургии, нательный крест крещёных, подпись «крестом» у неграмотных. Крестились и осеняли пищу крестом, крест ставили в начале деловых документов и т.д. и т.п. Если говорить в современных терминах, это был совершенно невообразимый по масштабам «фирменный стиль» христианства, имевший, к тому же, ряд вариантов и бесконечное разнообразие модификаций.

Магическую силу приписывали и **мощам святых**, но бытовала и совсем не христианская убежденность в магическом действии всевозможных **талисманов**.

* * *

Романская храмовая архитектура несет в себе не только символический образ мироздания. Она содержит все ранее существовавшие ментальные символы все в той же последовательности: круг, квадрат, крест. Отсюда – **круглые** (ротонды) и **крестообразные** в плане церкви (прообразом их стали

античные базилики). Позже церковь, выстраиваемая по главной оси, аллегорически рассматривалась и как *корабль, спасающий души* (длинный «корабль» – неф). Ритм колонн вел к алтарю, и этот простой прием ритма выстраивался символически *с запада на восток* – к Иерусалиму, на гроб Господень. Пространство раннехристианского храма, как и его предшественницы раннехристианской базилики, организовано **по горизонтали** – ее основная ось пролегает **от западного портала (главного входа)** к алтарной апсиде, где помещен жертвенник и где священник совершает главнейшую часть богослужения. Этот горизонтальный «корабль» пересечен под прямым углом поперечным нефом – *транseptом*, в результате чего образуется **крест** в плане. Неравные по значению оси «восток – запад» и «север – юг» нашли здесь свое конкретное пространственное воплощение.

Возле церкви – колокольня; постепенно она интегрируется в общее архитектурное пространство. Епископские церкви – **соборы** – имели особые функции: сначала только в них размещались баптистерии, потом появились купели в самих церквях. Монастыри же по устройству представляли собой сложную смесь замка и храма с элементами небольшого города.

Законченный стиль романской культуры, с его суровостью, нерасчлененностью объема, толстыми стенами и безудержным декором, проявился, например, в аббатстве Клюни – здесь такая **толща стен**, что понадобились контрфорсы.

Отношение внешнего и внутреннего в этом искусстве (как и в Византии) обратны античности: все ранние церкви снаружи скромны – внутри богаты. Здесь присутствует первобытный (*неолитический*) **декоративизм** как *форма* и христианство как *новое содержание* (отсюда же и культ животных, но не тотемный, а орнаментальный). Это – момент доминирования ДПИ – мозаики. В ранних церквях преобладает рельеф, но роль его не самая значительная. **Разномасштабность фигур** – почти египетская, и это очень характерно для раннего этапа. От раннехристианской базилики романский храм унаследовал и элементы декора, прежде всего – мозаику (в Италии) и настен-

ную живопись (в Германии и Франции). Такая архитектура стала основой синтеза всех искусств того времени. Ранний синтез следует признать **плоским** (роспись, мозаика, рельеф). Плоским был и египетский синтез искусств. Все искусство средневековья сформировано в сфере религиозного мышления, отчего и церковное, и светское долго имеют один стиль. Задача: акцентировать духовную жизнь, воплотить божественное, – отсюда идет обесценивание реальных форм, конкретного (глубины и объемов). Но продлилось это лишь одну (первую) треть формации.

Уже в IX-м веке монументальная живопись достигла достаточно высокого развития и сильно изменилась. Новое в ее росписях – **экспрессивность, напряжение**. Особенно расцветают монументальная живопись и книжная миниатюра (последняя оказала сильнейшее влияние на живопись, они вообще одинаковы по набору изобразительных средств: линия, плоское локальное цветопятно, нет перспективы и объема, намеренное искажение пропорций). Фрески идут сплошь, ковром. При всем том главенствуют живость и яркость **рассказа**. Художники постепенно открывают (возможно, в искусстве римлян) **тон и светотень** (имитацию объема) и берут на вооружение даже **архитектурный мотив** в заднике росписи (социальное выше природного, наоборот будет только в Возрождении).

Начало второго тысячелетия положило конец 150-летнему периоду войн и разрух. Паломничество и крестовые походы XI-XII веков несколько расширили тесный мирок средневекового двора. Впервые проявилось влияние арабов. В эти два века расцветают монументальное искусство, живопись и скульптура. XII век – **золотой век романского искусства**, в основном это – Франция. В этом веке аббат Сугерий членит пространство Сен-Дени в точном соответствии с картиной мира Псевдо-Дионисия Ареопагита, данной им в сочинении «О небесной иерархии» еще V-го века.

В середине средневековья как ментальной формации (с XII-го века), как и в середине формации рабовладения – в Греции, уже полностью доминируют **объемные** каменные фигуры: в декор храма вошла скульптура. Она

украшает как интерьер, так и порталы церкви (особенно западный, буквально наполненный скульптурными изображениями), а *скульптурное распятие* стало смысловым центром внутреннего пространства храма. **Объем – это объект-субъектное проявление.**

Скульптура складывалась под несомненным влиянием миниатюры (скрещение архитектуры и миниатюры породило человеческое по масштабу). Поначалу совершенно не была разработана техника обработки камня, зато эти *фигуры* наполнялись экспрессией, движением. Поражают их явная мужицкая мощь, их контрастирующая материальность – при подчеркивании плоскости стены. Святые и евангелисты данного периода явно знакомы с тяжким крестьянским трудом, у них плебейские морщинистые лица, а все эмоции и движения безмерно простодушны и прямолинейны. При этом они абсолютно бесплотны, как того требует христианский канон.

Росписи покрывают интерьеры сплошь, скульптура – и снаружи, и внутри. Популярнее стали *ереси* (попытки трактовки канонического учения, возникающие в этом раздробленном мире), и церковь начала *устрашать искусством*. Появился обязательный набор: «Страшный суд», страдания Христа, апокалипсис, жития мучеников, назидательные притчи, – и борьба за душу между ангелами и сатаной стала любимым мотивом. Но *двоеверие* все так же сохраняется на всем протяжении средневековья: василиски, аспиды и прочая нечисть соседствуют рядом с библейскими персонажами – поразительная мешанина из чудовищ, орнаментов и фигур! Символизм, аскетизм, условность, бестелесность, утрированность, разномасштабность библейских фигур + сказочность и декоративность первобытного прошлого – все это рядом и поражает, пока не поймешь, что творили произведения обычные ремесленники, совершенно не обученные и не искушенные в церковных догмах (не то, что в Византии, где искусство жестко контролировалось сверху, не хуже чем в СССР). Архитектура и искусство в храме и на храме несли основную просветительскую функцию – быть Библией для неграмотных. Для грамотных была литература (а грамотными были сначала только монахи).

Миниатюра – искусство в книге – располагается как бы посередине и предназначена для полуграмотных (разумеется, для светского богатого мира). Строй образов подобного искусства в целом сводится к формуле: *повествование* (иерархический способ считывания) + *многослойная символика*. За первобытной и прочей пестротой всегда просматриваются законы иерархии: Град небесный – небесная иерархия, Град земной – земная иерархия, причем здесь мы имеем подобие, но не изоморфизм.

Интересно отметить, что русская храмовая архитектура (наследница византийской в позднее романское и готическое время) умело сочетает крест, круг и квадрат и долгое время использует только их. Она начинается не с доминирования горизонтали, как базилики, а с *доминанты вертикали*, как это имело место в готике.

2) *Субъект-объектный этап*

На втором, готическом, этапе город-коммуна стал главной единицей. Кстати, латинское слово *urbs* (город) исследователи нередко соотносят со словом *orbis* (диск вселенной), что вероятнее всего связано с древнейшим (первобытным) восприятием пространства. Город в некоторых отношениях принял на себя функции крепости: стены, ров, мосты, цепи, ворота на замках, стража. В нем возникают *групповые* светские постройки: помещение городского совета (*ратуша*), *биржа*, *таможня*, *суд*, *больница*, *крытые рынки*, *колледжи*, *общежития* студентов, *цеховые* помещения и *склады*. На пересечении двух главных магистралей города (крест) – центр с собором (храм) и ратушей (*две власти уравновешены*). Ратуша включала в себя башню с набатным колоколом, тюрьмой, архивом и казной. Огороженный город (*огородить*) вынужден был при этом расти вверх, как дерево. Монастыри тоже строят свои *дороги*, *мосты*, *гостиницы*, *госпитали*, и строятся они уже на путях паломников и купцов (по артериям). Камень постепенно заменяет дерево и в светских постройках.

В поздней готике город быстро строится, и в нем появляется *все больше частного*. Купцы и банкиры становятся важнейшими фигурами и задают тон. В рельефе светских построек появляется тяга к отрыву от стены. Возникнет даже свой канон композиции, канон *сюжета по месту в здании*, – это нечто новое. Наконец, происходит отделение скульптуры от стены и от влияния колонны, становится больше складок, движения и светотени. Далее, на переходе к Возрождению, просматривается явный *интерес к портрету* и *измельчается пластика*.

Но пока мы в ранней готике, где еще только постепенно увеличивается *динамичность перемещений в пространстве*, появляются купечество, бродячие ремесленники и т.п. персонажи. В городах возникают улицы и кварталы профессий. Эти строения и зоны, как нетрудно догадаться, функциональны, а *функция* соединяет в себе общество и личность. Наблюдается удивительное функциональное сходство с городами Римской империи, с той лишь спецификой, что основные артерии средневековья преимущественно водные. В описании XI-го века города Реймса говорится, что он состоял из трех частей: **церковной, королевской и купеческой**. Планы Парижа XVI-го века отмечают наряду с официальной также *университетскую* и *коммерческую* части города.

С середины XII-го века романское начинает вытесняться готическим, причем это отмечено как в расцветающих схоластических школах, так и в строительстве храмов (Париж и его окружение XII–XIII веков). Это уже **новый образ мышления**, который одновременно создается, осознается и воплощается.

В XIII-м столетии готическая архитектура достигает расцвета. Готика – это уже целиком городское мышление и городская архитектура, и она отражает новое понимание пространства, новый темп городской жизни. Но в целом никакого явного преимущества города еще нет: короли обращаются с городами так же, как со своими вассалами-феодалами (замки которых уже превратились в увеселительные охотничьи шашито), и власть их достаточно

сильна. *Город и деревня* на этом этапе в относительном равновесии. И тем не менее город несет новое именно в стиле.

Средневековый город замкнут в себе даже больше, чем средневековый митгард: он огражден и сдавлен своими кольцевыми зубчатыми стенами. Несмотря на его явную зависимость от окружающего пространства (без которого он просто не может существовать), город, как и каждый его дом, всегда «на страже», и есть отчего: город был богаче деревни, городская жизнь – интенсивнее и разнообразнее. Но он зато и сильнее, коллективная оборона его оказывалась более надежным делом, чем система «синьор – вассалы», с доминирующим замком. Особенно это становится явным по мере перехода от романских городов, страшущихся высунуться за свои стены, к готическим, растущим более вольготно, кольцами (так появились внутренние кольца в разросшемся городе – «Кремль», какое-нибудь «садовое кольцо» и т.п.).

Заказчик храма теперь не церковь, а город или гильдия. Основное городское сооружение не церковь, а **городской собор**. В исходных посылках этот *готический храм* немногим отличается от романского: крестообразные планы их сходны, в основе – длинный «корабль» – главный неф, по обеим сторонам – боковые нефы; под прямым углом главный неф пересечен трансептом – поперечным нефом. Сохранена и главная ось – на западе расположен главный вход (фланкированный двумя башнями), а на востоке храм замыкается алтарной апсидой (позднее «венцом капелл» из четырех-пяти апсид). Все это в плане составляет **все тот же крест**, но уже очень сложный со множеством символических дополнений.

Само название «готический» (по сути, «варварский», ведь племя готов было варварским) весьма условное, французы куда удачнее называют этот стиль «**оживным**» – стрельчатым. Стрельчатые острые дуги (арки) указывают на небо, на град небесный, что придает готическому храму иной характер и подчиняет его иной эстетической задаче. Кроме того, готический храм построен весьма экономично: в нем устранены все элементы кладки, которые не несли механической нагрузки, отчего ранние здания смотрятся как обна-

женный каркас с линиями несущих ребер (Иль де Франс – колыбель готики). Стрельчатая дуга – замечательное функциональное явление, она стала новым инженерным решением, позволившим облегчить давление свода (уменьшить массивность стен). Само применение стрельчатой дуги переместило **доминирующую ось храма**: из горизонтальной она превратилась в **вертикальную**. Эта вертикальная ориентация готического храма подчеркивалась всем набором строительных и *выразительных элементов*: шпилями, башнями и башенками, высотой легких стен с огромными окнами, стрельчатыми дугами, которые опирались на стройные пилястры, изящными аркбутанами (перекидными арками) над боковыми нефами, которые погашали нагрузки от распора свода. Впечатление органического единства и воздушности пространства, достигнутое в готике, обеспечивалось характерными высокими стрельчатыми проемами между главным и боковыми нефами, а также световым *слиянием внешнего и внутреннего пространств*, которое задавал витраж и характерные круглые «розы».

Оставшаяся в наследство от романского периода скульптура здесь подчиняется архитектурной идее «перста в небо» и нередко низводится до декора или колонны. Мы можем выделить в этой полноценности три составляющие (есть они, если вспомнить Витрувия, и в Древней Греции, кроме витража, функция которого иная): **конструкт храма** несет объективное репрезентационное выражение общей идеи; **скульптура** – полноценной объемности (скульптурный декор с индивидуализацией лиц покрывал весь экстерьер и представлял проповедь в камне), а субъективное интонационное воздействие осуществляет внутреннее пространство храма, и **светоцветовой витраж**, и многочисленный декор. В готике живописный и мозаичный декор уступает место не только витражам, но и невесомым «каменным кружевам», где укрылось язычество. Свет изменил даже восприятие времени: цветные стекла витражей, причудливо преображавшие солнечный свет, создавали *иллюзию реального присутствия* библейских и житийных персонажей.

Храм готики открыл новую каркасную схему свода с нервюрами, она впервые в истории сменила стоечно-балочную систему античности и позволила перекрывать любые сложные пролеты. Грандиозная высота достигалась при сравнительно небольшой толщине столбов; стены перестали быть несущими; окна превратились в витражи, занявшие место фресок. В пространстве собора явно отразились представления о прекрасном как о **свете, сиянии**, а высота собора выступала как отражение высоты духа. Чувственное сияние должно было если не вызвать, то достойно дополнить сияние духовное, напомнить о нем.

Если выделить, в чем состоит классичность готики и в чем она похожа на Древнюю Грецию, то обнаружится, что их сходство прежде всего состоит в занимаемом месте в ментальных формациях: это – середина и высшая точка. Далее речь может идти и о сходстве пространственно-временном и выразительном. Готика точно так же выражает собой средневековье, как Афины – рабовладение. Собор готики – такая же энциклопедия средневековых ценностей (знаний, нравственных, эстетических и даже утилитарных ценностей), как и греческий храм.

Если Шартрский собор – это лишь переход к зрелой готике, то ее зрелый период, ее неувядающее творение, высшую точку развития, представляет собор в Реймсе. Это – замечательный «лес», в котором еще вполне ощутим след конструкции. Какая необыкновенная гомеостатическая идея воплощена в нем: **Прекрасный Бог** (ни до, ни после этого нет в средневековье)! Какие скульптуры украшают его, напоминая отзвуки антики, – это живые, вполне светские люди. Витражные сочетания красного, синего, желтого (плюс черная свинцовая обводка переплета) – это цветовой строй классической Греции. Остроумное применение простых цветных стекол, но сдвоенных (красный + синий = лиловый и т.п.) дали необыкновенную интенсивность и разнообразие цвета (Сен-Шапель).

* * *

Интересно отметить, что в момент расцвета исторического цикла (а таковым для средневековья явились XII–XIII века) всегда можно обнаружить нечто важное, содержательно открывающее собой следующий *ментальный* формационный цикл.

Когда К. Ясперс зафиксировал момент разведения линий в мировом развитии в V-м веке до н.э. («осевое время истории»), то он обозначил *все ту же середину*, высшую точку, содержательно-формальный расцвет, для прошлого ментального цикла. Сделаем же обобщение применительно ко всем формационным циклам. Итак, в момент расцвета политеистической античности в мире появился ее ментальный «могильщик» в виде монотеизма (еврейский иудаизм и индийский буддизм). В момент расцвета средневековья появились **Роджер Бэкон** (1214–1292) и **Уильям Оккам** (ок. 1300–1349). Первый применял *физико-математические понятия в качестве инструмента* и, с его точки зрения, душа была единством формы и материи. Второй своей «бритвой Оккама» отсекает лаконичный рационализм Нового времени от многословной схоластики. От интроспекционизма и субъективного «внутреннего опыта» оба мыслителя шагнули к *объективному анализу мира*.

* * *

В XII-м веке Гуго Сен-Викторский считал, что *высшую красоту* (скорее прекрасное, где эстетическое неотделимо от этического) мог воспринять лишь интуитивный разум, а *красота низкого порядка* познается всеми чувствами человека. Видимо, так же считали и готические мастера, стремившиеся воздействовать и на интеллект, и на все органы чувств человека. Особенностью образной структуры готического собора, **содержащего совокупность ключевых ментальных представлений**, является своеобразное натяжение двух составляющих: сложнейший набор умозрительных построений реализован посредством вдохновенных чувственных (иногда даже экстатических) образов. Нужно сказать, что эти два начала очень умело связаны архитектурно-декоративной системой храма.

Конструкт образа храма имеет основой теологическую «сумму», содержащую универсум воззрений на мироздание и человека. В учении **Ульриха Страсбургского** зрительное восприятие (видение) понималось как результат единения внешнего взгляда и внутреннего «взора души». Выразить идеальный порядок прекрасного могла исключительно *геометрия*, способная к выражению абсолюта (которую часто приравнивали к архитектуре – и как науку, и как основу творческого метода «механических искусств»). В первую очередь она опиралась на систему первичных священных символических фигур – крест, круг, квадрат, а строители храмов пребывали в убеждении, что некое множество символических геометрических образов удерживает каркас мироздания. Геометрия (как и число) по сей день занимает это уникальное место между идеальными воззрениями и конкретной формой.

Как и должно быть, в архитектуре готического собора отображено само схоластическое мышление. После **Фомы Аквинского** (с его «Суммой богословия») структурирование достигло некоторой предельной высшей точки (и это была точка равновесия средневекового формационного менталитета). Скрупулезная логическая структурированность со строгой иерархией здесь получила завершённую классическую форму. Кстати, сам философ уравнивал в правах *чувства и интеллект* (функцией интеллекта в восприятии он считал «извлечение» духовного содержания из чувственных образов).

Отобразить универсум столь дифференцированно не брались еще нигде в истории: здесь отражена как священная иерархия и священная история человечества, так и иерархия земная и вечные циклы будничной греховной жизни. Кстати, таковы же средневековые восточные соборы, содержащие колоссальные священные повествования, но вместе с тем отображающие и поток земной жизни в ее самых характерных символических моментах. Создатели классических средневековых соборов выражали в них идеологию церкви и массовые воззрения на мир и не видели в этом особого противоречия. Собор готического периода стал также «суммой» не только теологической,

но и суммой представлений нескольких поколений людей, которые его возводили.

К концу XIII-го века это хрупкое равновесие нарушается – заметны *отход от умозрительности к чувственности* и ориентация на значение чувственного восприятия, что выразилось в букете воззрений схоластических учений и школ того времени. Расцвела немецкая скульптура, которая быстро прошла путь от схематизма (где одна деталь выступала за весь пейзаж) до яркой индивидуализации образов. В немецких храмах уже более важен интерьер, скупее экстерьер. В них больше экзальтированности и, как пишут, «влияния на скульптуру античных образцов», хотя вряд ли это так: просто мастера сами достигли уровня антиков. Наиболее сильно это проявилось в Магдебурге и Наумбурге. Здесь скульптуры – личности, перед нами – целая галерея *типов характеров эпохи*. Поздняя немецкая готика породит тоскливый натурализм деталей, манерность, дробность и холодную экзальтацию, наложенную на натуралистичность.

Пришедшая в XIV-м веке *поздняя готика* и разбушевавшаяся в XV-м веке *«пламенеющая готика»* ничего не оставят от этой свободы, легкости и естественности наподобие того, как эллинизм ничем не напоминает нам Парфенон. В XIV-м веке произошло превращение витража в живопись по стеклу, стал заметен мазок, исчезла сверкающая полихромия, различались не только отдельные школы, но и художники. Всего много, но витраж больше никогда не достигнет вершин классического периода и скоро приходит в упадок. Конец XV-го – начало XVI-го породит более скромные, однобашенные, храмы со шпилем и кирпичную готику. Наметился спад, в позднем периоде характерной стала «вибрация архитектурных форм» – из-за их дробности (Англия).

В этом плане уникален Миланский собор (как бы «застывший дождь», по А. Бурову), редкое исключение для Италии, которая почти вся романская. Именно потому, что в ней не было готики, Италия и становится центром Возрождения, сменившего взлет готики.

Европейская готика – это расцвет книги, теперь уже и светской: для мирян изготавливались часословы и псалтыри, а заказчиком выступала теперь не только церковь и феодалы, но и гильдии. С XV-го столетия появилась *гравюра*, оказав впоследствии огромное влияние на книгу: в массовом восприятии она заменит ручную миниатюру. В этот период появились светская литература и поэзия, театр (мистерия + фарс), изменилась и музыка (вместо унисона – многоголосие). В Европе возникли первые университеты – и она, наконец-то, достигает того светского состояния, которое Византия уже имела тысячелетие назад.

Если говорить об отличительных чертах культуры средневековья, то отметим прежде всего *интерес к духовности*, чего нет в античности. Духовное измерение самого человека осмысленно здесь, и развивалось это осмысление в соответствующем условном языке церковно-светского искусства. Нравственность с духовным измерением – вот что средневековье отполировало и оставило нам в качестве вечной загадки. К позднему средневековью можно отнести многие проявления искусства в таких странах, как Испания. Например, Эль Греко, с его экстатической вытянутостью фигур и символизмом цвета, во многом принадлежит средневековью, хотя живет в Толедо XVI-го века.

Достижения данного менталитета отражены в новом синтезе искусств (интересно, что это достаточно равновесное искусство, особенно в классический период: в нем вовсе нет той дурной мрачности, которая нам традиционно преподносится как средневековая), в новой архитектурной конструкции готики, которую средневековье осмыслило. Недостаток средневековья – тупой догматизм с опорой на авторитеты, он хоть и вечен, но там был особенно невыносим, так как имел особо воинственный характер.

Несомненное сходство готической и арабской архитектуры отмечено еще у Н.В. Гоголя. Вспомним, что само образование арабского Халифата и дороманского искусства происходит синхронно в VII-м веке. Эти две ветки

искусства, действительно, так похожи, что одно часто выводили из другого, а суть их – в единых корнях культур Средиземноморья и Передней Азии. Правда, в исламской архитектуре есть свои неповторимые особенности и как бы «обратность» некоторых приемов. Но это особый разговор.

Если подвести итог всему средневековью в целом, включая и Возрождение, то нужно отметить, что развитие Китая, Индии и Ближнего Востока *стабилизировалось на базе этой ментальной формации*. Впечатление такое, что они нашли здесь свой исторический идеал и дальше двигаться явно не собирались. Колебания в рамках одного и того же устойчивого менталитета во все последующее время ничуть не меняли структуры общества и его основных ментальных представлений. Таким образом, в разных частях мира мы видим как застывшую первобытность, так и застывшее средневековье – и с менталитетом, и с социальной структурой, и с экономикой. Но вот что удивительно: в мире нигде нет застывшей античности (ни в египетском, ни в греческом, ни в римском вариантах). На Западе из кризиса Возрождения и его логики родилось Новое время. На Востоке, где Возрождение тоже имело место, качественного сдвига не произошло, если не считать Японии. Но это тоже особая история.

3) *Субъектный этап, или ментальное пространство Возрождения*

Если в готике светское уравновесилось с церковным, то на этапе возрожденческого индивидуализма реальная власть стала полностью *светской* и перешла к торговым и банкирским домам, хотя и не в массовом масштабе, а очагами (итальянское Возрождение). Именно их *личные* и групповые символы власти (в форме строений) выдвинулись вперед – палаццо, усыпальницы, дворцы дождей и т.п. В принципе и абсолютизм – разновидность индивидуализма – породил схожие символические постройки: дворцы, загородные резиденции, схожие по функции с римской *виллой* и так же утопленные в огромных парках.

В странах с большой инертностью социальной структуры возрожденческая тенденция проявилась иначе – через яркое эмоциональное *интонирование* (Германия), отражающее ценность отдельно взятого субъекта. Если итальянское Возрождение и может обмануть своей кажущейся *отдельностью*, то голландское или немецкое – нет. Переход от готики к Возрождению в Германии не имеет зазоров и разрывов: новое в начале XVI-го века у мастера Тильмана Рименшнейдера (Ротенбург) – психологическая индивидуализация, то есть всего лишь обретенная «свобода интонирования» в том же, средневековом, менталитете. Новое у Ян ван Эйка – портреты, иллюзорная материальность, множество земных деталей, пейзажи, интерьеры. Почему же Возрождение так последовательно и упорно отрывают от средневековья? Объяснением может служить только сам факт упорного *отторжения средневековья в литературе Возрождения* («темные века», «тысячелетие мрака» по Рафаэлю).

Возрождение как бы подводит итоги Средневековья и ведет с ним диалог единственно возможным способом: как диалог античности и средневековья, ибо никакой иной противостоящей парадигмы у этого индивидуализма нет. Зато есть познанная свобода личности, с которой нужно что-то делать, она не может воплотиться в этой жизни, отсюда – единственное поле ее воплощения – искусство. Искусство Возрождения – поле синтеза разного, имманентно противоречивого, модельная возгонка индивидуализма. Находясь на месте Римской империи (третья фаза) в новом ментальном цикле формации средневековья, Возрождение направило свою энергию не на завоевания внешнего мира, а на искусство – в виртуальность. Хотя именно здесь и заложены идейные основы будущей колонизации всего остального мира. Отказ от единобожия был в принципе невозможен (средневековая структура и ментальность сохранится еще не один век), но элементы ментального *натурализма* включают идеи единства Бога и Натуры (природы, космоса), чтобы затем окраситься красками *пантеистических учений*.

Если говорить об изменениях, которыми сопровождался новый этап, то главное в нем – всяческие попытки заменить власть теократии на власть

светскую (причем с доминированием ценностей личных и элитарных). Это обусловило не только переход политического доминирования к городам (хозяйственный подъем городов и рост активности горожан), но и возвышение католических королей (абсолютизм), а также новая идеология Реформации, совершенно немислимая в классическом средневековье. На эту эпоху приходится как реальное овладение физическим пространством, так и переход к *светскому времени* – реальное овладение временем. Увеличение темпа жизни сказалось, в том числе, и на средствах транспорта, основными остаются водные, но теперь уже – в основном морские. Общая концепция *личности как высшей ценности в обществе* стала главной. Человек мыслился как частица мироздания, обладавшего *свойствами одушевленного организма*. Этот пансихизм имеет антропоморфный характер, и он необычайно важен для менталитета данного времени: мы увидим буквальное воплощение ментальной идеи в архитектурном пространстве.

Главной фигурой последнего периода становится активная и довольно меркантильная личность *бюргера*, который не столько противостоит основным сословиям феодального социума, сколько является носителем собственного экономического интереса и внекорпоративной морали. Век предпринимательства, предвестника капитализма, в котором товары, люди и информация стали двигаться значительно быстрее, вошел в историю *купеческим веком*, со своим особым хронотопом: купеческим временем и пространством.

Возрождение, как традиционно считается, стало возвратом к античности, но этот *возврат* был весьма необычным. Он произошел не в центрах готики, а на земле все той же Италии, где цвела поздняя античность, и лишь потом она получила незначительное распространение вовне. Нечто иное по смыслу и формам выражения являет нам Северное Возрождение, которое явно несет на себе позднесредневековый оттенок.

Итальянское Возрождение, Ренессанс, – это аристократическая и сугубо интеллигентская культура позднего средневековья; она расцвела в стране, где «средневековье» носило весьма странный характер – ни могучего роман-

ского, ни явного готического влияния в ней не было. Дробная и постоянно раздираемая на куски плодородная территория испытывала чьи-то влияния, но при этом скорее сама культурно влияла на завоевателей. В таких условиях города не полагаются на сильную централизованную власть и сами становятся властью. Влияние сильных и вольных торговых городов на политику в эпоху раздробленности ощущалось и в Германии, и на Руси. Концентрация силы и денег, более-менее устойчивая жизнь в городах породила потребность в самовыражении. Но главное: создавшиеся условия породили этого универсального купца-авантюриста, который по необходимости обладал многими разносторонними талантами. Одиночка-универсал, полагающийся только на самого себя, стал самым ярким героем этого времени. Выразить его образ могли лишь подобные же универсалы от искусства.

Античность была единственным источником для восстановления в правах *идеологии индивидуализма*. Но, по сути, Возрождение сконструировало *свою античность*, а вовсе не возродило бывшую в действительности, хотя и изучало ее памятники. В самой античности подобного *героя времени* не было: был гражданин полиса и был воин-политик Рима. Первый обладал универсальностью, но не циничной меркантильностью, второй – наоборот. В новом герое времени их пришлось скрестить.

Первые шаги Возрождения состояли в критике схоластики, догмы которой сковывали свободную личность, способную самостоятельно принимать решения. Культ загробной жизни, уже и в поздней готике не очень-то доминировавший, здесь сменился на культ жизни светской. Это сузило масштаб времени (ценна только эта жизнь) и пространства (ценен только мой дом). Подверглись пересмотру ключевые ментальные представления о целях бытия, судьбе, нравственности (добродетели), воле, разуме, чувствах и удовольствиях. *Чувственное познание* заменило собой схоластику, но в новой форме: так, по Бернардино Телезио, разум конструируется из чувственных впечатлений.

Все это, кстати, породило самую жестокую реакцию со стороны церкви: *расцвет инквизиции* в конце XV-го в совпадает с пиком Высокого Возрождения. В точном соответствии с *закономерностью конца* формационного цикла в Европе начинается охота на ведьм, расцветают демономания, сектанство, ереси, эзотерика и ведовство. В конце Возрождения был сожжен Джордано Бруно, причем причиной, как утверждают сегодня, стало его увлечение эзотерикой, очень характерное для интеллектуалов того времени (как и нашего).

Тем не менее, Возрождение по ментальности есть то же средневековье, поэтому его отношение к ментальному пространству не может кардинально отличаться от средневекового, и оно не отличается от него. Иерархическая конструкция мира теперь на втором плане, но она никуда не исчезла – Данте, этот «первый поэт Ренессанса», полностью и в законченной форме воспроизводит готическую систему вертикальной иерархии, доведя ее до абсолютной архитектоничности: в его «Божественной комедии», как в нумерологической системе, – все магические числа от 1 до 1000. Данте, кстати, развернул в своей «Божественной комедии» все ту же картину мира, которую нарисовал Псевдо-Дионисий Ареопагит в сочинении «О небесной иерархии», так что ментальные модели средневековья оказались необычайно устойчивыми.

Согласно христианскому мировоззрению, сущностью человека является бестелесная душа, познающая мир только через интроспективное самоуглубление. Возрождение осматривает мир с позиций своего новейшего прагматизма в *эмпирико-натуралистическом* ракурсе: никому не доверяющий, кроме себя и своих чувств. Возрожденческий *эмпиризм* опирается на идею познаваемости Природы (натуры, отсюда – *натурализм*) и на возможность ее деятельного подчинения себе. Между природой и человеком устанавливается подобие во всем – и сама природа предстает как организованное *пространственное тело*, изоморфное человеческому (*гуманизм*, от лат. *humanos* – «человек»). Эта жутковатая *телесность* хорошо просматривается у

Рабле, который явно восхищен телесностью человека и природы, и только его ирония выдает в нем литератора Возрождения. Героическая *телесность* обнаженной натуры победителя Давида и подчеркнута художественная эротичная телесность женских образов проступают и в неясных иносказаниях Джорджоне, и в пышных формах декольтированных тициановских дам. Даже планы возрожденческих городов отражают новые телесно-антропоморфные (космологические, а отсюда – символично-геометрические) представления. *Телесность бытия* станет скрытым лейтмотивом шекспировских произведений, замечательно точно отобразивших менталитет *позднего Возрождения*. Отношение к судьбе здесь новое лишь в одном – в интеллектуальной иронии, иллюзорно побеждающей бренность земного бытия. Она завершится для всего Возрождения монологом Гамлета, вдруг прозревшим обратную сторону телесности – пустоту небытия, и безвыходным «Страшным судом» Микеланджело, где груды мускулов больше ничего не значат перед ликом загробного судии.

Византийское возрождение того же времени полно огромных композиций с такой асимметрией, что мир в них как бы перекошен от ужаса перед концом, их кричащая эмоциональность прямо пересекается с итальянским маньеризмом.

Такое сужение времени и пространства в Возрождении приобретает жутковатый оттенок: по *ту сторону пространства* больше нет ничего, кроме устрашающей пустоты, средневековая уютная «скорлупа» отныне пробита меркантильными авантюристами, которые ради наживы готовы идти и за ее пределы. Утешение и воздаяние за гробом больше как бы и не предполагаются, а следовательно, «время есть наибольшая ценность» – и снова звучит римский призыв «бери!».

Однако эту эволюцию от дантовского иерархического пространства раннего Возрождения до пустоты потустороннего пространства позднего Возрождения еще только предстоит преодолеть. Стоит отметить, что в раннем Возрождении снова заметна приверженность к *центрическим построй-*

кам, как реальным (у Леонардо и Брунеллески), так и придуманным, как в картинах Рафаэля. Отношение к пространству требует всесторонней обзорности, телесной *отдельности* строения. Это объясняется также и особенностью художественного видения архаики: все архаики тяготеют к центричности (*к сконцентрированности* формы), а среди качеств архитектуры более всего ценятся четкость, простота замысла и ясность рационально осмысленной и художественно организованной формы.

Возрождение робко отходит от поздней готики – и символические плоские формы его картин ощутят *новое пространство* лишь с переоткрытием перспективы, светотени и падающих теней у Джотто и Мазаччо, волшебного «сфумато» Леонардо и «нонфинито» Микеланджело. Нам сейчас трудно понять, что материальный освещенный предмет, тело, снаружи освещенное светом (а не тело, из которого исходит свет), были приметами изобразительной революции. Средневековье спокойно использовало в живописи условную объемность и владело условным тоном. Но это был знаковый способ объемного изображения. Возрождение впервые после античности сконцентрировалось на реальном физическом мире. Интересно отметить, что знаменитое возрожденческое учение о линейной перспективе создавалось на базе античной оптики, которая исходила из представлений о зрительной пирамиде, образуемой лучами, идущими от глаза. Эта перспективная коробка пирамиды имела центром самого человека – «Я», в то время как средневековая «обратная перспектива» подразумевала «Мы». Таким образом, даже сама система новых формальных средств Возрождения – индивидуалистическая (объемность светотени и падающие тени вижу «я», и вижу «я» их в реальном физическом мире, а вот условность линий и цветов на плоскости + обратная перспектива принадлежит нам, т.е. «мы»). Центром интереса Ренессанса стала масляная станковая картина – уже полностью светская (и, кроме того, мобильная, ведь ее можно снять и продать).

Феномен итальянского Ренессанса в нашем представлении затмевает не менее значимый и столь же характерный синхронный феномен Палеологовского Возрождения. Византия XIV-го – первой половины XV-го века – маленькая и слабая империя, она живет параллельно Западу как своеобразный «запасной вариант» средневековой истории. В Возрождении устанавливается новая культурная связь Византии с Италией, и, по сути, античное наследие, так бережно хранившееся в Византии, возвращается на родину в виде текстов и образцов. Отметим некоторые характерные черты сходства, пронизывающие обе культуры, европейскую и византийскую.

Во-первых, возрождение интереса к античному наследию после перерыва в три века. Во-вторых, выход за жесткий иконографический канон, в результате чего в византийском искусстве расцвели *светские тенденции*. Произошло **обытовление священной истории** – в живописи Веронезе, в византийской церковной живописи появились *бытовые* темы и *подробности*, *проявилась жанровость в священных сюжетах*. Достаточно ощутимы и *фольклорные влияния*, что точно совпадает с тенденцией уже Северного Возрождения.

Есть и существенные отличия: византийская ветка культуры непрерывно развивалась на одной территории, поэтому эволюция ее философии и богословия приходит к **возрождению** ее же древнего учения о безмолвии (*исихия*). В борьбе исихистов с логистами побеждает *индивидуалистическая мистика*.

Подобно литературе европейского Возрождения, Византия также переживает свой *серебряный век*, в котором предметом интереса писателей выступает *внутренний мир личности*. Расцветает роман в стихах, в котором многие усматривают влияние западного рыцарского романа, но это всего лишь тот же, *синхронный, параллелизм*, не имеющий первоисточника.

Позднюю византийскую эстетику прославит теория *о природе фаворского света*. Эта эстетика впервые *рассматривает икону как драгоценное*

произведение искусства, то есть как тело, *телесно*, а сакральный смысл ее уже мало что значит. Это абсолютно то же самое, что живопись итальянского Возрождения на библейские темы в ренессансных одеждах и среде, с той лишь разницей, что византийские художники не выходят из канона иконописи.

В живописных византийских композициях появляются *архитектура и пейзаж*, особенно пейзаж, которого не знает средневековая живопись, пейзаж так же неповторим, как и настроение. Они точно соответствуют принципу неповторимости мгновения, ренессансному *натурализму* и принципу жизни "**здесь и сейчас**". *Психологизация* пронизывает искусство: расцветает *субъектное интонирование* – и цветовая палитра становится проводником эмоционального состояния художника. Впервые делается эстетический анализ композиций, производится **изучение гармонии цвета**. Вообще в это время вырабатывается *как таковое понятие о композиции*: как соединение разнообразия **в целое** – **именно это мы увидим** у итальянских теоретиков композиции.

* * *

Вернемся к Ренессансу. Античность явно является только поводом для самостоятельных поисков гуманистов. Тем не менее, среди них есть такие, которые изучали и трактовали именно *античность* (Виньола, Палладио, Серлио, Скамоцци), в то время как Вазари дал жизнеописание *современных* мастеров (ценность жизни "здесь и сейчас" равна античности), задавая канон раннего искусствознания.

В ракурсе, который интересует нас здесь, в выражении ментального пространства в искусстве, особенно в архитектуре, можно выделить трех ключевых авторов – практикующих теоретиков и разносторонних универсалов: это – Альберти, Леонардо и Брунеллески.

Эмпиризм и прагматизм Возрождения (культ активной деятельности, приносящей пользу себе и людям) держались на убеждении, что художник (творец-практик) скорее преобразует мир, чем философ. Но теории тоже от-

давалось должное, правда, эта теория так же далека от нашего понимания, как чувственное познание – от рационального. Именно *искусство – инструмент познания* – так считали Альберти, Леонардо и Дюрер. По их убеждению, тайны красоты скрыты в природе и могут быть раскрыты в результате ее исследования, причем через искусство и науку одновременно. Такой тип синкретизма (единство рационального и иррационального) часто путают с древнегреческим, на самом деле он *обратный греческому* по акцентам.

По Альберти, здание (**художественный организм**) есть как бы живое существо, создавая которое следует подражать природе. Заметим, что недавно процветавшее в пространственных искусствах течение «бионики» исходило из близкой предпосылки, но имело дело все больше с конструкциями растений (растительные аналогии инженерного типа), в то время как Альберти имел в виду животных и человека (сходство произведений архитектуры с животными и людьми) и исходил из гораздо более сложных посылок. Основываясь на телесно-органической аналогии, он ввел своеобразный критерий, удерживающий **целостность** художественного организма. Эта целостность *тела* должна быть такова, чтобы, взяв любую часть, можно было по ней с точностью измерить все прочие (восстановив ее скелет, как Кювье, – из одной кости).

Столь своеобразная натуральная концепция композиционно проявила себя как **закон упорядоченности**. Этот закон есть в самой Nature (отчего и следует изучать природу в первую очередь) – ему зодчий должен следовать в своих строениях, организуя жизнь архитектурой. Количественное соотношение частей и целого составляет предмет **пропорционирования**. Под «человеческим телом» Альберти, вообще-то, подразумевал **канон**, объединяющий в мере (количестве и качестве) целое и его части, в результате чего и может возникнуть **совершенная** целостная форма. Канон, основанный на **золотой пропорции**, присущ человеку так же, как и Природе, что и подтверждает вся современная наука. Удивительная глубина изоморфизма и инвариантности,

обнаруживающая себя в методах исследования и творения, по сути, является средневековой, но Возрождение впервые осмысляет и фиксирует ее.

Порядок, даже установленный по канонам природы, не абсолютен: он всегда дополняется сложным и хаотичным миром людей (отчего в творчестве всегда есть синтез детерминированности и свободы). Данное противоречие можно разрешить с помощью разумной **меры** (гармонии, равновесия души и тела в человеке и его творениях).

Для нас представляет несомненный интерес учение Альберти о шести основных элементах зодчества, ибо в нем отражено уже достаточно *дифференцированное отношение к пространству*, которое получит развитие в учениях Нового времени о геополитике. Прежде всего, архитектура для Альберти явление социальное. Более того, он понимает ее как язык, как ораторскую трибуну, с которой художник может говорить с обществом и воздействовать на него, ведь архитектура имеет «внушающую силу». Далее, в качестве детерминант, выступают климатические и географические особенности пространства, а также его социально-исторические аспекты. Здесь мы подходим к очень важному для Ренессанса понятию «гений места» (*genius loci*), что иногда трактуют как *душа или дух местности*. Подобный культурно-исторический взгляд фиксирует многослойность общественного сознания и его геокультурную запечатленность. Причем у Альберти речь идет о «большом доме», не важно, в границах здания, города или государства ведется рассуждение. Этот «дом» аналогичен кольцам древнейшего «своего» пространства.

Альберти последовательно переводит совокупность детерминант **в набор принципов организации пространства и композиционных средств**. Следует сразу сказать, что это необычный, с нашей, современной, точки зрения, подход к композиции, потому что в его основании лежит аналогия с *живым* телом. Например, среди основных у Альберти выделяется понятие «достоинства» (*dignitas*), которое выражается в «**непроизвольной мимике самой жизни**»; разными признаками достоинства обладают храм и вилла.

Здесь мало суммирования совокупности формальных признаков, перед нами скорее *физиогномика пространства*. Он раскрывает «**внушающую силу**» архитектурного произведения или комплекса через понятия *замкнутости и открытости пространства*, и такие его свойства, как способность *манить, привлекать, удерживать* внимание человека, и, наоборот, такие, как отторгать его от себя.

При всем том, что Альберти подробно описывает особенности композиции основных городских строений, средоточие его *гуманистических* воззрений на организацию пространства – это образ **виллы**, скорее загородного, чем сельского жилища. В то время как храм выражает идею вечности и строится на строгих линиях «архитектурной геометрии» и соответствующих пропорциях, вилла несет идею быстротекущего времени и содержит возможность разнообразия наслаждений, поэтому в формах загородного жилища доминирует *свободная линия* и строгость пропорций не имеет решающего значения. Пространство виллы, «ушедшей в себя», открытое, поскольку она есть отдельность, в городе жилище, наоборот, закрытое, поскольку оно есть часть города.

Леонардо да Винчи, живший несколько позже Альберти, был последователем его идей. Он искал *связь между движениями души и тела* (средневековая *душа* и ренессансное *тело*), причем в телесности только зрение он признавал самым точным из ощущений: **глаз** – «**окно души**». Леонардо базировался на убеждении, что тело человека представляет собой «инструмент» – определенным положениям тела и мимике лица соответствуют определенные *состояния* души (кстати, изучением *состояний* в тот же самый момент истории была озабочена и византийская эстетика). Отсюда – его нормативные указания для художников, не утратившие значения и до наших дней. Познавая мир посредством искусства, Леонардо создал галерею разнообразных типажей и оставил точные указания об изображении людей в различных эмоциональных состояниях. Он здесь вроде бы поступил как увлеченный любитель бабочек, нанизывающий их на иголки ради науки, хотя на самом деле

все гораздо серьезней: Леонардо использовал свои аналитические коллекции для художественного синтеза. Изучая строение человеческого тела как медик-анатом, он искал причину «четырех всеобщих человеческих состояний» (радости, плача, распри и физического, трудового, усилия). Несомненно, данная четверка имеет отношение к хорошо известной нам типологической четверке античности и средневековья, теории *четырёх жидкостей* средневековой медицины. Таким образом, в его деятельности синтезировались теоретические обобщения, чувственное познание и художественная практика как неразделимые компоненты творчества. Леонардо считал живопись наукой, способствующей получению нового знания, а справедливыми – лишь теоретические положения, прошедшие через опыт чувств. Этот сплав знания – чувственности только и пригоден для создания нового художественного образа, архитектурного произведения или, в целом, среды для человеческой жизни и деятельности. Он и его время явно предпочитают синтез анализу.

Если обратиться к архитектуре, то стоит отметить: Леонардо, не просто сравнивал архитектора с врачом, он сам органически понимал пространственное тело космоса как тело архитектурного = пластического = живописного организма. В наш век дифференциации весьма трудно понять, что для художника Возрождения, «в чем выразить», не было проблемой именно в силу применения к произведениям искусства единого подхода. Если здание, скульптура, картина и человеческое тело есть одно и то же, то изучая человеческое тело, устройство и способы его лечения, мы углубляем и расширяем знания о нем, в том числе и об архитектуре, а следовательно, вполне можем «врачевать пространством».

Всеобщим экраном для сведения всеобщих закономерностей выступает только математика, в частности – геометрия. Когда Леонардо говорит, что *хорошему живописцу нужна математика*, он исходит из понятия о «божественных пропорциях» всего сущего, об оптимальном соотношении целого и частей. Его целостность телесно-вещественная, а не формально-композиционная.

Как картину, так и здание или город необходимо организовать и направить взгляд воспринимающих их к нужному впечатлению и цели. *Упорядоченность* выстраивается системой акцентов. Например, самые значимые здания в городе должны быть наилучшим образом репрезентированы, со всех сторон их должно окружать пространство. Эта художественная *отдельность тела в пространстве* с умелой режиссурой отработана Леонардо в проектировании и проведении грандиозных праздников, где требовалось как раз режиссерское умение.

Он мечтал о чистом пространстве, в котором царит прекрасный и одинокий храм – воплощенная отдельность телесности, гармоничная, как сам космос. Но вместе с тем Леонардо – творец эпохи индивидуализма, и его точно так же привлекала идея *отдельного жилища* на лоне природы. Он считал, что достойно людей обитать в просторной зеленой местности, с водоемом или рекой (и непременно – с прозрачной водой). Но идеал зелени и воды вовсе не тот, которым грезят наши экологи и «зеленые»: это – часть **антропоморфно и телесно понимаемой природы**: вода представляется ему кровью *живой Земли*. Роль воды в созданных Леонардо образах очень существенная: в большинстве его картин есть эта живая стихия, а в городе, по его мнению, следует устраивать как можно больше водоемов, каналов, ручьев и т.п. Сам человек в подобной картине мира выступает частью природного организма: целостно и неразрывно связан он с природой естественной и второй, сотворенной им самим, – здесь он тоже органическая часть, потому что город, по Леонардо, *макрокосм*, с которым слит *микрокосм* жизни человека.

Филипп Брунеллески отразил этот новый тип мировоззрения, и его телесное понимание природы, и *видение* ренессансного пространства. Его поиски выразительного зрительного образа сооружения в городском пространстве основывались на идеях Альберти и Леонардо. Красота пропорций и зрительная целостность самих его строений уже содержат эту новую концепцию пространства.

Он стоял на плечах гигантов.

1.1.4. Эволюция ментального пространства в Новом времени

Двойные тенденции XVII-го века и вопрос о доминировании

Прежде всего нужно указать на историческую уникальность XVII-го века. Как чаще всего пишут историки, в этом веке сосуществуют, а кое-где и сталкиваются две силы: феодализм (абсолютизм) и капитализм (третье сословие). Но нас больше интересует *структура менталитета*, которая в этом веке явно *двухслойная*. Эти слои старого менталитета и менталитета нового вначале точно пространственно локализованы, но вскоре наступит момент их удивительной интеграции в следующем веке (в истории подобный синтез происходит не впервые).

Если внимательно присмотреться к тенденциям искусства конца XVI-го – начала XVII-го веков, мы обнаружим вполне отчетливые признаки начинающегося ментального перехода. И вот здесь, на этом насыщенном стилями, именами и памятниками отрезке истории искусств, впервые встает вопрос об **историческом ментальном доминировании**. Что здесь принадлежит прошлому и почему, что – будущему, в литературе по истории искусств мы ответа не найдем, ибо речь, как правило, идет о данности (как было) и о тех или иных косвенных причинах этой данности. Мы же попробуем расставить акценты и указать на причины.

Старая линия разряжается экстагическим взрывом итальянского и более позднего испанского и фламандского *барокко* (характерно, что период с XIV-го по XVII-й века иногда объединяют в целое и называют “Великим веком” искусства), а новая линия более многообразна и ясно выражается как во французской нормативной эстетике, в геометризме Версаля и регулярных парков, так и в итальянском градостроительстве, с его трехлучевой структурой, а также в новом голландском бюргерском искусстве.

Феномен стиля барокко в трех исторических масштабах

Наступает контрреформация. Возрожденческие лозунги теперь совершенно неприемлемы в абсолютных монархиях Франции и Испании (в Испании это приобретет патологически тяжелую форму). М. Монтень недаром говорит о качелях, устойчивость для него – частный случай траектории этих неуютных качелей. Отсюда – ценность мгновенного (только оно и есть истинное). А раз так, то и центральность человека – под сомнением, и возникает идея множественности миров. И незачем больше заниматься этим самым человеком – займемся лучше средой! Подобные лозунги в искусстве барокко реализованы до буквальности: крохотные и второстепенные фигурки людей на картинах барокко никакой ценности уже не представляют.

В раздробленных Италии и Германии люди особенно остро почувствовали неустойчивую временность, преходящесть, изменчивость всего земного. Даже в основу комплекса научных идей в Италии была положена идея *изменчивости и подвижности* всего, выдвинутая Галилео Галилеем (который, кстати, родился в один год с Шекспиром), аналогичная развитой во Франции Монтенем. Зададимся вопросом: “Какой же менталитет отразили Шекспир и Сервантес, Рабле и Лопе де Вега?” – и получим ответ, он один: менталитет – позднееренессансный, то есть бароккальный. Поскольку это – конец средневековья и Возрождения, то достигнутая здесь степень сложности формы и острота выразительности для литературы будут недостижимыми вплоть до конца прошлого века (конца следующего ментального цикла).

По поводу термина “барокко” достоверных данных нет. **Стиль барокко в Италии** продолжает логику “Великого века” искусства, который я считаю характерным примером 300-летнего цикла (XIV-XVI века). Без теории трехсотлетнего цикла данный феномен не имеет единого объяснения (в то время как его характерные признаки просто-таки кричат). Так же, как сам *Ренессанс есть итог всего Средневековья*, итальянское барокко есть *итог Ренессанса*, его декоративная, формальная фаза – отсюда и болонский академизм, и безмерная пышность выражения этого стиля.

Чтобы описать ментальную специфику барокко, нужно сначала определить его *место в крупном масштабе истории*. Ментальная формация средневековья имеет три фазы с характерными доминантами:

1. Трагическое. Доминирование архитектуры. Византия и раннее романское искусство.
2. Прекрасное. Доминанта пластики. Романское искусство и готика.
3. Низменное. Доминирование живописности и декоративности. Возрождение и барокко.

Теперь *уменьшим масштаб* и рассмотрим отдельно в развитии его последнюю фазу – Возрождение с продолжениями.

В раннем Возрождении станковая живопись только становится на ноги. В середине XIV-го века мы видим отчетливую смесь позднесредневековых (готических) тенденций с новыми ренессансными. Замечательно наивные фрески Пьеро делла Франческа напоминают учебные работы современного студента по освоению светотени и компоновке фигур, а мысли первых гуманистов похожи на ходульные декларации. В середине XIV-го века обнаруживаем отчетливую смесь позднесредневековых (готических) тенденций с новыми ренессансными. В Высоком Возрождении – полный расцвет живописной формы во множестве региональных школ и в творчестве плеяды гениев, а также полный расцвет телесно отображенных человека и космоса. В зрелом Ренессансе возникают **равновесные тенденции**, создающие **гармонию**: и статику и динамику, и симметрию и асимметрию, но главное – выражение величавости и сдержанности. Мрачность позднего Возрождения, с его страхом физической смерти, не закрывает этот мир индивидуализма навсегда, но выплескивается в безудержность бароккальной декоративности. Позднего Микеланджело иногда называют первым художником барокко, и это правда. В менталитете барокко главенствует лозунг “все преходяще” и принимаются как должное безудержный цинизм Макиавелли, эротический эпатаж Казановы и жутковатые развлечения маркиза де Сада.

Утверждая, что барокко – последняя фаза трехсотлетнего “Великого века”, мы можем проследить его отличительные черты. Поскольку искусству нужно отразить *изменчивость и движение*, оно и применяло в качестве выразительных средств *динамику, асимметрию, спиральность, декоративность, композиционную перегруженность*. В наборе этого стиля – взвихренность, экстатичность, усиленная экспрессия, в приемах – патетика, гипербolicность, аффективность и некоторая намеренная *дисгармоничность*. И главная новая черта – ансамблевость, *охватывающая всю среду*. В целом данный стиль тяготеет к грандиозности, иллюзорности эффектов, а его ментальность – это мистика, фантастичность, иррациональность (излюбленные темы искусства барокко – чудеса и мученики, где всякого рода “экстазы” несут в себе характерную двусмысленность). Здесь как никогда хорошо видно, что художник беспредельно зависим от ментальности своего времени (и от степени свободы своего топического *места*) и не может за нее выйти, не выпадая из резонанса со временем и обществом.

Мы найдем в барокко не просто доминирование смеси живописи и декоративно-прикладного искусства, а постепенный переход к *небывалому доминированию декоративности во всей среде*, проявившемуся даже в отношении архитектуры. Барокко не только живописный век: здесь *сама живопись переходит в декорацию*, этот век легко трансформируется в последующий век “великих декораторов” (от Креспи – к Тьеполо, Каналлето, Маньяско, Гварди, Каррьера и к прочим венецианцам “итальянского рококо”). В их творчестве происходит всеобщий эклектический синтез: вслушайтесь в их декларации – соединить рисунок Микеланджело и цвет Тициана, а в результате – соединить все со всем. Это и есть лозунг всех эклектик. Скажем главное: форма в барокко становится настолько текучей, что грань между пластическими искусствами размывается, – и мы получаем “жив-скульп-арх” произведения. Бернини гордится умением превращать мрамор в пар, а складки на его скульптурах сделаны из вполне конкретной ткани. Барокко – это не просто вибрирующая форма, это некая единая вибрирующая художественная

субстанция релятивизма. Ничего подобного мир еще не видел и снова увидит лишь в позднем модерне – у Гауди. Там же, в модерне Гауди, снова возродятся и спиральные формы, и *овалы*, и криволинейные стены, и *единство субстанции*. Кстати, стиль барокко, как и стиль модерн, имеет множество общих черт, например тяготение к стилистическому единству всей среды; и тот, и другой стили ярко высвечивают национальные особенности, имеют множество очагов и несхожих проявлений и при этом не имеют единого центра. Таким образом, стиль модерн занимает в XIX-м веке то же место, какое в самом конце средневековья заняло барокко (по множеству признаков, которые мы будем анализировать значительно подробнее). И далее: как у барокко была своя “сухая ветка” в виде рококо, так и у модерна есть его “сухая ветка” – стиль арт-деко.

Уменьшим масштаб еще на один уровень. В итальянском барокко, длившемся около века, искусствоведы вычленяют три фазы: раннее барокко, зрелое барокко, декоративное барокко (в нашей терминологии это фиксируется делением столетнего цикла на архаическую, классическую и декадентскую фазы). *Раннее барокко* – это искусство 1620-30-х годов, где идет формирование стиля. Для этого отрезка, как пишут искусствоведы, характерны идеализация и патетика. Гверчино, Пьетро ди Кортоне, Луки Джордано, такие станковисты, как Бернардо Строцци, такие колористы, как Доменико Фети, подготовили *зрелое барокко* (со середины 50-х до начала 70-х). Классический период – это прежде всего Бернини и Сальватор Роза, мрачный и “романтический”. Черты его – иллюзорность, театральность, парадность, “архитектурная живописность”. Наступившее вскоре *декоративное барокко* (“романтизм” пейзажей Александра Маньяско) характеризуется перегруженностью, иллюзионизмом, холодностью, риторичностью, ложным пафосом, в нем большое значение приобретают сложные ракурсы, а движения становятся ускоренными и вычурными. В последней трети века декоративность достигает вычурности, а *перспективный иллюзионизм* уничтожает стену. Осо-

бенно прославились монументальная и станковая живопись (плафоны) Джузеппе Креспи.

Разрыв между верхами и низами увеличивается настолько, что готической “суммы” больше нет даже в воспоминаниях. Барокко целиком аристократическое явление (включая сюда и церковную верхушку), в то время как классическое Возрождение имело все-таки *городскую* суть (картины Леонардо в восторге носила по городу толпа). Здесь об этом нет уже и воспоминания, хотя римские фонтаны, соборы с их площадями, церкви и т.д. сначала вроде были предназначены для всех, но потом все это стало парадно-дворцовым искусством. После контрреформации был достигнут некий возможный предел пышности церковной папской власти, которая соперничала со светской и местами превзошла ее. Католическая столица переодевалась в стиль барокко, ослепляющий декоративным богатством разнообразных материалов. Не забывают в этом веке и о мертвых – надгробия достигают такой же пышности, как и дворцы живых.

* * *

Если стиль итальянского барокко живет под знаком позднего Ренессанса (с его формальной перегруженностью, экстатичностью, пышностью и прочими признаками окончания исторического цикла), то итальянское градостроительство (“мы”) содержит несколько иные черты.

В Риме строятся *прямые* улицы и применяется новый план с использованием “системы трех лучей” (отчетливое выражение *центризма*, монизма, абсолютной *власти центра*). Города украшаются геометрическими обелисками (египетский прообраз) и фонтанами, о которых так мечтал Леонардо (они, кстати, носили в том числе и гигиенический характер и были частью новой рациональной системы водоснабжения). Но эти прямолинейные улицы, с архитектурными или скульптурными акцентами в начале и в конце их (obelisks и фонтаны в точках схода), рассчитаны прежде всего на **театральный эффект**. Любимец того времени – придворный художник папского престола **Бернини** – создает фонтан Тритона, фонтаны Четырех рек и Мавра, а

также статую Давида, поражающую как своей *спиральностью*, так и подчеркнутым плебейством трактовки. Витые спиральные колонны станут со временем символом барокко.

На базе возрожденческого палаццо появляются *наслоения декора*. Внимание в этих новых постройках сосредоточено *на внутреннем дворе и дворцовом саде*. Расцветает строительство вилл и садов-парков, которые театрально ставятся на крутом рельефе. В зрелом барокко выстраиваются фасады и снаружи, и от парка, а также курдонер (почетный двор) – боковые крылья здания выдвигаются и обхватывают внутреннее пространство. Для овальной площади у собора святого Петра впервые применяют четыре ряда колонн, образующих незамкнутый круг, “подобный распростертым объятиям”.

Основное внимание архитектор барокко обращает на живописность фасада, с **чередованием выгнутых и вогнутых поверхностей**, и на включение в архитектуру статуй, рельефов, лестниц и т.д. В барокко иногда невозможно разделить скульптора и архитектора, но оба они декораторы. В церквях повсеместно начинают применяться цветной мрамор, лепнина и позолота. Иллюзионизм живописи стремится вывести ее в ирреальность, достигая **расширения в беспредельность**. Иллюзионизм – это игры с пространством, стремящиеся продемонстрировать власть над ним. Появляется очень эффектный звездчатый купол. Одновременно замечен и переход на все более разнообразные цветофактурности, применение в том числе **временных, не вечных материалов** – расцветает лепнина (ее дешевизну потом так полюбит сталинская архитектура). Такова же тенденция и в скульптуре барокко – иллюзорная передача фактуры предметов, сочетания материалов по фактуре и цвету. Ее тоже пронизывает характерная *театральность*, с хорошо поставленными мизансценами экстазов. Таков же и парадный, театрализованный живописный портрет, вершин в котором достигнут Рубенс и Ван Дейк.

Присмотримся к раннему барокко, ибо в нем немало поучительного. В 1610-м заявляет о себе Караваджо, гений светового контраста. Противостояние его нарочитой грубоватости направлено против так называемого *болонского классицизма* (гораздо точнее – академизма). Болонский академизм братьев Каррачи – это “Академия направленных на истинный путь”, где считалось, что натура несовершенна, – и ее надо облагородить в соответствии с новыми эстетическими нормами. Нормы понятны по росписям галереи Фарнезе, сюжетом которых стали “Метаморфозы” Овидия. Патетика и пустой пафос плюс так называемый “*героический пейзаж*”, который “причесал” даже природу. Композиции построены кулисами в глубину, грандиозные руины и героическая природа здесь *куда важнее маленьких фигурок людей* – они стаффаж для величия этой природы. Характерный колорит с темными тенями, локальными цветами (расположенными по академической схеме) и скользящим по объемам светом отдают истинно академической засушенностью. Оправданием этих академиков служит лишь то, что картины подобного рода прекрасно вписывались в бароккальный интерьер, для которого и были предназначены.

Микеланджело Меризи – **Караваджо** – полагал, что источник искусства следует искать в действительности и использовать для этого метод скорее антиакадемический. Но его реализм еще не имеет ничего общего с самим течением реализма в искусстве и аналогичным историческим стилем. Принадлежность Караваджо к менталитету прошлого выдает характерный набор его героев: кроме традиционных библейских шуты, Вакх и его окружение, гадалки, картежники, шулеры, музыканты, дамы легкого поведения и прочая веселая публика. Современная одежда, и обстановка, и некоторый **натурализм** деталей внесены им в традиционно религиозные сюжеты, он трактует их как *жизненно достоверные, то есть натуралистично*. Его апостол – это крестьянин, занятый непривычным для него чтением. Но сама по себе тенденция намеренной простолюдинности, плотности и т.п. не принадлежит архаике нового искусства. Как ни странно, она свойственна тому устойчивому

букету тенденций, который мы обнаружим в конце любого ментального цикла.

Его аналоги в конце XIX-го века – французский фовизм (Матисс и др.), а его широкие плоскости и контрастные тональные пятна (у Караваджо есть “Евангелист Матфей с ангелом”, где краска лежит такими же широкими плоскостями) встречаются у таможенника Руссо, с его утрированным примитивом, а также у Сезанна, с его тяжелой материальностью.

Если же обратиться к русскому искусству того периода (конец XIX-го века), наиболее характерному для него, то перед нами предстанет целый веер бесспорных аналогий: это и уход от цивилизации в мечту, в мистику, в деревню от города (от лирического пейзажа до воспевания деструктивности), в эротику, в некрофильство, в поэзию руин и развалин и т.д. и т.п. Это есть не только в академизме и караваджизме, но и во всем “галантном веке”, в барокко как стиле (с его продолжениями).

Категория *яркого света*, как бы задающая внутренний драматизм, приводит к использованию мощного контраста темного и светлого. Световые акценты необходимы Караваджо для *обострения материальности* изображаемого нарочито грубого мира (хотя в конце пути он достигнет монументальной простоты, контрастов у него станет меньше, зато больше – воздуха и нюансов). Он – Рабле живописи, но, в отличие от Рабле, от его гротеска, осталась лишь впечатляющая световая форма – набор его смыслов нам уже неясен. Аналогичные тенденции (свет и обобщенность), темы (четвертый разряд третьего сословия) и приемы мы видим и во французской живописи в первой трети века (Ж. де Ла Тур, Л. Ленен).

Если развить данную мысль, то придем к выводу, что Караваджо есть историческое завершение средневековья в виде *антитезы его началу*. Возникло это искусство с идеи *внутреннего света* (духовности) и вторичности внешнего, видимого света. Караваджо акцентирует все наоборот: яркость и контрастность *внешнего* дают ему возможность рассматривать в этом ярком физическом свете натуралистичные детали реального мира. Если персонажи

раннего средневековья – бестелесные герои и мученики новой веры, то персонажи Караваджо или сброд, отребье человеческое, или вывернутые наизнанку библейские персонажи, лишенные внутреннего света, так, мужичье, волею судеб призванное в библейскую историю.

Как ни смешно, но в 20-30-е годы происходит слияние академизма и караваджизма, ведь барокко – это эклектика, пропускающая через свою мясорубку все.

Конец века и начало следующего, когда Италия попадает под власть Австрии (а была под властью Испании), – это упадок барокко.

Новый менталитет и его ранний рационализм

В этом переходном веке, с острыми противоречиями средневекового и нового, мы обнаруживаем столкновение двух типов менталитета в политике и экономике, науке и искусстве и постепенное вытеснение старого. Поздний релятивизм исторически соседствует с английской и нидерландской субстанциональностью, и это важно: **субстанциональность** есть несомненный **признак нового менталитета**, релятивизм же стал выражением предельной фазы старого. Вот почему категории движения и развития получают продолжение не в ранней, а в поздней философии рационализма и в менталите в целом. Линия движения от Ньютона к Эйнштейну полностью выражает пространственную эволюцию в менталитете Нового времени.

Ньютоновское идеальное пространство претерпело последнюю модификацию в **принципе относительности**: в эйнштейновской физике оно стало **функцией** движения материи. “Эйнштейн опрокинул представление ньютоновской механики о пространстве как абсолюте, независимом от положения и движения в нем физических тел. Даже масса, как он открыл, текуча и переходит в энергию. Казавшаяся прежде незыблемой, раз навсегда данной, форма растопилась. Пространство осознавалось как непрерывная функциональная зависимость. Такое осознание исходило не только из научного интереса, а было, по признанию самого Эйнштейна, скорее “этическим порывом”.

И поэтому, видимо, Эйнштейн своим предвестником называл не ученого, а писателя Достоевского”. Последнее замечание здесь имеет глубокий смысл. Достоевский делает шаг к Универсуму, и *причастность* в его философии любого малейшего события в жизни самых незначительных людей Божественному Универсуму есть иное, более высокое по степени интеграции, отношение к пространству вообще. В нем появляется Человек. Только в этом новом пластичном пространстве стали возможны художники, подобные Гауди. Таким образом, совпадение ментальных фаз в барокко (последняя фаза средневекового менталитета) и в модерне (последняя фаза ментальности Нового времени) породили и одинаковое отношение к пространству, и одинаковые формы выражения. В то же время есть и продвижение вперед: модерн стилистически сложнее барокко, его образный строй еще более плотный, его техническая база еще богаче по возможностям. Накопление в подобных стилях происходит исторически дискретно, квантами. И еще одно: барокко завершает собой ветку “Мы-формации”, поэтому в нем строятся дворцы и церкви, а вот модерн – ветку ”Я-формации”, поэтому он все больше специализируется на особняках (все та же римская вилла). После него начинается новый виток “Мы-формации”. “Насколько радикальна перемена в восприятии пространства, видно, если сопоставить пространственные модели города эпохи раннего капитализма с моделями нынешнего времени. Скамоцци предлагал идеальную структуру города как материально-производственного организма. Современные градостроители стремятся конструировать *образования общественные*, проектируют форму общения. Локальные, отлитые в четкую, но частную форму материально-практические нужды и отношения сменяются *универсальными отношениями*, в которых телесное бытие неотделимо от бытия духовного... Наибольшей культурной ценностью обладает сегодня такое решение конфликта, когда за основу принимается *универсум существования общественного человека*, функцией которого мыслится пространство, а вещь и ее форма существуют лишь как его элементы” (там же). В этой цитате мы выделили курсивом характерные признаки, которые говорят сами за себя.

Но вернемся к началу Нового времени. С начала XVII-го века в Европе происходит смена формационного менталитета, породившая коренной перелом во всех областях человеческой деятельности. Итальянский гуманизм выработал представление о ценности и свободе личности (“человек творит свою судьбу”), которое было рассчитано на свободных горожан в их цветущих богатых городах. Развитие капитализма вело к новому осмыслению мира, эмпирическому и прагматическому: миру индивидуалистов нужны были только однозначные ответы на все вопросы, а отнюдь не качели Монтеня.

Новое время породило принципиально иную концепцию пространства, которая опиралась уже исключительно на силу *разума* и опыт. Здесь вообще впервые появляется *пространство как научное понятие*: бывший хаос и пугающая возрожденческая пустота стали пространством, и это пространство, по Лессингу, понимается как *вместилище тел* (а время – как вместилище событий). Пространство стало *универсальной формой* (форма форм). Произошло разделение тела и пространства. Универсум в измерениях пространства и времени приобрел свойство абстрактной бесконечности. Конечно же, одной из основных причин стало скачкообразное изменение темпа жизни цивилизации и расширение освоенного пространства до естественных пределов *всей Земли*.

Абсолютизм, как средневековая форма управления государством, не мог не препятствовать интересам пассионарной буржуазии, что и привело к серии революций. Лидеры исторического процесса – Голландия и Англия – первыми выходят на новые формы общественного устройства. Установление буржуазной республики в Голландии, сильной вначале, а затем пришедшей в упадок, стало репетицией чистой республиканской формы. Англия превратилась в Великобританию, со смешанным (гибридным) строем, доказавшим свою живучесть (данная форма управления есть и сегодня). Вывод, который из этого можно сделать, состоит в том, что гибридные формы управления обществом более живучи на переходах (здесь Британия повторила историче-

ский путь разделившейся Римской империи – византийской гибридной ветки, причем именно ее периферийная колония стала затем лидером исторического процесса).

Во всех развитых странах *в менталитете* наметилась тенденция отхода от ментальности средневековья, отсюда – смешанная картина нового в старом и старого в новом. Началась эпоха великих путешествий, поразительных открытий и потрясающих изобретений.

Основой стал **рационализм**, а за ведущий принцип познания был принят *механистический детерминизм*. Средневековый схоластический *антиэмпиризм* (с его опорой на авторитеты) сдерживал развитие науки, теперь наука ставит во главу угла только эксперимент (культ опыта). Но для проведения экспериментов естествоиспытатели должны были получить новые орудия, в корне меняющие *масштаб видения мира*, – и, соответственно этой потребности, появляются подзорная труба Липпершея, телескоп Кепплера и микроскоп Левенгука. Пространство тем самым раздвинулось вдаль, ввысь, вглубь. Появились новые, объективные, меры пространства и такие приборы для измерения параметров физического мира, как термометр Галилея и барометр Торичелли.

В 1675 году в Голландии умер Вермеер (иногда – “Вермер”). Как показали современные французские исследования, он применял для создания своих картин самые модные оптические приборы того времени, дающие возможность на специальном полупрозрачном матовом экране получать перспективное изображение (камера-обскура). Это поразительное фотозрение его картин, с характерными световыми квантами-бликами и режиссурой света, спустя два века повлияло на формирование импрессионизма.

В том же, 1675-м, году в Европе начинается систематическое изучение астрономии – возникает Гринвическая обсерватория. В гелиоцентрической теории Николая Коперника было математически показано, что Земля является спутником Солнца; шар Земли начал вращаться в пустоте бесконечного

пространства наряду со многими прочими шарами. Галилео Галилей наблюдает в телескоп пятна на Солнце.

В XVII-м веке *тенденция к упорядочению и систематизации* отдавала своеобразным купеческим меркантилизмом. Нужно все учесть и все держать в порядке – и тут же вспоминаются злобная фигура Гобсека и муки попавших к нему в паутину дворян, которые жили весьма беспорядочно и денег не считали в принципе. Но кроме сочувствующего дворянству Бальзака в искусстве возникла и обратная картина: чистенькие, ровненькие, гладенькие и правильные голландские интерьеры, в которых воспеваются размеренная и рачительная бюргерская жизнь. В этой жизни учет и порядок стали новейшими ментальными доблестями. Не отсюда ли наметилась и явная *тенденция к упорядочению и систематизации* знаний, или то и другое есть отражение единой новой ментальной модели мира?

Наука и Эпоха Великих географических открытий

Так или иначе, на горизонте истории появляется такая важнейшая фигура Нового времени, как ученый-теоретик (который часто совмещал в себе и ученого-экспериментатора), возникают научные общества, пресса и переписка ученых. Были открыты земной магнетизм и электричество (Гиблерт, 1600), двойной круг кровообращения (Гарвей, 1628), волновая теория света (Гюйгенс, 1678), закон тяжести (Ньютон, 1684). Ученые этого времени вообще поражают своей разносторонностью, например сегодня немислима энциклопедичность познаний и веер открытий в самых разных науках, которыми прославился Гук. Однако нужно вспомнить, что наука, в ее привычном виде, только становилась и ученый просто не мог быть другим (хотя, вообще-то, в этом веке процесс дифференциации наук шел очень ускоренно). Дифференциация наук сопровождалась и институциональной дифференциацией искусств, проявившейся, например, в деятельности советника Кольбера во Франции, который занимался реорганизацией Академии скульптуры и живописи; архитектура впервые в истории выделилась в отдельное направление

деятельности, появилась даже самостоятельная Академия архитектуры (1671 г.).

Эпоха великих географических открытий началась экспедициями Христофора Колумба, Америго Веспуччи, Васко да Гамы – это были, в общем-то, такие же научные эксперименты по доказательству теорий. Фернан Магеллан своим кругосветным путешествием окончательно доказал, что Земля шарообразна. Вместе с теорией Коперника это резко изменило вообще всю иерархию пространства: “верх” и “низ” трудно привязать к шару, это далеко не плоский диск. Проблема антиподов вплотную потребовала теории тяготения – и она не замедлила появиться. Таким образом, масштаб ментального пространства, который и в средневековье был уже больше античного, раздвинулся до рационально понятой бесконечности.

Как всякой архаике трагического, XVII-му веку необходимо было иметь максимально объективную картину миру, исключая влияние субъекта. Это достаточно хорошо получалось в науке, но хуже – по отношению к искусству (чувственному познанию). **Рационалистическое мировоззрение**, утверждение абсолютной ценности эмпирического знания, **утилитаризм и практицизм** нашли свое отражение еще в учении Френсиса Бэкона в пике средневековья, у которого вселенная предстает как огромный механизм, наподобие часового. Должно было пройти почти четыре века, чтобы эти мысли получили продолжение.

Рене Декарт – философ, логик, физик, математик и физиолог – стал основателем самой новой ментальности рационализма и положил начало **линии позитивизма** в отношении к искусству. Рене Декарта, Джона Локка и Томаса Гоббса искусство интересовало только в ракурсе познания – и в этом они полностью противоположны гениям Возрождения, отдававшим приоритет чувственному познанию и синтезу. Все, чего нельзя было подвергнуть строгому анализу – измерить, взвесить, рассчитать и т.д., – в этом времени подлежало уценке, в лучшем случае – **нормированию** (нормативная эстетика). Декарт считал, что вещи, признаваемые прекрасными *по мнению большин-*

ства, таковыми и являются, а “*вкус*” имеет отношение к живой реакции на эстетический объект.

Из представления о соотношении в человеке физического и психического, **о живом теле как физиологическом механизме** (рассматриваемом вне связи с душой) рождается возможность рассмотрения эстетических феноменов с учетом *физиологии человека* (хоть и понимаемой сугубо механистически, ведь тело представлялось как автомат, подчиненный законам механики). Такое соотношение души и тела предполагало *включенность* сознания и мышления в общие процессы и законы существования механической Вселенной.

Здесь же зародилось представление **о двух категориях качеств: первичных** (объективных) **и вторичных** (субъективных), обнаруживающихся при непосредственном воздействии на органы чувств. Тем самым мир разделился на якобы существующий в действительности (объективный – в механистической картине мира) и данный нам органами чувств в восприятии здесь и сейчас (по сути, иллюзорный и субъективный). Бенедикт Спиноза выводит важнейшее понятие **ассоциации**, которая трактовалась (и не только у него) как *результат взаимодействия материальных тел, не открытый сознанию полностью*. Отсюда – у Декарта – “любовь *к хорошим вещам* и любовь *к прекрасным вещам*” (удовольствие); позднее Клод Перро кроме “первой”, во всем правильной красоты, предложил и “вторую” (“приятность”), допускавшую некоторые отклонения от правил. Отсюда же и мысли Локка и Гоббса о том, что *воздействие* объективного предмета и *реакция* человека соотносятся как *причина и следствие*, а эта зависимость уже поддается опытной проверке (чем не предшественник бихевиоризма с ведущей идеей “стимул – реакция”?).

Поскольку главное для Декарта “мысль”, он умело обходит один из главных подводных камней всей эстетической проблематики и делает это при помощи учения об аффектах. Да, страсти руководят поведением человека, но они направляют его к тому, что **полезно** (разумно, с позиций утили-

тиаризма и прагматизма), и отвращают от того, что **вредно**. Базируясь на теории страстей, Декарт утверждает, что **задача искусства состоит в стремлении гармонизировать страсти**. Таким образом, и страсти у него подчинены мышлению, психику он приравнивал к сознанию, а сознание (способность к наблюдению за собственной внутренней духовной жизнью и – как результат такого наблюдения, – пониманию ее сути) он отождествил с рефлексией (знанием о непространственных феноменах, для которых нет никакой аналогии в окружающей действительности). Интересно, что *душа* в его понимании есть особая сущность, состоящая из явлений сознания (“мыслей”), к которым он отнес не только “разум”, но и представления, ощущения, чувства.

Эстетический рационализм

Довольно часто можно встретить утверждение, что формирование **французской эстетики, с ее принципами классицизма** и критерием “**высокого вкуса**”, имело прямое отношение к абсолютизму Людовика XIV. Но, с точки зрения *эволюции менталитета*, все обстоит как раз наоборот. Это абсолютизм принял окраску восходящего ментального рационализма, это **идеи эстетического рационализма** (А. Фелибьена, Ф. де Шамбрэ, Р. де Пиля) отразили всеобщие тенденции рационализма, прагматизма, утилитаризма, достижения большей управляемости в обществе (идея нормативности) и тому подобное. Нормативность можно ведь трактовать и как потребность в усилении регламентации искусства со стороны власти. Весь букет близких свойств мы можем найти и в раннем Египте, и в раннем средневековье. Всеобщее, “мы”, – вот что прозвучало в главном афоризме абсолютизма “Государство – это я”. Абсолютизм есть всего лишь задержавшийся индивидуализм Возрождения, вот почему он и был отодвинут с политической арены там, где сильнее были рациональные утилитарные прагматики, – в Голландии и в Англии, Франция просто была следующей.

В сознании литераторов, художников и проектировщиков явно доминировала **идея эстетической нормы, почти военного порядка в организа-**

ции пространства и форм, а в способах их **композиционирования преобладали разумность, ясность, четкая симметрия** и геометризм. Так, в интересующем нас искусстве пространства – архитектуре XVII века – господствовали рассудочность, **нормативность и геометризм**, что отразилось в планировочных схемах зданий городов, парков и садов. Рациональный метод мышления и принцип упорядоченности в построении формы художники и архитекторы взяли прямо из менталитета своего времени и трактатов Декарта. Центральной категорией теории архитектуры в классицизме был именно “порядок”; для А. Фелибьена, например, *композиция вообще была равна порядку*. Никаких сомнений и колебаний, никакой особой двойственности – отсюда и результаты: **регулярная** планировочная структура Версаля производит впечатление настолько **абсолютно упорядоченного и симметричного** комплекса, что не может быть никаких сомнений, что и **небо, и земля, и космос** таковы же. Но, кроме всего прочего, Версаль – это символ власти, это такая сила, от которой уютная, средневековая, несколько хаотичная Франция, с ее кривыми улочками Парижа, сразу становится жалкой и подчиненной этой напористой геометрии, едва сдерживаемой лепниной. Увы, классицизм никак не помог абсолютизму продержаться на исторической арене, и его внешняя внушающая сила не спасла Францию от серии кровавых революций.

Добавим, что классицизм опирался на идею античности о красоте как гармонии мира, которая дана людям в виде *врожденных идей*. Вот почему даже творчество в этом веке понимается как процесс, происходящий под контролем разума, а композиция рассматривается всего лишь как функция мышления, которую можно формировать – разуму все доступно.

Однако это – Франция, где рационализм получил отчетливое выражение в науке и искусстве, в самом менталитете которой уже просматривается бюргерская рассудочность, рвущаяся к власти. Но какая это особая рассудочность – “аффективная”!

Впрочем, и испанский абсолютизм в архитектуре создал нечто очень-очень рационалистичное в том же роде: это – построенный Хуаном де Эррера

знаменитый Эскориал (1563-1584). Строительство пришлось на момент постепенного схода испанского абсолютизма как политической силы с исторической арены, но мы не раз наблюдали и раньше, что такова уж логика истории – формальный расцвет, безумная пышность и грандиозность вдруг появляются как раз перед концом. В Эскориале, этом гигантском каменном монолите с равномерными рядами окон, есть что-то прусско-немецкое, так сильно в нем желание отобразить порядок и силу, хотя в деталях у комплекса – все та же смешанная испано-мавританская бароккальность.

Весь XVI век был для Испании весьма бурным: в начале века Испания достигла наивысшего политического и экономического могущества в Европе, это была **морская сверхдержава**, державшая в руках гигантские колонии, в том числе и Новый свет. О невероятных богатствах земельной аристократии, двора и церкви (особенно могучей в Испании) ходили легенды. Но непрерывные войны, политическая реакция и инквизиция разорили страну уже к концу века.

В Испании были очень сильны готические традиции и одновременно – мавританское влияние. Сплав искусства католицизма и ислама в формах архитектуры здесь как раз практически не имеет зазоров и противоречий. Мировоззрение данного периода в Испании очень религиозно, но религиозность отображается в образах реальности. Мистика и народность, присущие готике, приобрели свой национальный оттенок (национальные герои – святые). Идеализм и чувственность достигают вполне бароккального напряжения, но это явно не итальянское барокко, хотя многие его признаки налицо: расцветают мистика и ложная патетика. Перед нами – испанский вариант *маньеризма*, с характерной хрупкой изломанностью, сопровождающей и выражающей застой и вырождение древних родов.

Вся эта смесь недавнего могущества, безмерного богатства и одновременно какой-то задушенности и разочарования выливается в конце XVI-го века в экстатическую живопись Эль Греко, где поздневизантийская вытянутость пропорций сочетается с цветовой экспрессией позднего Ренессанса (он

учился у Тициана и изучал в Риме Микеланджело). Экспрессия и вытянутость пропорций позднего итальянского Возрождения (скажем, пропорции Пармиджанино, ракурсы и свет Тинторетто) и приемы Эль Греко во времени синхронны, но все же его степень обобщенности достаточно резко отличается от их дробности. Утонченная аристократия на портретах и картинах Эль Греко сравнима по пропорциям с аналогами из разряда поздних византийских икон и персонажами Модильяни: та же предельная вытянутость по вертикали и те же цветовые экспрессивные контрасты при обобщенности. Лозунг этого художника – “радость в страдании” – сопровождается характерным возбуждением и напряжением: свет на его полотнах колеблется в беспокойном, пугающем ритме. Художник использует сильные диссонансные сочетания цветов (красный – зеленый, желтый – синий). Характерно, что писал он при искусственном свете: “Дневной свет мешает моему внутреннему”. Лица его персонажей удлинены и *аскетичны*, глаза полны *напряжением духовной жизни, они асимметричны* и широко раскрыты (это – повтор ранневизантийского приема). **Людей на его портретах и картинах словно бы снедает внутренний огонь.** Мы здесь встречаем и своеобразный “героический пейзаж” (вид Толедо): в нем буйствуют стихии, грозы, молнии – человек ничтожен перед ликом этой природы. Эль Греко – художник позднейшего средневековья, несущий его ментальность и идею “внутреннего света”, но предчувствующий его гибель. Это еще не сам “золотой век” испанской живописи, но очень важная его начальная часть.

Линия Караваджо в испанской живописи выглядела, кстати, гораздо более естественной и была более разнообразной по проявлениям, чем в самой Италии. В общем-то, еще вопрос, действительно ли так повлияли работы Караваджо на испанцев, или *в одном и том же времени мы наблюдаем одни и те же тенденции* – последняя версия вероятней, на наш взгляд.

Франсиско **Рибальта**, с его монументальными образами святых, портретностью, пастозным письмом, интенсивным цветом, ближе всех стоит к Караваджо. У него мы видим абсолютно идентичный с Караваджо набор тем:

интерес к трактуру, харчевне (в испанском варианте – бодегонес) и ту же новую, обывочленную, трактовку традиционных религиозных сюжетов.

Хусепе **Рибера** – тот же караваджизм, контрасты света и тени (темный фон, но еще и **густота** – красное в тенях), подчеркнутая материальность. Как и у Караваджо, у него нередко применяются сложные ракурсы и проскальзывает характерный интерес к *индивидуальному, конкретному, даже уродливому*. У него – такие же мужиковатые библейские персонажи, но с характерным испанским достоинством и обостренной гордостью. Рибера любит изображать мучения, где его герои и проявляют свою нравственную силу. И так же, как Караваджо, он эволюционирует в своем творчестве к ослаблению контраста (появляется больше переходов) и к воздуху (вместо плотной густоты фона), его образы теряют натуралистическую конкретику и приобретают *идеальную обобщенность* (“Святая Инесса”).

Тот же путь проделывает в Севилье Франсиско **Сурбаран**. Его основной заказчик – церковь, персонажи – монахи, спокойные, важные, незыблемые, он пишет их в рост. Их белые одежды на темном фоне и отчетливо читаемый национальный характер отражают тот же набор средств, но уже на ином материале. От контрастного караваджизма с элементами натурализма Сурбаран движется к ясности, простоте и лаконичности. Особенно это заметно в натюрморте, где много возможностей для передачи материальности. То, что у него получается, – “монументальный натюрморт”, чем-то напоминающий итальянскую “героическую природу”.

Диего Родригес де Сильва **Веласкес** умело синтезирует все основные тенденции своего времени, на что явно повлияли его дружба с Рубенсом и поездка в Италию: он многое взял из живописи венецианцев. Вместе с тем у него в приемах заметен и караваджизм (скажем, особый **свет** в его “Менинах”, но это – очень узнаваемый серебристый свет Веласкеса), и сурбарановская монументальность натюрмортов. Однако интонация Веласкеса содержит совершенно особый оттенок: оставаясь испанцем, он поднялся до общечеловеческого. Его манеру характеризуют благородство и мера. Глубокое уваже-

ние к достоинству личности ярко проявлено в том, что он относится с тактом, уважением и сочувствием к самым заурядным людям с улицы, изображая их величественными (“Продавец воды”, “Пряхи” – жанровая сценка, трактованная монументально); таково же отношение художника и к шутам, в которых он умеет увидеть ум и иронию. У Веласкеса почти нет религиозных сюжетов, а имеющиеся – трактованы обытовленно, как бодегонес.

Веласкес использовал особый жанровый синтез, в котором не было еще жестких границ отдельных жанров. Будучи в течение 40 лет придворным художником, Веласкес создал синтетические историко-жанровые картины (“Сдача Бреды”), его “Менины” – жанровая картина и групповой портрет одновременно, его “Венера” – чистый реализм, лишенный и намека на аллегорию, его портреты монументальны и лаконичны, а знаменитый портрет папы Иннокентия X предельно натуралистично демонстрирует совершенно безудержную натуру портретируемого (как выразился папа, “слишком правдиво!”). Интересна какая-то особая отстраненность всех его персонажей и замкнутая в себе композиция, характерная именно для барокко.

Бартоломео Эстебан **Мурильо**, основатель и Президент Севильской Академии, завершает собой цикл золотого века испанской живописи. Формальные красоты Мурильо занимают в этой истории место формальной кульминации. Он прославился своими сценами из истории святого семейства. Его поэтичность, переходящая в слащавость, прекрасно вписывается в общее движение к пышному декору, которое носит в Европе всеобщий характер.

Для Испании того времени в целом характерен стиль “платерекс” (в переводе – “ювелирный, филигранный”), где многое взято от мавров, и натурализм пластики (волосы, руки на шарнирах, стеклянные глаза).

Повторим, с 80-х годов XVI-го века по 80-е XVII-го века Испания переживает так называемый золотой век испанской живописи. К этому же периоду относится творчество Сервантеса и Лопе де Вега, классиков испанской литературы.

Если Испания – это экстаичность, духовность и плотная материальность, то Фландрия, давшая миру Рубенса и Ван Дейка, – это новая, рафинированная телесность, ориентированная прежде всего на аристократию (что, кстати, и доказывает, что барокко – искусство поздне-позднесредневековое). И если на Эль Греко более повлияла православная Византия с ее *бестелесной* иконописью плюс Возрождение, то у Рубенса и голландцев все остается в рамках *предельно телесного* католицизма.

Фландрия (ныне Бельгия) находилась под владычеством Испании. Стабильность средневропейского положения и экономическая устойчивость объясняли тот факт, что заказчиками на картины являлись преимущественно дворянство, бюргеры, церковь – для замков, дворцов и богатых домов; заказывались также алтари.

Питер Пауль **Рубенс**, универсально талантливый и плодовитый художник и дипломат, осуществил синтез, в тенденциях которого просматриваются ветви родом из немецкого, старонидерландского и итальянского (Венеция, Рим, Караваджо) искусства.

В 20-30-е годы он создал классический тип алтарного образа своего века (“Воздвижение креста”, “Снятие с креста”), где монументальность в соединении с декоративностью порождает характерную бароккальность. В жанровых картинах и даже портретах Рубенса увлекают проявления необузданности (победа чувства над разумом), физическая сила и здоровье, страсть, упоение природой, ее поэзия и ликование. Он берет сюжеты, *где есть поле для проявления динамики и бурного движения*, поэтому для его средств характерны *диагональность*, сложные ракурсы, вспыхивающие цвета. В его живописной среде нет места контуру, здесь ощущается некое расплавление светотени, пишет он жидко, иногда до грунта. Основной цветовой строй его вполне тициановский, но позже и он стал монохромнее.

По заказу Марии Медичи, королевы Франции, он пишет двадцать одну картину – в совокупности они образуют непрерывное барокальное повество-

вание. Вообще он много и охотно пишет женщин, женщина для него символ жизни.

В стеновский период (замок стен) у него – больше портретов и тоньше психологические нюансы (“Портрет камеристки”). Не так часто, но совершенно особенно и узнаваемо пишет он и природу. У него была огромная мастерская и множество учеников: Снейдерс, Ван Дейк, Ян Брейгель Бархатный. Все, что соединялось в его жанровом синтезе, они развили по частям.

Ван Дейк развил линию особого позднего аристократизма, с его хрупкостью и изысканностью, он самый знаменитый портретист своего времени, хотя писал и жанровые картины на библейские темы. Свой тип репрезентативного сословного портрета он нашел, будучи в Генуе: фигура в ракурсе чуть снизу (легкая героизация), множество аксессуаров и богатых, изысканных тканей. В Антверпене он стал модным живописцем, затем последовала Англия, где он быстро прославился портретами Карла I. Его героям, даже мужчинам, свойственны легкая женственность, романтические кудри, грустная элегичность, модная тогда нервная экспрессия (таков и его собственный автопортрет). Портреты он пишет с расчетом на парадную стену дворца, причем в рост. Его эффектные позы лишены грубой лести, иногда даже естественны и всегда небрежно грациозны. Он полностью отошел от пастозного наложения красок – и поверхность его холстов выглядела полированной, как очень дорогая мебель. Он оказал громадное влияние на эталон парадного портрета (как по приемам, так и по форме) на долгие годы вперед.

Якоб Иорданс, продолжая традиции учителя, пишет сочно и весело. Он здоровый народный реалист, бытовик, любящий изображать веселые пирушки с уставленными яствами столами.

Франк Снейдерс – мастер натюрморта. Его подход к натюрморту исходит из барокко, понятого посредством Рубенса. Дары земли и вод не просто заполняют, а буквально заваливают его “Лавки”.

Андриан Броувер – жанрист, всю жизнь писавший небольшие лаконичные картины виртуозного письма. Жизнь и быт крестьян он изображал в

духе голландского реализма, но в его работах сквозит характерная ирония, смешанная с горечью.

Давид **Тенирс**, последователь Брейгеля, излюбленной темой сделал жизнь, понимаемую как празднество. Его большие картины *с мелкими фигурами* людей хорошо соотносятся с аналогичным приемом болонского академизма.

* * *

Знаменитое **голландское искусство** расцветает на иной социальной и культурной базе, чем испанское и фламандское. Нидерландская линия позднего возрождения носит фольклорно-символический характер. Брейгель – самая яркая фигура этого направления в фольклоре. Босх – это духовная, аллегорическая, местами мистическая живопись с ярко экзотической и фантазмагорической направленностью. Ван Эйк – творец, изумительно точно попадающий в стилистику далекого итальянского Возрождения, увиденного, однако, глазами средневекового северного человека. Мы называем эти фамилии как само собой разумеющиеся, хотя у них были и другие имена, в том числе у художников – но читатель понимает, о ком речь.

Новое голландское искусство – бюргерское, и пока это слово не содержит того семантически негативного оттенка тупого и необразованного самодовольства, которое оно приобретет впоследствии. **Групповой портрет**, который расцвел как жанр в 1610-30 годах, демонстрировал новым хозяевам жизни их самих. Ничего, кроме *репрезентации*, в них искать не стоит. Все торговцы, стрелки, синдики и медики только по видимости склонны к демонстрации средневековой корпоративности, выражения лиц у этих людей отчетливо новы. Это они победили громадную средневековую империю Испании, отвоевали у моря свою землю и намерены впредь защищать свою свободу. Неистребимый дух маленького трудолюбивого народа поразит потом нашего Петра I.

Но, вообщем-то, возрожденческий лозунг самостоятельности единичного человека не принимается даже в нидерландской республике: мы видим

сплошь *групповые* портреты – и атрибуты принадлежности к гильдии, синдикату и отряду стрелков здесь все еще важнее лиц. А вот в отдельных портретах невозможно не заметить *налета релятивизма*, словно декларирующего: “Лови мгновение!” – показом изнанки этого равномерного мира. Все эти веселые гуляки, Малле Баббе, особенно поздние персонажи портретов Хальса, хватаются за свое сиюминутное веселье, как бы предчувствуя быстрый закат своего нового мирка. Менее драматичное, но такое же релятивистское, по сути, изобилие пирушек найдем мы и у малых голландцев.

В середине цикла расцвел знаменитый **голландский пейзаж**. Малые голландцы (небывалое в истории явление, чтобы живопись для многих выступала как побочное занятие, приработок), Рейсдал и Вермеер, фиксируют все те же релятивные, сиюминутные моменты жизни природы. Конечно, пейзаж родины – это элемент национального самосознания; но пейзаж как жанр интересен тем, что не содержит прошлого или будущего, он есть только “здесь и сейчас”.

Поразительна эволюция Рембрандта от цветущего бюргерского двойного портрета с Саскией (1636) к *жанровому* “Ночному дозору” (1642). Его линия противоречила тенденции *прямой репрезентации*, отчего он и “выпал из своего времени”: “Ночной дозор” изображал группу как целое, а каждый из заказчиков хотел увидеть исключительно себя; его “Синдики” не члены тупой производственной ячейки, а скорее духовное братство, где даже слуга во что-то посвящен. Великий затворник в последние 16 лет жизни ускоренно ушел в будущее жанрово-исторической живописи и психологического портрета, завершив для мировой живописи “переворот света”, который начал Караваджо. Художник пытался *ловить преходящее* – он релятивист, но совершенно особого рода. Рембрандт фиксирует себя в ста автопортретах, это не развлечение, а концепция – упорное желание человека Нового времени поймать преходящее и зафиксировать его. Возрожденческие статуарные портреты фиксировали личность в момент ее расцвета, эти люди в расцвете сил полны равновесия и достоинства, они окружены своими знаками-атрибутами

и удивительной природой и архитектурой. Одного такого портрета было достаточно, чтобы зафиксировать личность в высшей точке.

Но портреты Рембрандта по менталитету все же бароккальные: они достигли совершенства именно в выражении *релятивизма в панорамности*: вся жизнь проходит перед мысленным взором его старух и стариков, какая уж тут статуарность! Он фиксирует панораму жизни в этой мгновенности: “Блудный сын” – это не назидательная притча, а долгая история жизни, отраженная в сложной световой мизансцене.

Стоит добавить, что подобная серийная панорамность с охватом всей жизни присуща и Рубенсу – в знаменитом цикле для Марии Медичи изображен весь ее путь, включая момент зачатия.

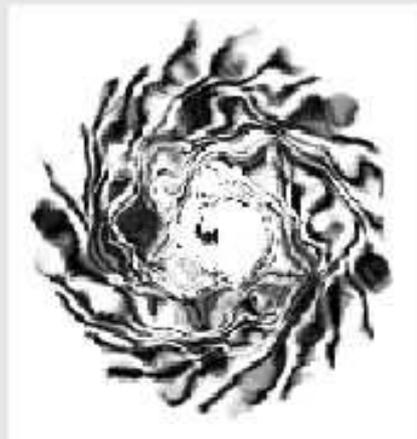
* * *

Что получаем в итоге: безмерный расцвет барокко, несущий ментальность с привкусом релятивизма, и элементы классицизма, отражающие тенденцию субстанциального рационализма. Но ни одно из направлений в искусстве не выразило нового менталитета в чистом виде: классицизм взял слишком много от абсолютизма, а Версаль и Эскориал несли на себе нечто смешанное – геометризм нового + парадность и пышность старого (кто-то удачно назвал Версаль “двойной звездой”). Следовательно, в XVII-м веке чистых образцов нового нет.

Еще одно: синтетические художники этого века Веласкес, Рубенс, Рембрандт, становятся «ядрами», от которых расходятся лучи национальных школ. В одних как бы обобщается все национальное (Веласкес), из других – исходит. Остальное читатели прочтут в моей «Эволюции видения».

* * *

Что касается пространство-ощущения Нового времени и нашего века, оно постепенно становится общепланетарным и космично-планетарным, чему немало способствует возникновение и широкое распространение геополитики, о которой разговор – впереди.

2

**Геополитика:
история
и современность**

2. Геополитика: история и современность

2.1. О ПОНЯТИИ ГЕОПОЛИТИКИ

«Геополитика» – составное слово, где «гео» и «политику» можно вроде как и не расшифровывать. В традиционном понимании она рассматривает *зависимость* общественных процессов от топики Земли. Онтологически геополитика представляет собой науку о влиянии географического фактора на политику и рассматривается в качестве особой рамки, методологии мышления.

Наука геополитики возникла на стыке общественных и естественных научных дисциплин и потому является синтетической – она продукт междисциплинарного синтеза. Но мы будем понимать это предмет еще шире – с позиций *экзистенциальной системогенетики*. О ней масса наших статей на блоге и монография на сайте АТ (Н.Н. Александров, *Экзистенциальная системогенетика* // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011). Такая платформа кажется нам наиболее широкой из всех возможных, поскольку основывается на инвариантах. Что касается инвариантов, это тоже отдельная тема, развитая на блоге и в работе «Числовые инварианты в менталитете» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16542, 02.06.2011).

Для начала поговорим о принципиальных разногласиях с коллегами.

Двухконтурная модель управления в обществе

Когда мы говорим об обществе, то имеем в виду нашу модель, в которой *общество понимается как деятельность* и в нем есть два контура управления: культурно-человеческий и машинно-технический. В самом простом виде это культура и цивилизация, за которыми стоит ментосфера и ноосфера.

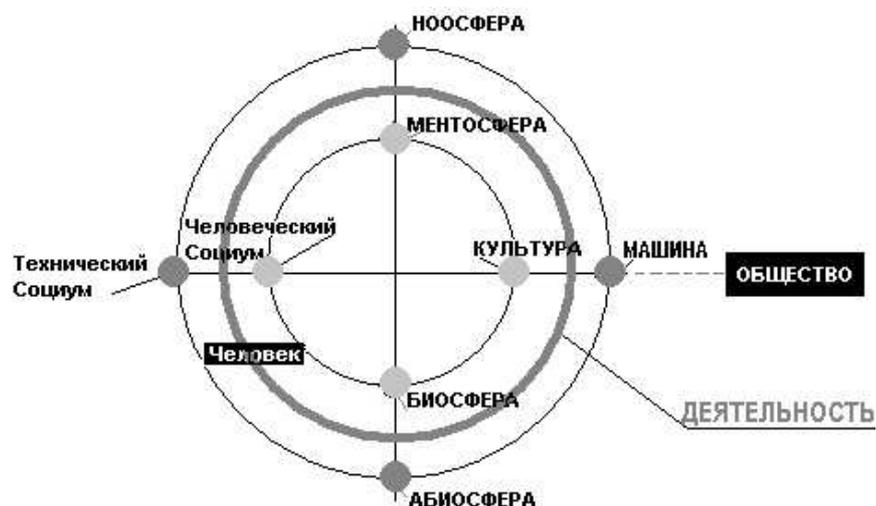

Рис. 1. Общество как деятельность и два контура управления в нем.

Поэтому мы рассматриваем даже в простейшем виде особенности геопространства по отношению к обеим этим сторонам общества. Это позволяет включать в проблематику геополитики соотношение топоса как с этносами, нациями, народами, так и конфессиями, государствами и транснациональными корпорациями (ТНК), а также – и это самое важное в нашей трактовке – с ментальными моделями, бытующими в истории. Мы убедимся на материале истории геополитики, что рассматривать вопрос в пределе нужно именно так. Принятая нами платформа системогенетики требует рассмотрения всех ее аспектов как в статике, так и в динамике, как логически, так и исторически.

Между тем в большинстве существующих геополитических теорий одной из **главных проблем** является **изучение сферы отношений между государствами по поводу контроля над территорией**. Это слишком редуцированная трактовка, которая постоянно приводит к перекосам в реальной политике. Она не соответствует и реалиям современного мира, где государства подчас играют менее значимую роль, чем конфессии (С. Хантингтон) и ТНК.

Если редуцировать геополитику еще больше, то формально геополитическая наука связывается рядом авторов только с динамикой международных отношений, в частности – мировой торговли. Это геополитика в самом узком значении, и ниже мы покажем, почему.

Начнем с *политики*. Как особая деятельность, политика есть разновидность *управленческой деятельности*, имеющей прямое отношение к власти: назначение политики есть борьба за захват власти. Вот этот момент нужно подчеркнуть. Те авторы, которые сводят геополитику к одному контуру – контуру рациональному, к государственной власти – упускают из вида вторую сторону политики – политика есть в основном *борьба за власть*, а она – зачастую вне машинного контура государства или церкви. Пограничный характер политики – между гражданским обществом и государством – ее важнейший признак.

И тогда модели геополитики должны рассматриваться, как минимум, в двух ипостасях.

В первом случае – как экспертные «знаниевые» модели (ноосферный, машинный контур управления), предназначенные для принятия решений главным менеджером (главой государства, правительства, высшим иерархом, топ-менеджером). Они употребляются *рациональным* образом, как некие переменные или детерминанты при принятии политических решений на высшем уровне.

Здесь следует задаться вопросом: а кто, какой субъект, способен осуществлять властную политику на территориях? Сегодня это государства, конфессии и ТНК (транснациональные корпорации). Причем, основой мировой экономики сегодня являются именно транснациональные корпорации, чьи предприятия могут быть разбросаны по всему свету – это они все больше вершат геополитику в своих интересах. В силу транснационального характера современного капитализма мы имеем в их лице цитадель единого наднационального капитализма. Надгосударственные образования порождают единое пространство планеты, достаточно однородное в экономическом (постиндустриальная экономика), политическом (либеральная демократия) и культурном отношениях (массовая культура). Это отмечал А. Зиновьев, создавший предельно широкую концепцию «западнизма», хотя речь в ней идет уже не только о традиционном Западе.

Во втором случае модели геополитики должны рассматриваться как идеологемы (ментосферный, культурный контур управления), предназначенные для лидера. Здесь перед нами *иррациональный* способ их употребления.

Трибунал в Нюренберге оправдал Карла Хаусхофера, поскольку практически невозможно было доказать юридически, как его геополитическая идеология превратилась в практику национал-социалистов. По той же причине в живых остался Карл Шмитт, хотя его юридически окрашенные теории вполне можно было интерпретировать соответствующим образом. Первый покончил с собой, второго коллеги во всем мире подвергли остракизму чуть ли не до конца жизни – такова участь идеологов у которых берут и свободно интерпретируют идеи политики.

Геополитические идеологемы нужны харизматическому лидеру как основа для формирования веры в массах. Если говорить о чистой политике – они им нужны в борьбе за власть. Но и после прихода к власти, если такое происходит, такие идеологемы никуда не исчезают, более того, они становятся тем, что в стратегическом менеджменте называется «миссия». И тогда порядком редуцированные учения Хаусхофера и Шмитта уже можно рассматривать как основания будущих действий верхушки нацистской Германии.

Идеологемы, кстати, не всегда видны: мы можем только гадать, почему реальная геополитика Сталина была так похожа на некоторые положения евразийцев П. Савицкого и Н. Трубецкого и даже национал-большевика Н. Устрялова.

Отсюда первый запрет: «геополитику» нельзя сводить только к внешней политике (государств, конфессий и ТНК), поскольку в ней есть два контура – рациональный и иррациональный, менеджерский и лидерский.

Ресурсоспектр политики и власти

Вторая сторона термина «геополитика» – гео, Гея, Земля. Поскольку речь у нас идет о ракурсе политики-власти, нужно рассмотреть, что именно интересует политику и власть в этом вопросе.

В простейшем виде это трактуется как *ресурсы территории, отграниченной государственной границей*. И, собственно, с этого начинается антропогеограф Фридрих Ратцель, когда создает ряд моделей, положенных в основание ранней немецкой геополитики (так называемой «научной» геополитики). Эти модели предельно просты и мы их все рассмотрим.

Но сразу отдадим должное и русской геополитике: за несколько десятилетий до Ратцеля милютинская школа военной геополитики (о которой речь впереди), не особо афишируя свои действия, исследовала мир с самых что ни на есть системных позиций и более подробно и детально, чем Ратцель.

Модель ресурсов трех уровней

Модель ресурсов, которыми может располагать геополитик, может быть построена по простому основанию. Изобразим ее на схеме:

Рис. 2. Три вида ресурсов.

Такая модель, идущая еще от Ф. Ратцеля, получила в истории геополитики очень подробное развитие: каждый из выделенных здесь видов был детализирован на множество уровней и подуровней. Например, Николас Спикмен выдвинул десять критериев геополитического веса:

Рис. 3. Критерии Н. Спикмена по отношению к тройке ресурсов.

Четверка типов ресурсов

Если посмотреть на проблему ресурсов политики и власти наиболее абстрактно, то их четыре типа. Это **земля, вода, воздух и огонь** – такова древнейшая типология стихий, греческих «первозлементов» и т.п. В реальности первые три стихии – земля, вода, воздух – реально существуют, а вот «огонь» можно трактовать для геополитики как поток солнечной энергии, создающий тот или иной климат на территории. Это очень существенно для начальных этапов развития цивилизаций и культур, а потому все они поклонялись Солнцу.

Эти же четыре компонента – ресурсоспектр политика и властителя – можно трактовать и в военном аспекте: сухопутные войска, военно-морские силы, авиация и ракетно-ядерное оружие («укрощение огня»). Здесь просматривает самый ранний вариант столкновения *сухопутных и водных* военных сил, что доводится в теориях геополитики до глобального дуализма «Суша – Море», который приписывается всем цивилизациям. Это так называемый «первый закон геополитики» – идея о вечной борьбе между континентальной и морской цивилизациями (теллуократии и талассократии). Многие геополитические теоретики навсегда застряли на этом противостоянии, хотя уже в XX веке – веке авиации и ракет – оно потеряло первоначальный военный смысл. Другое дело – наличие этих черт в менталитете больших общностей, и мы будем об этом говорить ниже, – оно весьма устойчиво, но не настолько детерминистично, как кажется некоторым. По крайней мере, сегодня говорить об этом всерьез вряд ли стоит – мы уже больше летаем, чем плаваем и проблема роста мобильности по нашей бескрайней сухопутности тоже успешно решается массовым автотранспортом. Доминанты поменялись.

Обратим внимание, что данная четверка, рассмотренная в генетическом ракурсе, показывает *рост подвижности энергии в средствах вооружения*: водные более подвижны, чем сухопутные, а воздушные, чем водные, и, наконец, «всего быстрее огонь». Все эти разновидности сохраняются, но изменились пропорции родов войск в современных армиях.

Но мы настаиваем на том, что нельзя сводить геополитику в целом ни к одному этому ракурсу. Холодная война шла и идет совсем на других фронтах, и мы еще поговорим об этом. Кстати, вдруг возродившееся преподавание геополитики в наших вузах и есть элемент этой самой войны: ничто так не консервирует менталитет, как образование. А преподается под видом «геополитики» у нас как раз все то старье, которое не позволяет увидеть *ментальную сущность* идущей холодной войны.

Отсюда второй запрет: геополитика не сводится к дуализму «суша – море», в ней следует учитывать все четыре «стихии» (спектр ресурсов, спектр энергии). И если посмотреть на это исторически, возникают две пары: дуализм «суши – моря» был присущ только начальному этапу геополитики до XX века, а вот пара «воздух – огонь» в XX веке видимо только обозначилась: во времена Хрущева реактивная авиация впервые застонала от засилия ракетчиков. Реальных «звездных войн» мир пока не видел, и слава Богу! Но война-то в космосе давно идет.

Характерно, что до середины XX-го века речь шла о *горизонтальном пространстве* Земли, ее суши и морей, но с появлением авиации и космонавтики в дело ввели также и *вертикальное измерение пространства* (правда, геополитики рассматривают его пока как еще один «океан»). Для нас это разделение очень важно: это две смысловые оси, причем вертикальная пара более подвижных стихий «воздух – огонь» связана с *ускорением* не только в технике, но и в общественных процессах в целом.

Хронотон вместо топоса

Наконец, топос – это всего лишь одна из составляющих хронотопа. Все в этом мире, в том числе общества и государства, имеют не только топическое измерение, но хроно – временную характеристику. Ввиду невероятного роста скорости в технике и скачкообразного ускорения процессов в обществе (А. Тоффлер, «Футурошоки»), топическая сторона политики в значительной мере потеряла свою значимость, а приобрела первенство хроно-сторона. А

именно: в политике сегодня побеждает тот, кто быстрее меняется, развивается в сторону усложнения структуры общества и увеличения скорости процессов деятельности. Поэтому кроме геополитики, которая главенствовала в прошлом, существует *хронополитика* и она главенствует сегодня. *Хронотоп* неразрывен и это понятие нужно поставить в качестве главного на место топоса (гео), иначе геополитику можно отнести к разряду исторически существовавших, но более не актуальных знаний.

Кстати, по этому поводу. Ускорение общественных процессов как особый фактор мировой политики – с этого, собственно, начинается Новая история. Рывок европейских стран в техническом и социальном отношении позволил им превратить весь прочий мир в свои колонии. Недаром, Х. Макиндер начинает свою историю геополитики именно с этого – Колумб и Эпоха великих географических открытий привели к геополитической дележке территории Земли, что и стало потом причиной двух мировых войн.

Этот фактор ускорения (рывка) использовали и Гитлер, и Сталин, и японцы перед и во время Второй мировой войны. За десять лет власти нацистов, как и за период правления Сталина было сделано невероятно много – об этом с некоторым удивлением пишут в мемуарах сами участники событий с обеих сторон. Нацисты к концу войны возможно даже стояли на пороге невиданного технического рывка (как и японцы в определенных отраслях техники), но не успели реализовать это техническое преимущество. А вот Сталин успел – «... получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставил её оснащённой ядерными реакторами» (Encyclopaedia Britannica. Vol.21. London, 1964. P.303). Того технологического и организационного рывка нам хватило на 33 года – как раз одному поколению. Это поколение потеряло набранный темп – и не в техническом отношении, если верить Максиму Калашникову, а из-за застывшей идеологии и социальной структуры. И нас примитивным маневром обошли на историческом повороте недавние идеологические враги.

Из всего сказанного следует третий запрет: нельзя рассматривать «геополитику» в отрыве от «хронополитики». Это единый ментальный хронотоп, и его генезис мы рассмотрели в монографии «Формула истории» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011).

Основной закон разворачивания ментального хронотопа в истории мы рассмотрели в другой монографии – «Экзистенциальная системогенетика» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011).

На языке системогенетики этот закон можно выразить графически, если вспомнить, что история имеет вид конической спирали, а противоречие под ней – это единый хронотоп с двумя сторонами (пространство – время):

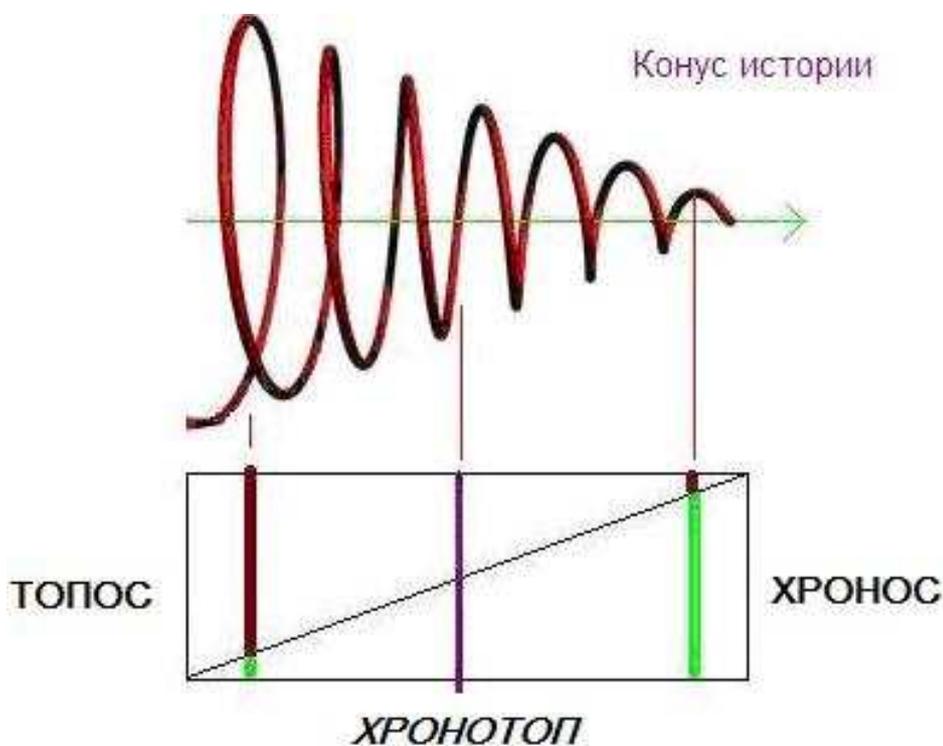

Рис. 4. Соотношение хроноса и топоса в истории.

Итого

Что мы имеем в рассматриваемом предмете в итоге?

Три оси: *ось управления в обществе, ось хронотопа, ось ресурсов.*

Соединить их можно как вместе *в объемной модели*, так и попарно.

Рис. 5. Объемная модель геополитики в нашем понимании.

Вот парное соединение осей «хронотоп и управление в обществе» в полном виде. Геополитика, тем более чисто государственная, – только небольшая часть этой полноты.

Табл. 1. Состав предмета геополитики.

		ХРОНОТОП	
		Топос	Хронос
УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ	Машинное	1	2
	Культурное	3	4

Полнота предмета, как явствует из приведенной таблицы, это:

1. Геополитика машинного типа. Геополитика государств, конфессий и ТНК.
2. Хронополитика машинного типа. Хронополитика государств, конфессий и ТНК.
3. Культурная геополитика. Геополитика немашинного типа.
4. Культурная хронополитика. Хронополитика немашинного типа.

И тогда часть определения «геополитики в нашем понимании» звучит так: это взаимоотношения устойчивых групп людей (машинного и культурного типа) по поводу хронотопа.

Соответственно можно построить вторую и третью матрицы: «управление в обществе – ресурсы» и «хронотоп – ресурсы». Тем самым наш предмет будет представлен в достаточной полноте.

Полное определения «геополитики в нашем понимании» звучит так: это взаимоотношения устойчивых групп людей (машинного и культурного типа) по поводу хронотопа и с использованием всего возможного спектра ресурсов (абиотического, биотического и социального типов).

Геополитика – проектная деятельность. Поэтому геополитические модели и образы, живущие в сознании масс, всегда проектируются. Можно рассмотреть этот ракурс как вполне самостоятельный и более того – рассмотреть геополитические концепты в истории как связанные одним сценарием. Что характерно, это все тот же сценарий ментальных формаций. Да и само геополитика, осмысленная как обособленное, появляется в нужное время и в нужном месте. Как и все прочее в культуре.

2.2. ИСХОДНЫЕ МОДЕЛИ РАННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Начнем с **главной статической модели**, которая стягивает на себя все знание, существующее в традиционной геополитике. Что касается динамических моделей, о них речь ниже.

Основная идея, **главная гипотеза геополитики** состоит в том, что жизнь общества (государств, наций, народов, этносов и т.д.) в большой степени обусловлена топически: географическим окружением и климатом. До момента, когда в истории происходит переход от чисто *горизонтальных перемещений* людей (суша и вода) к *вертикальным* (воздух и космос) действует ряд одних и тех же закономерностей. Их отмечают в истории с древнейших времен, и набор этих закономерностей мы сейчас рассмотрим.

Итак, если говорить о ведущем противоречии, которое обсуждается в геополитике, мы должны выделить две стороны:

- топос (место, «жизненное пространство» у Ратцеля) на котором длительное время живет и развивается некая социальная общность (этнос, народ, нация, государство, религия как межгосударственная общность),
- духовное образование, присущее этому топосу, связанное с ним.

Используя нашу терминологию, духовную сторону следует рассматривать как двойственную: это ментосфера и ноосфера. Разумеется, ее связанность с топосом не просто минимальная – в случае с ноосферой ее нет вообще. Хотя социальные общности различаются степенью приобщенности к ноосфере, но эта связь описывается не геополитикой, а скорее хронополитикой. Она характеризуется скоростью, ускорением – т.е. хроносом.

Что касается ментосферы, можно было бы назвать вторую сторону рассматриваемого образования **эгрегором** данной социальной общности (см. Н.Н. Александров, Системогенетика ментосферы // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011; Менталитет и эгрегор // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16213, 11.12.2010).

Для связи топоса и его духовной эгрегориальной части у римлян было близкое по смыслу, хотя и локальное понятие «гений места» (*genius loci*).

Про что-то похожее на *эгрегор социальных общностей* говорил в своих работах геополитик К. Шмитт, но он не довел это понятие до нужного предела. Дело в том, что эгрегор общностей только *возникает* на конкретном месте, но далее он не обязательно привязан к нему – привязка идет к источнику живой энергетики, к человеческим общностям, а они способны перемещаться и, как показывает история, весьма существенно. При таком перемещении эгрегор модифицируется, но принципиально уже не меняется. Это и есть источник этнических и национальных черт, которые самовоспроизводятся на любом месте.

В этом состоит один из недостатков главной гипотезы геополитики – она привязывает все общественное к топосу, а это верно только для неподвижных или малоподвижных социальных общностей, но отнюдь не для всей истории. Фиксация такого влияния на уровне этнос-народ-нация в определенной степени допустима, но специфика социальных машин (государства, конфессии) в проектном обществе никак не связана с топосом.

Итак, вот основная модель геополитики (без учета ноосферы):

Рис. 6. Основная модель традиционной геополитики.

Если мы начнем рассматривать совокупность факторов, упакованных между топосом и эгрегором данной общности, следует напомнить, что в традиционной геополитике *генетическая детерминация* задается снизу вверх. «Место» географически обуславливает:

– **абиотические факторы:** наличие полезных ископаемых (геосфера), воды (гидросфера), воздуха (атмосфера), специфику климата (в основании его количество получаемой солнечной энергии), плодородие почвы и т.п.;

– **биотические факторы:** на этой основе произрастает соответствующая флора и фауна, включая популяцию людей (как часть биосферы);

– **общественные факторы:** из двойного основания вырастает все общественное: человеческий социум, техника (производство), культурная организованность людей (культура), мегамашины из людей (цивилизация).

Следует отметить, что *человеческий социум* изначально имеет двойственную, пограничную характеристику – это часть биосферы (популяция людей), все более сильно модифицируемая культурно-цивилизационным влиянием. Так возникают феномены *этноса, народа и нации*, которые раскрыты нами в специальной статье (Популяция, Этнос, Народ, Нация // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16459, 31.03.2011). Игнорирование генетической стороны этого ряда приводит к нестрогости в трактовках, поэтому всегда следует говорить о конкретно-исторической специфике того или иного явления. Например, Л.Н. Гумилев пишет именно об этносах (и управляются они в его теории биосферой, что совершенно верно), а трактуют его построения и термины и для народов, и для наций (что совершенно не верно).

В XX веке мы наблюдали, как искусственно конструируются мегамашины из людей – вне всякой привязки к топосу, вне зависимости от него. Это совпадает с теми процессами, которые мы рассмотрели по отношению к менеджменту (Философские вопросы теории менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16554, 09.06.2011).

Рис. 7. Совокупность основных геополитических факторов.

Что характерно, гипотезы о влиянии нижней части этого построения (гео) на верхнюю (политика) присутствуют во всей истории. Вот как эти особенности трактовались, начиная с древнейших времен. Но здесь пока мы имеем дело с набором фрагментарных знаний и мнений о влиянии географических условий на жизнь человеческих сообществ.

Климатические зоны и их влияние на политику и общество

Ось Север-Юг

Парменид (VI в. до н.э.) говорил о пяти температурных зонах, или поясах, Земли: два холодных, два умеренных и один жаркий (в центре), каждый из которых обладает своими политическими особенностями.

Платон, Аристотель, «отец медицины» Гиппократ, «отец истории» Геродот, Цицерон и Полибий считали, что климат южных стран расслабляет характеры людей и они легко попадают в рабство, а климат севера, напротив, закаляет, и это приводит к распространению демократии.

Уже тогда взгляды философов слушали для оправдания политической идеологии. Так, опираясь на Парменида, Аристотель в «Политике» писал о политическом превосходстве *промежуточной зоны, населенной греками. Жители южных стран* получают от самой природы все необходимое (пищу и одежду) почти в готовом виде, поэтому жить им легко и свободно, следовательно, они не имеют стремления к развитию государств. *Жители севера*, на-

против, слишком много сил должны тратить на поддержание жизни, поэтому у них не хватает сил для развития. И только в умеренном климате можно найти идеальные условия для расцвета государств и демократии. Забавно, что впоследствии европейские геодетерминисты отнесут Грецию к тем самым южным странам с жарким климатом.

Гиппократ в сочинении «О воздухе, водах и местностях» проводил идею о влиянии географических условий и климата на особенности человеческого организма, свойства характера жителей и на общественный строй.

Географ Страбон, как истинный римлянин, считает главными только политические соображения и оценивает значение тех или иных географических особенностей с той точки зрения, служит или не служит территория политическим целям. Он, кстати, разделил мир на четырехугольники и в рамках одного из них поместил обитаемый мир, который состоял из Европы, Ливии и Азии.

Влияние климата на общество рассматривал арабский мыслитель Ибн Халдун. Что характерно, он повторяет аргументы античных авторов: и о том, что жители экваториального юга не имеют побудительных причин для развития культуры и цивилизации, и о значимости стран с умеренным климатом, о заторможенности истории в холодных северных странах.

* * *

Теория климатических поясов актуальна и по сей день. В ее рамках считается, что история создавалась в пространстве между 20- и 60-м градусами северной широты, то есть в Северном полушарии, где расположена большая часть земной суши. **Политическая энергия** мира генерировалась в основном в умеренных климатических зонах, и **исторические центры притяжения сдвигались в направлении с юга на север в пределах этой зоны.**

Речные цивилизации Месопотамии и Египта сменились городами-государствами Греции, затем Римской империей. Все древние цивилизации располагались в границах между 20- и 45-м градусами северной широты. Культурные и политические центры Европы, России, Соединенных Штатов

и Японии размещаются между 45- и 60-м градусами северной широты в прохладно-умеренной зоне.

* * *

В эпоху Просвещения географическое направление в социальной мысли развивали Ж. Руссо, Д'Аламбер, Ж Ламетри, Ш. Монтескье, Д. Дидро. **Они сформулировали основной закон географического детерминизма: «Власть климата есть первейшая власть на земле».** Просветители считали, что климат оказывает *непосредственное влияние на физиологическое состояние людей, а значит, влияет на их психологию, поэтому в разных странах разный «дух законов».* Жаркий климат расслабляет и приводит к рабству, «мужество народов холодного климата сохраняет за ними свободу».

* * *

Жан Боден ближе всех подошел к созданию широкой концептуальной системы географического детерминизма.

Он развивал взгляд на общество как на сумму кровно-хозяйственных союзов-семей, формирующееся *независимо от воли человека и под влиянием естественной среды.* Боден выделял значимость **климата**, приписывая его действию физическое превосходство северных народов над южными и *горных над долинными.* Здесь впервые заявляет о себе вертикальное измерение пространства.

В XVIII веке **Монтескье** отмечал значение пространства, почвы, и климата, а также культуры и экономики как факторов, формирующих общество. Он посвятил целый том своих сочинений исследованию влияния климата и топографии на особенности государственного устройства и политическую природу народов. Что интересно, на материале современной ему науки он сопоставлял Европу и Азию. Труд Монтескье – это первая попытка европейцев с помощью геодетерминизма научно объяснить различие форм государственного устройства.

Хотя Монтескье и доказывал в своих трудах, что географическая среда (и в первую очередь климат) влияет на различия форм государственной

власти и законов, но он не абсолютизировал климат как главный фактор, непосредственно влияющий на общество. Он ввел посредника: климат оказывает прямое влияние на организм и психику *людей*, и только через это – и на общественно-политическую сферу.

Полученная теория дала возможность сделать следующие выводы:

«Власть климата есть первейшая власть на земле».

«в жарких климатах... обыкновенно царит деспотизм...»; «малодушие народов жаркого климата всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу». Опять-таки замечательный пример политической ангажированности, ни в чем не уступающий Аристотелю.

Взгляды Монтескье, слегка модифицированные, возродились в современной немецкой геосоциологической концепции. Новые геополитики пытаются через человека и его психологическое восприятие окружающей действительности (менталитет) объяснять историческое развитие. У них изменился лишь объект: это сознание человека, именно его пытаются направить в «нужное» русло.

Кстати, это интересно с системогенетической точки зрения. Начиная от античных предшественников и вплоть до французов XVIII века, включая Тюрго, на первый план выносятся *внешние факторы*. Немцы и англичане XIX столетия говорят *о сочетании внешних и внутренних факторов* по отношению к обществу как системе (И.-Г. Гердер, А. Гумбольдт, А. Херен, К. Риттер, а затем И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах, Г.Т. Бокль). А вот геополитики XX века, начиная с POSSИБИЛИЗМА Видаль де ля Бланша предпочитают иметь дело с *внутренним*, подсистемным ресурсом – с человеком.

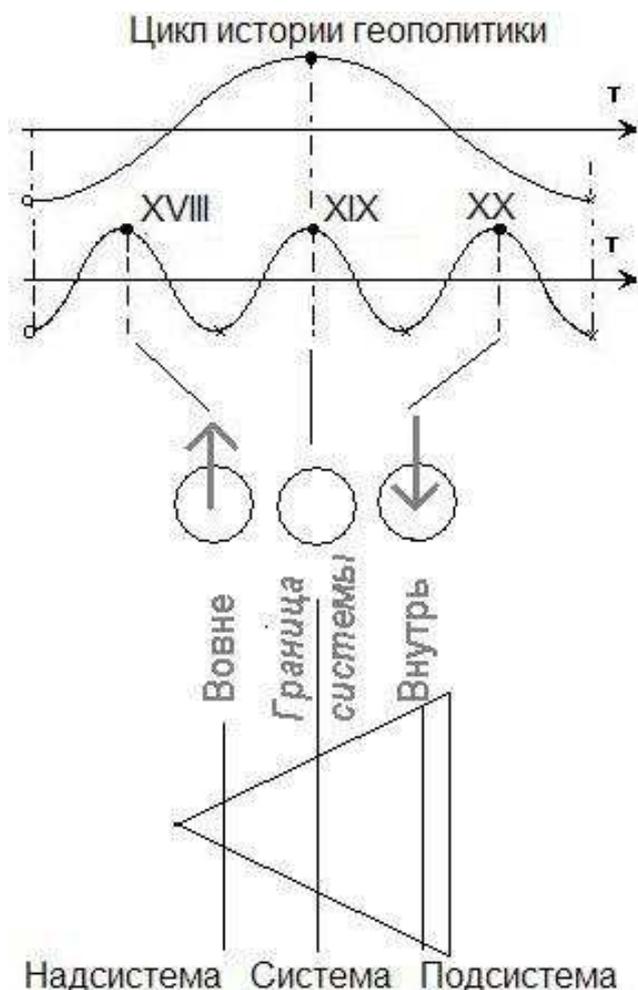

Рис. 8. Три цикла Нового времени и их системные особенности.

* * *

В XIX веке школа географического детерминизма перемещается в Германию.

Одним из первых немецких ученых, внесшим заметный вклад в развитие географического детерминизма, был **Иоганн Готфрид Гердер**. Движущей силой развития цивилизации у него выступают **внешние и внутренние факторы**. К внешним факторам ученый относил физическую природу – климат, почву, географическое положение.

Александр фон Гумбольдт говорил о тесных взаимоотношениях между человеком, государством и миром окружающей природы. По Гумбольдту, элементы ландшафта, повторяясь в бесконечных вариациях, оказывают немаловажное влияние на характер народов, живущих в тех или иных регионах земного шара.

Гумбольдт известен тем, что заложил основу сравнительного метода в географии. В его представлении география должна давать целостную картину окружающего мира и служить конкретным социальным, политическим и экономическим целям человека.

По Гумбольду, наиболее важен тот факт, что внешние условия влияют на *мораль человека*. Сопоставим: в понимании его современника англичанина Г.Т. Бокля, природа влияет на *труд и стереотипы мышления*. Т.е. один рассматривает ментосферу (мораль), второй – соединение техносферы и ноосферы (мышление). Интересно наблюдать, что в рамках нашей базовой схемы доминанты постепенно смещаются вверх, пока не достигают возможного предела.

* * *

На тесное взаимодействие человеческой цивилизации и природы, их влияние друг на друга указывали и другие немецкие ученые-философы, среди которых следует назвать И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха.

Иммануил Кант в своих лекциях по географии развил мысли о влиянии физической географии на *«моральную географию» (национальный характер), на политическую географию, на «торговую географию» (экономику) и на «теологическую географию» (территориальное распространение религий) отдельных народов*. Этот набор факторов, как видим, уже значительно полнее, чем у предшественников.

Г. Гегель в работе **«Географическая основа всемирной истории»**, выступил с критикой бытовавшего в его время упрощенного географического детерминизма: «...не стоит ни преувеличивать, ни умалять значения природы; мягкий ионийский климат, конечно, очень способствовал изяществу поэм Гомера, но один климат не может порождать Гомеров, да и не всегда порождает их; под властью турок не появлялось никаких певцов».

По Гегелю, **геополитическая карта мира дифференцируется на Старый и Новый Свет**, первый из которых имеет три основных ареала:

1) безводное плоскогорье с его обширными степями и равнинами; страны плоскогорий, как правило, прочно замкнуты в себе, но способны давать импульсы исторического развития и территориальной экспансии;

2) низменности, переходные страны, прорезанные и орошаемые большими реками; здесь образуются центры культуры, обладающие уже значительными притяжениями (мы бы сегодня назвали их цивилизациями);

3) прибрежные страны, непосредственно прилегающие к морю; они должны выражать и сохранять мировую связь.

Между тем и немецкий философ прямо указывает на детерминированность истории народов географическими факторами. Он усматривает в жарком и излишне холодном климате «те естественные свойства стран, которые раз навсегда исключают их из всемирно-исторического движения...». К тому же Гегель одним из первых в истории социальной мысли совмещает географический детерминизм с расизмом, объявляя только страны Западной Европы и США носителями исторического прогресса и обосновывая, в частности, порабощение исконных жителей Мексики и Перу европейскими колонизаторами ссылкой на то, что индейцы якобы «во всех отношениях, даже в отношении роста, стоят ниже европейцев».

Гегель писал, что «скотоводство является занятием обитателей плоскогорий, что земледелием и промышленным трудом занимаются жители низменностей; наконец, торговля и судоходство составляют третий принцип. Патриархальная самостоятельность тесно связана с первым принципом, собственность и отношение господства и порабощения – со вторым, а гражданская свобода – с третьим принципом».

Как видим, ангажированность геодетерминизма Гегеля маскирует якобы вытекающее из географии «превосходство» прибрежных стран, то есть прежде всего западноевропейских и США, над всеми другими странами. Здесь он мало чем отличается от своих предшественников.

Четыре группы факторов, по Г.Т. Боклю

В XIX веке формируется и второе направление, представители которого пытаются установить *значение не только климата, но и плодородия почв, влияние транспортных магистралей* и т.п. на жизнь общества. Воплощение данное направление получило у англичанина Генри Томаса Бокля, профессора географии Лондонского университета.

В своей книге «История цивилизации в Англии» Бокль, дополняя учение Монтескье о климате, выдвинул *идею о совокупности условий географической среды, влияющей на жизнь общества*. В результате он выделил **четыре группы: «климат, пищу, почву и общий вид природы»**. Причина появления цивилизации в древнем мире – плодородие почвы, а в Европе – климат. Однако он не ограничивался данными компонентами и признавал, например, *влияние развитого человеческого разума на исторический процесс* и т.п.

В отличие от Монтескье, Бокль подчеркивал основное влияние **не климата, а ландшафта**. Уделяя первостепенную роль географическим условиям (климату, плодородию почвы, ландшафту) как стимулам общественного развития, Бокль, вместе с тем, подчеркивал, что **достигнутый уровень экономического благосостояния «зависит не от благости природы, а от энергии человека»**, которая безгранична в сравнении с ограниченностью и стабильностью естественных ресурсов.

От климата, пищи, почвы и ландшафта зависит только начальная «история богатства»: «почвой обуславливается вознаграждение, получаемое за данный итог труда, а климатом – энергия и постоянства самого труда». Между тем, плодородная почва (через избыток порождаемого ею продовольствия) увеличивает народонаселение, а это, по Боклю, ведет к уменьшению заработной платы каждого работника. На юге пища более дешевая и требует меньших усилий для ее добывания. Отсюда – громадное население, нищета работников, невиданное богатство правителей.

Ландшафт, значение которого Г. Бокль особенно подчеркивает, «действует на накопление и распределение умственного капитала». Он различает *ландшафты, возбуждающие воображение* (различные виды «грозной природы»), и *ландшафты, способствующие развитию рассудка, логической деятельности*.

Ландшафты, возбуждающие воображение характерны для тропиков и близких к ним регионов. Это места возникновения всех древнейших цивилизаций: здесь преобладающее воздействие имели *силы природы*. Одни из них вызвали неравное распределение богатства, другие – «неравномерное распределение умственной деятельности, сосредоточив все внимание людей на предметах, воспламеняющих воображение. ...Вот почему, принимая всемирную историю за одно целое, мы находим, что в Европе преобладающим направлением было подчинение природы человеку, а вне Европы – подчинение человека природе».

Разумеется, и набор из четырех факторов, и ландшафтный геодетерминизм Бокля имел целью возвеличить Великобританию. Здесь он ничем не хуже Гегеля, прославляющего тем же способом совершенства Пруссии.

Понятие «среды» и ее влияние на менталитет

Французская социально-географическая школа, о которой мы пока говорим только попутно, оказала влияние на эстетику и именно этим нам интересна. Так, историк **Жан Батист Дюбо** создал «теория среды». Основным *фактором развития искусства* он считал *климатические условия страны*. Монтескье, кстати, таковыми считал экономические и социальные факторы, обусловленные, в свою очередь, теми же географической средой и климатом.

Ипполит Адольф Тэн расширил понятие «среды» (*milieu*), рассматривая ее как совокупность ряда факторов. Это неизменные климатические и географические условия страны, с другой стороны – характер расы, государственного устройства и «**моральная температура**», или «**состояние умов и**

нравов» данной эпохи. Географическая среда, по Тэну, определяет, например, характер живописи: «линейный» на юге и «колористический» на севере.

Этот ракурс интересен нам хотя бы потому, что затрагивает коммуникационную деятельность и эстетические средства выражения. Мы посвятили им специальную работу «Эволюция видения». Отметим, что такие средства непосредственно связаны с менталитетом (калокагатическое единство эстетического и этического). Они развиваются закономерно, что позволяет считывать менталитет в потоке художественных образов в истории. А потому определенные особенности менталитета («моральная температура», или «состояние умов и нравов») несомненно могут быть связаны с топосом (жизненным пространством) социальных общностей.

Воля (эгрегориальная программа)

Анализ природных и географических факторов в их связи с социальным бытием русского человека и его историей широко использовали и русские историки Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.П. Щапов и др. В целом российский вклад в развитие геополитики интересен тем, что влияние географического детерминизма на наших ученых было минимальным, а выводы – оригинальными.

Б.Н. Чичерин рассматривая особенности нашей страны, выделял такие характеристики, как обширность территории при ее малой заселенности. На этой территории наблюдается однообразие и простота занятий населения. А если говорить о внешнем мире, то это постоянная угроза нападений – и обширность тому причиной. Это обусловило особое значение не географического фактора, а ***волевых, духовных качеств народа***. Не благодаря природе, а во многом вопреки ей русский человек «выходит на арену мировой истории». Такие условия вызвали жизненную потребность в крепкой центральной власти, но она, как известно, установилась далеко не сразу.

Влияние идей географического детерминизма заметно в исследованиях выдающегося русского историка В.О. Ключевского. «Начиная изучение

истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, – природу его страны». Но Ключевский на этой очевидности не слишком задерживается и пишет следующее: «...человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов и связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы». Такое троичное понимание, согласитесь, уже далеко отстоит от примитивного географического детерминизма.

Немалое внимание географическим условиям в развитии России уделил и С.М. Соловьев. Так же как и Чичерин, он отмечал *географическую предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности*. Возглавить объединение русских земель и создать крепкое централизованное государство суждено было Москве – и как раз благодаря особенностям ее географии и природы.

В природно-климатических условиях России (в ее центральной части) Соловьев увидел решающий фактор, повлиявший на *характер деятельности и форму организации населения*. Как сейчас говорят, здесь зона рискованного земледелия. Поэтому население могло прожить на этой территории, только обладая такими качествами, как *упорство и твердость*. Благоприятная среда жизни западноевропейских народов не идет ни в какое сравнение с жесткими природными условиями Центральной России. В неравенстве начальных условий развития Соловьев видел естественные причины отставания России от Западной Европы. Русскому народу пришлось вести жестокую борьбу за выживание и отвоевывать жизненное пространство у природы, что наложило отпечаток на весь уклад его жизни.

«Суша - Море» и их граница

Аристотель в «Политике» дал интересную оценку достоинств Крита, позволивших ему возвыситься. «Остров Крит, – пишет он, – как бы предназначен природой к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны, он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой – от Азии, именно от Триопийской местности и Родоса. Вот почему Минос и утвердил свою власть над морем, а из островов одни подчинил своей власти, другие населил...». Этот отрывок демонстрирует, что уже древние греки хорошо понимали геополитические плюсы и минусы морских и континентальных цивилизаций.

В Новое время Карл Риттер обосновал идею иерархического деления карты мира на **континентальную (сухопутную) и морскую (водную) части** в рамках единого глобального пространства. Он не только разделил Землю на сухопутную полусферу и полусферу водную (морскую), но и представил в виде большого полукруга **границу между ними**, проходящего в Южной Америке через Перу и затем через южную часть Азии.

Две оси

В рамках континентальной полусферы Риттер выделил два больших региона: Старый Свет и Новый Свет. Первый, вследствие своего распространения **с востока на запад**, обладает заметным климатическим однообразием. Второй же, наоборот, по причине своего расположения **с севера на юг** отличается большим климатическим разнообразием. Это различие, по его мнению, оказало существенное воздействие на характер населяющих каждый регион народов и на их взаимоотношения, в каждом аспекте человеческой жизни.

Наличие этих двух осей и связанные с ними особенности цивилизационного развития следует рассмотреть впоследствии особо.

Три периода «водной истории»

К. Бэр впервые обстоятельно показал **значение рек в распространении цивилизации**. Последователем Бэра и наиболее видным представителем русской географической школы социальной мысли был **Лев Ильич Мечников**. Главное его произведение «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современного общества» было опубликовано посмертно в 1889 г.

В этой работе изложены оригинальные геосоциологические идеи Мечникова, о которых мы частично уже писали. Но здесь мы поговорим о его геополитических воззрениях. Ученый видел основу исторического развития прежде всего *в гидросфере*, и не столько в ней самой, сколько в ее использовании в качестве средства коммуникации. Его явно интересует тот рост мобильности, который мы отмечали еще в начале наших рассуждений. По Мечникову именно водные пути оказывают гораздо большее влияние на развитие общества, чем другие компоненты среды. Он рассматривает, что именно составляет *основу той или иной цивилизации* – река, море или океан, – и делит историю человечества на три периода:

«1) речной, охватывающий четыре древних цивилизации (Египет на Ниле, Месопотамия на Тигре и Евфрате, Индия на Инде и Ганге, Китай на Янцзы и Хуанхэ); отличительные черты этого периода – деспотизм и рабство;

2) средиземноморский, или средневековый (с основания Карфагена до Карла Великого), характеризующийся крепостничеством, подневольным трудом, олигархическими и феодальными федерациями;

3) океанический, охватывающий Новое время (с открытия Америки); этот период, по Мечникову, только начинается; в нем должны осуществиться свобода (уничтожение принуждения), равенство (ликвидация социальной дифференциации), братство (солидарность согласованных индивидуальных сил).»

При этом следует помнить, что перед нами убежденный анархист и критерии он выбирает исходя из своего понимания свободы.

Исторические циклы «кочевники – оседлые» (динамика- статика)

В Средние века уже упоминавшийся Ибн Хальдун предложил оригинальную для своего времени идею исторических циклов. По его мнению, в странах с умеренным климатом основной силой политической истории является **энергия кочевых народов**. Они обладают физическим и моральным превосходством над оседлым населением, а особенно перед горожанами. И понятно почему – у них более суровые условия жизни, выше социальная мобильность и сильнее организованность.

Исторический цикл начинается, когда кочевники захватывают страну с оседлыми жителями, образуя империю. Потом в течение нескольких поколений правители из кочевников ведут оседлый образ жизни, при этом они постепенно утрачивают свои сильные мобильные качества, и в результате политическое правление в империях ослабевает. И тогда из степей и пустынь появляются новые волны кочевников-завоевателей. Таким образом, история входит в свой новый цикл и – повторяется.

В этих взглядах некоторые видят начало чуть ли не русских «евразийцев», и даже намек на теорию Л.Н. Гумилева. Но скорее следует кивнуть в сторону сэра Х.Д. Макиндера, который по тому же признаку «динамичности – статичности» развел морские и континентальные цивилизации.

Социальная география

Эдмон Демолен, социолог из Франции, в 80-х гг. XIX века изучал социальные условия жизни групп сельского населения, и проводил сравнительные исследования быта горняков и фабричных рабочих ряда стран (например, Франции и России). Обобщая свои взгляды, он выдвинул **идею социографии (социальной географии)**. Его интересовал аспект влияния местных условий жизни на образование «общественных типов».

Довольно скоро этот предмет – социогеография – становится разделом социологии, которая анализирует географический аспект социальной жизни конкретных общественных групп. Она рассматривает пространственное распространение, территориальные различия и влияние деятельности человека на окружающую среду.

Важный вклад в социогеографию внесла **Амстердамская социологическая школа**, которая также видела задачу социогеографии *в изучении географического контекста жизни социальных групп*.

Р. Штейнметц в 1913 г. уже понимает предмет социогеографии предельно широко – как *полное описание жизни народа той или иной эпохи*.

Но это были социологи, которых интересовала именно социология. Между тем на этот двухсоставной термин (социо – география) можно было посмотреть и с обратной стороны, что и проделал Видаль де ла Блаш. Он усматривал *цель социальной географии в анализе ландшафта*, представляя его как «открытую книгу», которая позволяет выявить способ жизни тех или иных человеческих коллективов.

Тот же взгляд со своей спецификой присущ Л. Февру, который обращал внимание на отличие *социальной морфологии*, изучающей то, как географически выражено *социальное состояние*. Близкой точки зрения придерживался **М. Сорр**, считавший, что предметом социальной географии *является экстерииоризация (овнешнение) деятельности человека в предметах ландшафта*. **Реклю Жан** – представитель той же французской школы социогеографии, признавал влияние внешней среды на общество, но отнюдь не был географическим детерминистом. Большую роль он отводил человеку и сформулировал три закона социального развития, один из которых декларировал преобладающую роль личности в обществе. Для него главной социальной проблемой являлась именно свобода личности.

В итоге социогеография постепенно включила в себя весь круг возможных взаимоотношений человека, общества и природной среды во множестве аспектов и связей:

- отношения человека и пространства, роль пространственно-географических факторов в социальной жизни,
- отношения между населением и территорией,
- аспект влияния человека и его деятельности на природный ландшафт,
- социальное пространство,
- зависимости социальной жизни от окружающего природного мира,
- влияние освоения природы на развитие внутриобщинных и межобщинных связей и т.д.

2.3. СКЛЕЙКА ПОНЯТИЙ У ОСНОВАТЕЛЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Пройдемся теперь по нашей базовой схеме геополитики и обозначим доминанты:

АБИОСФЕРА

1. Доминанта геосферы (абиосферы Земли):
 - расположение (север – юг, восток – запад, верх – низ = горы – долины и т.п.),
 - минеральные и другие естественные ресурсы (нефть, газ, торф и т.д.),
 - плодородие почвы,
 - возможности сухопутной коммуникации (и т.п.)
2. Доминанта гидросферы (Воды):
 - водные ресурсы (питьевая вода, вода для полива),
 - вода как источник биоресурсов для питания,
 - вода как фактор среды обитания (влажность-сухость),
 - водные коммуникации в разновидностях (и т.п.)
3. Доминанта атмосферы (Воздуха):
 - пригодность для дыхания (пыльность, влажность, разреженность и т.п.),
 - воздух как источник биоресурсов для питания (горная флора и фауна в отличие от равнинной и т.д.),
 - воздух как среда для коммуникаций (и т.д.),
4. Доминанта огня (Солнца). Место на планете и климат.

БИОСФЕРА

5. Доминанта источников питания и (флора и фауна), рацион,
6. Доминанта демоса (популяция людей) – этноса (биосферы) и далее,

ОБЩЕСТВО

7. Доминанта техноса (способ производства, технологические уклады и т.д.)

8. Доминанта культуры:

- ценностное (например, моральное) содержание культуры,
- выразительно-организующая форма культуры: традиции, ритуалы, мифы как способы культурной организованности гражданского общества,

9. Доминанта машинной организованности общества:

- машины государства (и политики),
- машины религии,
- машины ТНК (большие организационно-технические системы).

10. Доминанта мышления и интеллекта как человеко-семиотической машины.

Аспекты геополитики часто задают и **по типам деятельности**:

- экономика, включая финансы (производство, преобразование),
- мораль, нравственность, этика (ценностно-ориентационная деятельность; шире – это проявленный менталитет),
- искусство, СМК (коммуникативная деятельность, общение),
- потоки идей (познание, ноосфера).

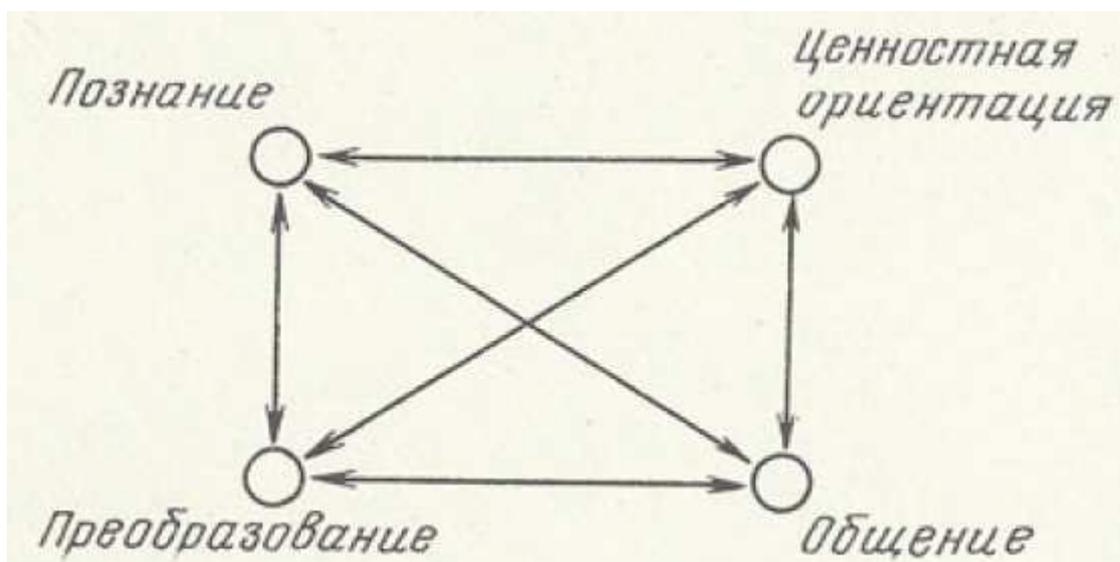

Рис. 9. Типы деятельности по М.С. Кагану.

В предыстории геополитики последовательно осваиваются модели связанности топоса со всеми выделенными здесь уровнями. А идея геодетерминизма акцентирует эту связанность без особой заботы о том, чтобы выстроить какую-то *закономерность*. Между тем она очевидна, и мы поговорим об этом в данном тексте. Изначально ее можно свести к схеме:

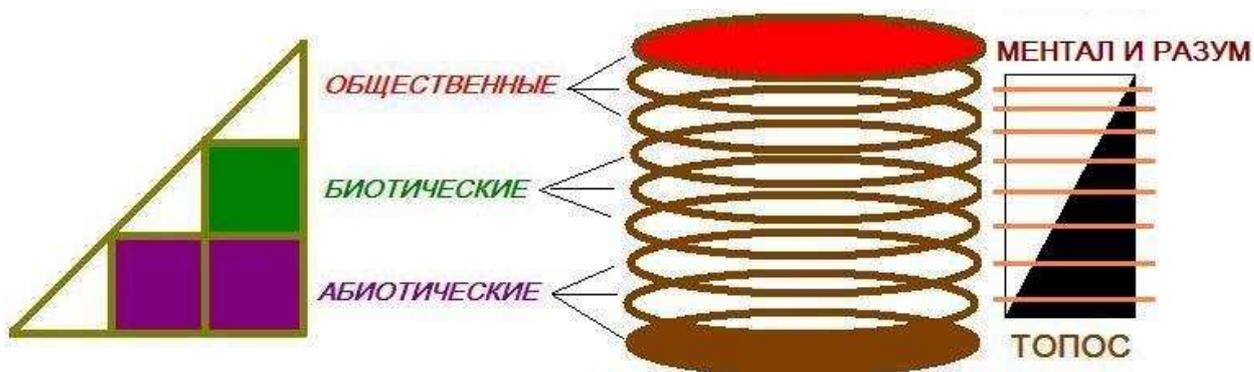

Рис. 10. Уменьшение связанности (зависимости) факторов от топоса.

В науке, соответственно, обозначаются физическая география, экономическая география, социальная география и многое другое. Если уж быть последовательным, экономическую и социальную географию следует признать частью *общественной географии*. Как и «политическую» географию. Ведь политика, как мы уже отмечали – это разновидность управленческой деятельности в обществе, имеющей два контура.

Вообще-то, предназначение «политической географии» к современному пониманию политики отношения не имеет. Речь в ней идет скорее о менеджменте (на уровне государства, территорий и т.д.), а география (гео) выступает как описание ресурсов такого менеджмента. Но термин «политика» в романских языках часто используется как синоним управления. С этого, кстати, уже можно начинать разговор о Ратцеле.

В рамках политологии, что характерно, *геополитика* выделяется как отдельная отрасль политологии. Например, именно такова ее роль в ряду пяти аспектов политики у Р. Челлена:

– кратополитика (формы правления и власти в соотношении с проблемами права и социально-экономическими факторами);

- социополитика (социальные аспекты Государства);
- экополитика (Государство как экономическая сила);
- демополитика (динамические импульсы, передаваемые народом Государству; аналог «Антропогеографии» Ратцеля);
- геополитика (географический организм в пространстве).

Мы переходим к автору, которого все считают подлинным «отцом геополитики, хотя сам Ф. Ратцель этого термина в своих трудах не использовал, а писал о политической географии. Но он проделал одну очень важную мыслительную операцию, сменив «рамку» по отношению к своим предшественникам. Его предшественники честно хотели оставаться в рамках естествознания, причем физико-химического, что в политологии уже вряд ли было возможно – общество не тот объект. Ратцель пошел по пути социал-дарвинизма: он придает государству (социальным общностям) характеристики живого организма.

В построении, которое мы привели первоначально, на абиотическое основание (**абиосфера**) поставлен биотический мир: флора, фауна, демос (популяция людей, подчиненная **биосфере**). Над ними надстраивается **общественная сфера**, имеющая свои законы существования. Поэтому аналогия между машиной государства и организмом – частью биосферы – вообще-то ложная. Но почему она у Ратцеля местами так убедительна? А потому, что в случаях с органической аналогией пишет он вовсе не о государстве, а об *эргоре социальной общности* на определенной отграниченной территории. И это порождает правдоподобие, подмена терминов не видна.

У Ратцеля прослеживается ряд важных для него терминов: «пространственный смысл», «чувство пространства» (sinn) и «Жизненная энергия» (Lebensenergie). В двух «полевых» работах он специально рассматривает «чувство пространства» у американцев. Все эти термины – из теории менталитета, поскольку *смысл, чувство, энергия* – это калокагатические понятия, присутствующие только по отношению к ментосфере.

Коротко говоря, Ратцель как социолог не разводит до конца два способа управления – ментально-культурный и машинный, и не вводит для себя различия ментосферы и ноосферы. Наоборот, у него наблюдается «склейка» этих понятий, весьма характерная для ранних этапов науки.

Ну а поскольку мы это различаем, то можем отделить зерна от плевел и сказать: местами Ратцель верно описывает поведение больших групп людей на территории, объединенных общим эгрегором (и в силу этого – общим менталитетом). Это имеет отношение к этносу и чуть меньше к народу, но уже к нации и, особенно, к машине государства это может не иметь вообще никакого отношения. Особенно явно это стало в XX веке, в котором возникли такие проектные общности как в гитлеровской Германии и особенно у нас в СССР – «советский народ». Мы писали об этом на АТ.

Но что действительно верно, так это то, что *большие эгрегоры продолжают жить по законам биосферы*, поскольку модифицированный мышлением эгрегор все равно продолжает жить по законам эгрегориального мира. Эгрегор есть «энергетическая форма жизни», и как форма жизни, он подчинен многим законам форм жизни. Ратцель, несомненно, наткнулся на это – и не он один, но в момент, когда в истории общества ноосфера начинает выходить на доминирующие позиции по отношению к ментосфере. Мы многое про это написали, а здесь отметим: исторически конец XIX века – это момент «перелома графика» истории. Конец полной власти ментосферы (что выразилось в невиданном расцвете тогда гуманитарной культуры) и начало доминирования ноосферы-техносферы (инженерия всех видов, искусственно-технический подход, технократия и т.д.).

В этом и состоит парадокс учения Ф. Ратцеля и его историческая судьба. Он был ученым, а использовали его учение инженерно. Ведь геополитика это идеология + инженерия. Идеология в руках харизматических лидеров, инженерия в руках политтехнологов, работающих топ-менеджмент.

Ф. Ратцель как системогенетик

Без Ратцеля развитие геополитики было бы невысказано, поэтому Челлен, например, или кто-либо другой не может быть назван, как это иногда случается по невежеству, отцом геополитики. Им является Ратцель.

О. Мануэль.

Я уже неоднократно говорил, что любой творец – в науке и в искусстве – обязан сделать синтез всего самого существенного и интересного, что есть в его времени. Например, в музыке Битлз синтезируются самые невероятные тенденции их эпохи – и потому она приобретает такую многослойность и объемность, оставаясь популярной по сей день. В работах Ратцеля и Шпенглера то же самое – они постоянно переиздаются, не теряя своей оригинальности, хотя ошибочность их исходных положений уже давно «перейдена» наукой. Но интересна в них живая поисковая активность людей, которые прямо у нас на глазах производят синтез многого, получая новое целое. Они оба талантливые литераторы, как и А. Бергсон, их образы все еще живут и будут жить сами по себе – независимо от неистинности учений.

Исходные компоненты синтеза. Подход к новой науке был обусловлен во-первых, генезисом Ратцеля как ученого: в молодости он прослушал курсы *геологии, палеонтологии и зоологии*, затем продолжил академические занятия в русле *демографии* и окончательно вырос на исследованиях по *этнологии*. После чего Ратцель преподавал *географию* но при этом интересовался и *политикой*, как все утверждают, «занимая националистические позиции». В его теории есть следы всех этих влияний, явные или неявные, но есть. Например, Ратцель переносил в социальную область закономерности развития не только животного, но и растительного мира. Он использовал и развил миграционную теорию М. Вагнера и т.д.

Организмизм. Стоит отметить, что на Ратцеля несомненно повлиял популярный в тот время в Германии организмизм. «Органический» подход в рамках немецкой научной школы был широко распространенным явлением:

можно назвать хотя бы Г. Рюккерта и его «Учебник мировой истории в органическом изложении», вышедший даже в России в 1857, или «органическую социологию» Ф. Тённиса («Община и общество»). Эта традиция оказала явное влияние не только на основателя геополитики, но и на О. Шпенглера – его учение из той же «органической» серии, хотя куда более вольное в интерпретациях.

Основной канонический постулат Ратцеля: государство есть организм в пространстве. В системном понимании – в среде.

Из органицизма же проистекает и основной временной тезис Ратцеля: государство рождается, растёт, умирает, подобно живому существу. По сути, он говорит о цикле, *жизненном цикле системы* под названием «государство».

Что характерно, политически ангажированный автор, может и помимо воли, но выходит на оправдание немецкого экспансионизма. Цикл жизни государства рассматривается им через ряд стадий. И первая фаза после рождения – *фаза экспансии*, абсолютизируется Ратцелем без особых обоснований, на основе простой аналогии с молодыми организмами. А немецкое государство – вот оно, только что возникшее в середине века. Хотя этого никак нельзя сказать о немецком народе, история которого значительно старше собранного Бисмарком государства. Напротив, во времена Гитлера превозносилась именно древность и устойчивость национальных корней. Здесь-то и проявилась та «склейка» двух разных понятий (ментальное управление в культуре и машинное управление в цивилизации), которую Ратцель изначально не различает. Вот почему **недостовверным является основное предположение Ратцеля, что пространственная экспансия государства – это естественный живой процесс, подобный росту живых организмов.** Напротив, все, что происходит в государственном управлении, особенно в XX веке, носит проектный, искусственно-технический характер. Да и всегда носило, хотя и в разной степени – управление в государстве по принципу рациональное.

Впрочем, о чем-то таком он догадывался. После знакомства с Северной Америкой и ее подробного изучения, у Ратцеля сложилось понимание, что американцы, говоря современным языком – проектная нация. В том числе и в отношении к пространству: они *действуют осмысленно*, а вот Старый Свет в своей истории *действовал стихийно и интуитивно*. Это очень важно отметить, поскольку он зафиксировал для себя то, что мы бы назвали «ментосферная» и «ноосферная» части истории. Но основные выводы Ратцеля этой фиксации не содержат, а зря.

И потому *идеология экспансии* в таком виде, как она изложена у Ратцеля – стала прекрасной дымовой завесой, чем политические лидеры всех мастей не преминули воспользоваться. И тогда обвинение коллег, что он написал «катехизис для империалистов», верно и по сути, и по форме.

Но важнее другое. Исходные понятия Ратцеля дальше перерастают создателя, выходят в область догм и раздуваются до невероятных пределов, особенно у Хаусхофера и Шмита. Об этом мы поговорим потом подробнее.

Говоря о пределах экспансии, Ратцель доходит до концепции «мировой державы» (Weltmacht). Большие страны в своем развитии имеют тенденцию к *максимальной географической экспансии, пределом которой является вся планета*. Но прежде развитие государства в пространстве должно подойти к «континентальной фазе». Он как бы предвидит объединенную Европу и американский планетарный глобализм.

Дарвинизм. Дарвиновские идеи были восприняты Ратцелем через Эрнста Геккеля, прямого ученика Чарльза Дарвина. Отсюда его очевидный «социалдарвинизм». Под влиянием дарвиновских постулатов, он и рассматривал государство как «живой организм, борющийся за свое существование». Хотя такого расширения сам Дарвин вроде никак не предусматривал.

Будучи сторонником целостного подхода, Ратцель рассматривал земной шар в единстве, и человека как его часть. Потому он считал, что *человек приспосабливается к своей среде обитания так же, как флора и фауна*.

Эволюционизм. На грани двух веков эволюционизм был мощным течением мысли, мимо которого Ратцель пройти просто не мог. На него несомненно оказало влияние учение английского социолога-позитивиста Г. Спенсера и ряда других эволюционистов его времени.

Мы уже упоминали, что корни «политической географии» Ратцеля следует искать в «социальной географии» К. Риттера, который установил основные связи топоса с обществом. Эволюционизм спенсеровского толка позволял довести гипотетические схемы геодетерминизма до широчайших обобщений, что Ратцель и продемонстрировал. Но в его эволюционных воззрениях следует разобраться особо. Цикличность – это одно, а связь циклов государств в истории, эволюционная связь – это другое.

Говоря о системогенетичности теории Ратцеля, следует разделить его учение о пространстве государства (топос) и его учение о пульсации организма (хронос). Пульсация людских общностей происходит во времени и пространстве, и если бы Ратцель подробнее развил временную составляющую своего учения, он может быть и перешагнул бы в XX век как методологически новый автор. Но он ее только обозначил парой мастерских мазков, не более того. И потому остался, хоть и системщиком, но автором XIX века.

Понятие-склейка «пространство» у Ратцеля

Зависимость между размерами государства и его «силой» отмечали многие геодетерминисты. И связь размеров пространства с управлением в государстве – тоже.

Но у Ратцеля «пространство» – отнюдь не территория, отграниченная границами государства, не физико-географическое понятие. Его «пространство» само есть политическая сила. Очевидно, что это его понятие – ментальное. И к государству имеющее только косвенное отношение. Взять хотя бы Россию – уж сколько «государств» на ней перебивало за один только век – аж три. При этом природные рамки, в которых происходит наша история, почти не изменились.

Если подходить с позиций менталитета, то достаточно развившийся народ непременно имеет свою «пространственную концепцию». Да и временную тоже: это просто те координаты ментального хронотопа, без которых его существование невозможно.

Но Ратцель говорит вроде как другое, привлекая циклическую модель: упадок государства есть *результат слабеющей пространственной концепции и слабеющего пространственного чувства*. Здесь опять натяжка – жизнь государства и «жизнь менталитета» у него склеились. Если вы, любезный читатель, внимательно пролистаете мою книгу на АТ «Эволюция пространствования», то заметите, что «ментальное пространство» циклически изменяется всегда и везде по одному и тому же закону. И при государстве, и до появления государств, а главное – помимо государства. Это ментальные циклы, а не циклы государств. Так, например, на территории Древнего Египта зафиксировано, по сути, три волны очень разной государственности с огромными многовековыми перерывами между ними. У них совершенно разные оттенки менталитета, и, тем не менее, – это один ментальный цикл со своей закономерностью. Тогда как их следует рассматривать по Ратцелю – как три государства, или как одно? Если бы он использовал понятие «цивилизации», было бы проще ответить.

В 1882 г. в Штуттгарте вышел фундаментальный труд Ратцеля «**Антропогеография**» («Antropogeographie»),

Здесь сформулированы базовые идеи геополитики:

- географические особенности территории связаны с демографией;
- географические особенности территории связаны с эволюцией народов и оказывают влияние на становление народов;
- географические особенности оказывают решающее влияние на культуру;
- географические особенности оказывают решающее влияние на политику.

Что характерно, он с позиций геодетерминизма идет по нашей схеме снизу вверх: топос – демос, топос – (этнос) народ, топос – культура (культурная организованность), топос – политика (государственная организованность).

Но связь географии и развития государства здесь на самом верху, и потому подтвердить ее вообще в достаточной мере ему так и не удастся, ни в том сочинении, ни в последствии. Эта гипотеза, принадлежащая, кстати, А. Геттнеру, так и не вышла за рамку гипотезы.

И хотя Ратцель сердито пишет в предисловии: *«Нельзя терпеть дальнейшего существования разницы между научной трактовкой вопросов физической географией и их ненаучной трактовкой политической географией»*, но подтвердить свой основной тезис ему на самом деле нечем. Если политическая жизнь государств обусловлена непосредственным воздействием географической среды, то откуда же такое разнообразие очень разных государств в истории *на одних и тех же географических местах?* Почему меняются эти государства, по какому сценарию? И т.д.

И Ратцель пробует ответить на ряд вопросов в следующей работе «Народоведение» (1893). Но ничего особо существенного, кроме факторов расположения народа на территории Земли и плотности народонаселения, он не обнаруживает. Из это тоже никак не следует, что география прямо связана с государственным управлением. Слишком много слоев-посредников между топосом и рациональным уровнем государства – они гасят эту связь, даже если она и очень сильная (см. рис. 2).

Сделаем свой вывод, и он противоположен выводу Ратцеля: степень обусловленности, если идти от топоса по уровням вверх схемы геополитики, падает и становится нулевой в случае с ноосферой (духовной сферой общества). Она *большая* на первых этапах истории в связке топоса с питанием и хозяйством, *поменьше* в случае связки топоса с демосом и этносом, *совсем ослабляется* связь топоса в случае с культурой и менталитетом (хотя еще

есть), и равна нулю связь топоса в случае с государством и особенно производством идей, с рациональностью.

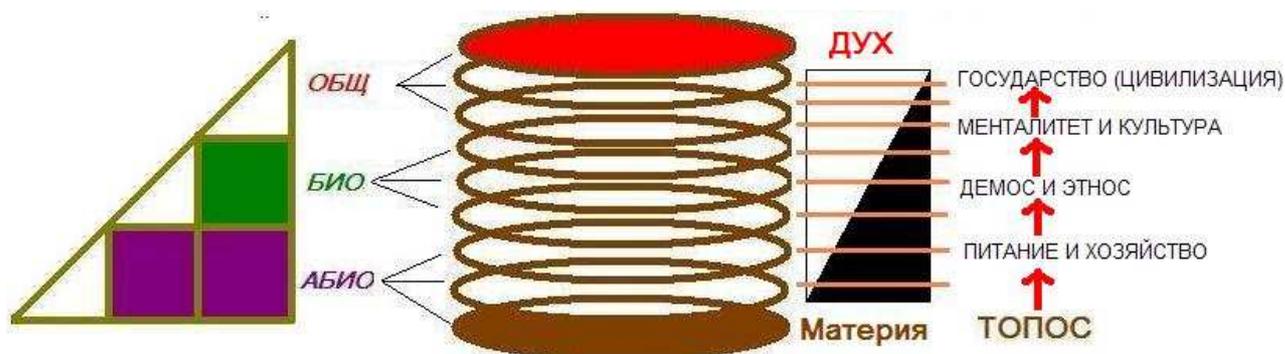

Рис. 11. Падение зависимости геополитических факторов от топоса.

Общепринятая точка зрения о том, что при приближении цивилизаций к Северу растет рациональная составляющая, да, имеет место быть в истории. Но это и понятно: если у вас мало одного ресурса (например, сырья и питания), вы будете пытаться компенсировать его другим (техникой и рациональностью). Характерный пример – Великобритания, почти не имеющая своих источников сырья, плодородных почв и т.д. Здесь в истории мы наблюдаем и взлет мысли, и рационализацию государства, и пространственную экспансию на этом новом основании – а не потому что «организм государства вошел в фазу экспансии». Организм был уже довольно старый.

Подвижность-неподвижность в развитии этносов Ратцель объясняет условиями их географического расположения на земном шаре. В какой-то мере это работавший в истории фактор, но не сейчас. И возводить его в абсолют даже в истории тоже не стоит. Хорошо бы по этому поводу получить простую и достоверную статистику – но ее как-то не наблюдается.

Ратцель пишет, что «...в большой плотности населения заключается не только прочность и порука энергичного развития народа, но и непосредственный стимул к росту культуры». И это не есть обязательно: плотность населения была наивысшая в Китае не один век, но скачок в новую эпоху НТР с новой культурой совершила Европа, а не Китай.

Ничего существенно нового из области идей не содержит и главный труд Ратцеля «Политическая география» («Politische Geographic»), который увидел свет в 1897 г. Характерно, что опубликован он век назад: именно это время отмечается всплеском геополитической научной активности и в Германии, и в Великобритании, и в России.

Зато мифологема Ратцеля – «государство является живым организмом», но организмом, «укорененным в почве» – здесь появляется в полном блеске. Отношений государства и земли доводятся до слогана: «Государство нуждается в земле, чтобы жить». И далее:

«Политическая организация территории превращает государство в организм, в который определенная часть земной поверхности входит так, что свойства государства оказываются составленными из свойств народа и территории. Важнейшими из этих свойств являются размеры, положение и границы, далее вид и форма территории с ее растительностью и водами и, наконец, ее отношение к другим частям поверхности».

Наблюдаете, читатель, или нет, но в этой цитате очевидна подмена: *политическая организация (государство)* на территории – штука сугубо рациональная, как показала история возникновения США. Ее спроектировала группа умных и опытных людей. И «превратиться» с этой стороны в «организм» по Ратцелю она никак не может – нет длительной истории, чтобы все «устаканилось». Хотя бы потому, что ни единого этноса, народа, ни новой нации на этой территории тоже пока еще нет, а вот государство уже есть. С чем должно складываться здесь влияние топоса? И есть ли оно?

И если выдвигается строго географический фактор, – поверхность Земли, то как объяснить, что до возникновения США эта «поверхность» никак не способствовала созданию столь же могучего государства индейцев? А они там прожили немало, куда больше пришлых европейцев и африканских рабов. Поэтому утверждение, что развитие государства и его форма без каких-либо промежуточных звеньев непосредственно зависит от территории, границ и пространственного отношения с другими государствами – это чушь.

Отсутствие схемы понятия «общества» у Ратцеля приводит его к топтанию на месте: по мнению Ратцеля, *государство совпадает с государственно организованным обществом и является выражением интересов всего общества* – это уже политический миф. Вот уж не сказал бы этого про наше общество и государство, где все наоборот: 95% общества голосует против, а государство как тот кот Васька – «слушает, да ест».

Сделаем вывод за Ратцеля: государство не есть организм, государство есть машина из людей. Органическая часть (но не государства, а общества) – это менталитет и культура, которые связаны с человеческим социумом (в форме этноса или демоса). Да, государство предназначено для защиты общих интересов, но от этого оно не перестает быть машиной из людей. Поэтому на самом деле Ратцель, говоря о нации, пишет о «национальном государстве»:

Рис. 12. Три компонента состава (в естественной парадигме).

Понимая эту неувязочку, Ратцель и дает свою классическую «склею»: определение «**нормального**» государства, органично сочетающего географические, демографические и этнокультурные параметры в отношении нации. Представим слово самому автору «Политической географии»:

«Государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все

более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений».

Уже из этого отрывка видно, что Ратцель последовательно развивает ряд тезисов:

- государство является живым организмом, «укорененным в почве»,
- оно рождается, растет и умирает, подобно всему живому;
- государство складывается из территориального рельефа и масштаба и из их осмысления народом;
- в государстве отражаются объективная географическая данность и субъективное общенациональное осмысление этой данности, выраженное в политике;
- земля (почва) является той неизменной данностью, вокруг которой вращаются интересы всех народов;
- история опосредована «почвой» и территорией;
- поскольку мы имеем дело с организмом, то пространственная экспансия государства есть естественный процесс; пространственное расширение и сжатие связаны с его внутренним жизненным циклом.

Из органицистского подхода автора явствует, что пространственная экспансия *государства* понимается Ратцелем как естественный живой процесс, подобный росту живых организмов. Но говорит он на самом деле не о государстве – машине из людей, строящейся рационально, а о менталитете и его носителе – народе, этносе, демосе. Здесь иррациональность, да, присутствует, а рациональность отсутствует. Все остальное у Ратцеля есть развитие и украшение этой ключевой логической склейки под названием «нормальное государство».

Через тридцать лет после его смерти Германия доказала, что «нация» – это рационально проектируемое образование, продукт политической техно-

логии. А тексты Ратцеля, весьма популярные и охотно издаваемые в нацистской Германии, выполняли в этом проекте роль образной идеологемы – морально оправдывали экспансию нацизма, обладая шармом «научности» (что так завораживало немцев, обожающих свою науку). В степени научности текстов Ратцеля никто тогда не сомневался, а вот отмеченный нами «недочет в понятиях» стоил народу Германии очень и очень дорого. Ведь на самом деле экспансионистский проект нацизма был сугубо рациональным государственным проектом кучки политиканов, дорвавшихся до власти. И к потребностям народа, его исторически сложившемуся менталитету, он не имел прямого отношения – хотя нацисты нашли, на что надавить в менталитете своего народа, чтобы резонировать с ним в лозунгах. Против рационального проекта, запомните это, *народ беззащитен*. Особенно, когда из него куют «нацию», где происходит искусственное сращивание народа и государственной бюрократии – и у нас было то же самое, и в США. Это образование никак не назовешь «естественным», хотя Ратцель именно эту подмену и допускает.

Вот почему немецкому народу пришлось затем публично покаяться в том, в чем этот народ не был виноват. Здесь мы сталкиваемся с соотношением политической «элиты» и «массы», если под массой понимать остальной народ. Ведь точно таким же образом Горбачев с его сподвижниками предал свой народ – и разве это наш народ в этом виноват? Не естественное развитие народа порождает проекты фашистов, мондиалистов и горбачевых. Здесь мы имеем дело с противоположной логикой, с другим контуром управления, который активизировался именно в XX веке: рациональные проекты политических элит в силу новой технологической оснащенности становятся значительно сильнее «естественных» закономерностей, которые, несомненно, были так важны в развитии этносов, народов и государств в прошлом. Но история, как мы считаем, кардинально изменилась на грани XX века, поэтому место моделей Ратцеля – в прошлом. Их не надо отбрасывать, их надо разбирать (декомпоновать), чтобы понимать их «проколы». Иначе очередные по-

литиканы и игривые теоретики снова будут ссылаться на них как на истину в последней инстанции.

Будучи ученым, Фридрих Ратцель не создавал «геополитики» – это сделали потом за него не в меру приткие ученики, обычно приближенные к власти. Но как политически озабоченный гражданин Германии, он очень хотел достучаться до власть имущих со своими идеями. И достучался-таки, хоть и после смерти. Вряд ли он порадовался бы результатам этого.

Его «политическая география» – вполне солидная наука в ряду подобных наук конца XIX века, очень быстро была редуцирована до «геополитики» XX века – особой разновидности инструментального рационализма для нужд политики. Геополитика нужна для получения прогнозов и проектов будущего. А здесь, на этом поле, «научность» и «истинность» моделей никогда и никого не интересовала – только политическая актуальность. Кстати, Ратцель это хорошо понимал.

Место геополитики с позиций хронополитики

История есть конический цикл, в котором нарастает ускорение общественных процессов. А во-вторых, на место «естественных» детерминант приходят «искусственные». Момент, когда создаются основные мифологемы геополитики – это момент перехода от длиннопериодных и среднепериодных циклов к короткопериодным. Это и есть историческое место моделей геополитики – начало XX века.

Рис. 13. Иерархическая система циклов в истории.

Поскольку это сочетается с ускорением общественных процессов и переходом доминирования к искусственным политтехнологиям, всерьез использовать теорию «естественных» детерминант, а это и есть геополитика по Ратцелю и его последователям, уже невозможно. Как мы видели в истории, у нас не только Никита Сергеевич баловался волюнтаризмом: проектирование и производство власти стало всеобщим в исторически доминирующих странах.

Между тем, развитие человеческих обществ на планете до сих пор крайне неравномерное. Поэтому к очень многим народам и даже государствам выводы ранней геополитики все еще применимы. Точнее, в эпоху глобализации нужно точно взвешивать степень «естественности» и «спроектированности» политики. А определить это иногда крайне трудно, поскольку политтехнологии успешно маскируются, памятуя опыт нацизма. В реальности мы всегда имеем разные пропорции естественного и искусственного.

2.4. ЭГРЕГОР ГОСУДАРСТВА

(Уроки Рудольфа Челлена)

Когда-то я взялся читать в вузе геополитику, чтобы просто познакомиться с этой таинственной наукой, ранее запрещенной в нашей стране. Если Вы думаете, что науку запретить нельзя, то ошибаетесь: у нас и сегодня полно запрещенных наук. Другое дело, кем именно запрещенных, и как.

Но вернемся к теме. Реферируя тексты, которые поясняли те или иные взгляды геополитиков, я понял, что авторы трактуют их обычно, не имея собственных моделей. Иногда бывает наоборот, – исходя из собственных моделей геополитики, хотя этот подход встречается крайне редко. Кто-то из германевтов хорошо сказал: прочесть чужой текст можно только своим. Это я и делаю в данном случае: наши модели были заявлены в предыдущих статьях.

В отличие от замечательных классических исследований, где присутствуют ссылки на все первоисточники, а их единицы и все они хорошо известны любому лектору, мы будем иметь здесь дело с интерпретациями – и не так уж важно, чьими. Важно, как существует в современной культуре «представление о» Рудольфе Челлене и его теории.

В очень-очень кратких пересказах типа словарных статей читаем:

- этот человек ввел термин «геополитика»,
- он был последователем Ратцеля,
- в политике он был германофилом, хотя сам швед,
- его выводы и модели применили нацисты.

Если этим и ограничиться, картинка получается смешная: германофил и последователь Ф. Ратцеля швед Р. Челлен ввел аж пять терминов в политологию, а прижился из них один – геополитика. И все, привет.

Но это, так сказать, для идиотов и шпаргалок школьников. Зачем оно им надо, непонятно, но именно так выглядят массовые сведения о Челлене в Интернете и массе книг. Мы же, по прочтению множества текстов и цитат, пришли к совершенно другой картинке, ее и опишем.

Напомним, что идеи «политического географа» Ратцеля вышли в свое время из лона «социальной географии», отпочковавшейся в конце XIX - начале XX веков от социологии. «Геополитика» Челлена тоже отпочковывается, но на этот раз *от политологии*. Это очень важно, поскольку ракурс уже совершенно другой: в лице Челлена перед нами не географ, и даже не столько ученый (хотя он доктор наук и профессор государственного управления), сколько политик. Он изучил *системы государственного управления, причем – для выявления путей создания сильного государства*. Поэтому его геополитика изучает не столько происхождение стран и государственных территорий, сколько способы создания империй.

Вообще в геополитике есть ученые, а есть политики и военные, и это две разные геополитики. Так вот Челлен пока что стоит посередине: он анализирует и строит модели, но по действиям и влиянию – это политик, причем, больше проектировщик.

Как политика (одно время депутат риксадага и влиятельного аналитика своей эпохи), Челлена все выкладки немца Ратцеля интересуют в прикладном аспекте: куда и как их можно приложить. Если вы когда-нибудь беседовали с настоящим масштабным политиком, то не забудете это взгляд: оценивающий вас с той же позиции – куда бы это можно приложить. Обычно, кладут под седалище, чтобы сиделось мягче.

Что касается геополитики, помните, еще римлянин Страбон поделит территории по принципу *политической актуальности* – вот и место вроде хорошее, но политически пустое. Потому-то ученые от Челлена не в восторге, а геополитики – напротив. И чем же это они хором восторгаются? Хваткой и нормативным характером большинства его текстов, где сплошь и рядом «необходимо, неизбежно» и т.д. Так пишет не ученый, а политический аналитик и проектировщик, каковым Рудольф Челлен и был. Именно этим он так пришелся по вкусу генерал-геополитику Карлу Хаусхоферу и Адольфу Гитлеру, который охотно вставил его проекты в «Майн Кампф».

Остается рассмотреть его понятия, идеи и проекты.

Идеи Юхана Рудольфа Челлена (1864–1922)

Органическая аналогия: Геополитика – наука о государстве как географическом организме (феномене), воплощенном в пространстве. Государство – это геополитическое существование определенного народа в определенном пространстве.

Эти тезисы он развивает в своей главной работе "Государство как форма жизни" (1916). К. Хаусхофер называл эту книгу произведением, в котором "теория геополитики развита наиболее ясно". Хотя на самом деле наибольшей ясностью отличается его работа **«Основные начала системы политики»**, вышедшей незадолго до его смерти. Туда он вложил все, что мог.

Теория цикла и пульсация государства: Государство – это организм, бытие которого сформировано историей. Государства рождаются и вырастают, увядают и умирают.

Они следуют закону роста, расширяя пространство (*«естественный и необходимый рост в целях самосохранения»*). *“...сильные, жизнеспособные государства, имеющие ограниченное пространство, подчиняются категорическому императиву расширения своего пространства путем колонизации, слияния или завоевания»*.

Социалдарвинизм: Между государствами действует естественный отбор. Государства борются за существование, они находятся в состоянии постоянной конкуренции друг с другом. Эта «борьба за существование» государств является борьбой за пространство.

Борьба за пространство для развития государственного организма подчиняется вечным законам природы.

Войны сопровождают рост государственного организма, и люди бессильны перед этим фактом. Большие государства расширяют свое пространство за счет малых. Критерии «справедливости или несправедливости» здесь неприменимы (**аморальность политики**).

Политики вынуждены пролагать путь этой естественной необходимости, и никто не вправе осудить их за это (**детерминизм политики**).

Теория пяти пальцев

О трех важнейших **факторах** в истории любого народа и государства говорили Монтескье и Конт. Немецко-шведские геополитики дополнили их, систематизировав основные факторы.

Начнем с того, что Челлен понимал свою «**политику**» как научное описание государства и стремился «объединить науку о государстве в одно целое». И он считал, что им «заложен фундамент и воздвигнуто здание там, где доселе имелись разве только развалины и единичные строительные камни».

Отсюда его теория пяти пальцев: как многоуровневая система, по Челлену, государство состоит из следующих **важнейших и взаимосвязанных жизненных сфер**:

- государство как географическое пространство;
- государство как народ;
- государство как хозяйство;
- государство как общество;
- государство как управление.

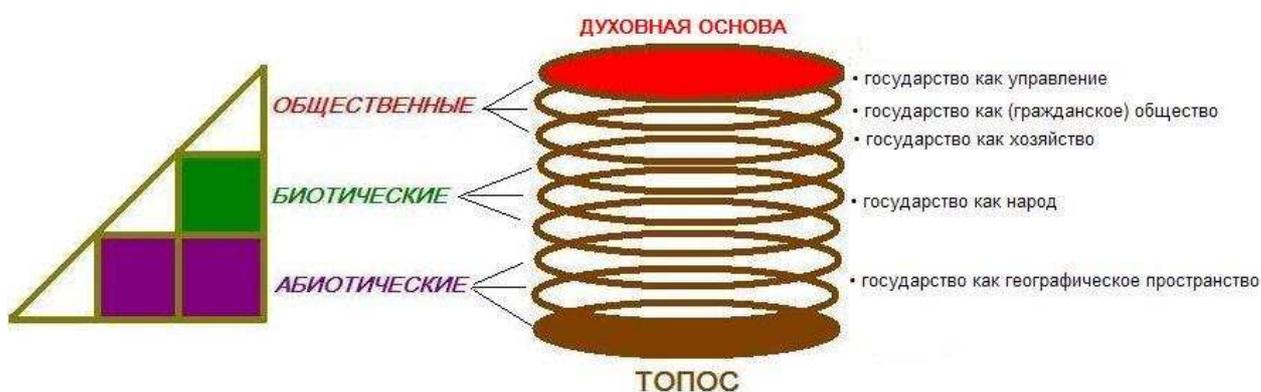

Рис. 14. Модель пяти факторов силы государства у Челлена.

Модель факторов у Челлена генетическая: они как бы постепенно складываются: почва, на которой государство расположено, есть его интегральная часть, почва и государство – единое целое. Это связь «ПОЧВА – ГОСУДАРСТВО», и есть географическая детерминанта. Ведь и Наполеон в свое время недвусмысленно заявил: «Ключ к политике государства – в его географии».

Далее он отмечает роль для государства народа, экономики, общества и форм правления. Это связь «ПОЧВА – НАРОД (демос) – ЭКОНОМИКА (хозяйство) – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО (форма правления, кратио).

Отсюда, помимо физико-географических признаков Ратцеля, у Челлена и появляются четырех других формы:

- хозяйственная (со своей специфической активностью), **экополитика**;
- народ со своими этно-национальными характеристиками – **демополитика**;
- социальное сообщество различных классов и профессий, **социополитика**;
- форма государственного управления со своей конституционной и административной структурой – **кратополитика**.

Термины, кроме «геополитики», оказались в основном неудачными и в науке не прижились. Но то, что стоит за ними, весьма интересно, поскольку на самом деле Рудольф Челлен предпринял первую попытку системного построения новой науки – **государствоведения**.

Возьмем для начала его **экополитику** – «экономическую политику», которая у него является частью науки о государстве. Термин применен им в совершенно ином смысле, чем это принято в экономической науке: там это не более чем прикладная дисциплина, изучающую практику экономики.

Что интересно, мы сегодня имеем дело с переводами (и чаще всего с немецкого), а в оригинале у Челлена это вообще другой термин: **Ockopolitik** – от *ockos* – дом (о теории дома-государства мы поговорим ниже). Своим предметом изучения она имеет хозяйственную жизнь государства (*der Reichslandhalt*). Что имеется в виду:

Эмпорополитика (от *emporoi* – крупные торговцы). Речь идет об анализе положения государства в мировом хозяйственном обороте: «какие у данного государства имеются данные для хозяйственного развития и с какими другими государствами у него имеются наиболее тесные отношения». Исторически сложившимся хозяйственным отношениям присуще определенное

постоянство. Например, существует хозяйственная зависимость одного государства от другого – и она может превратиться в решающий фактор всей политики государства.

Про **автаркополитику** (от *avtarkie* – самодовление) мы подробно поговорим ниже. Но суть ясна из названия: государство должно быть автономным, независимым в хозяйственном отношении. Только тогда оно способно вести столь же независимую внешнюю политику.

Наконец, **экономическая политика** (от *oekonomia* – хозяйство) изучает хозяйственную жизнь: «каково отношение народа к государственной власти к внешнему и внутреннему хозяйству государства, в какой степени они сознают слабые стороны этого хозяйства, обращают свои взоры на имеющиеся для их устранения возможности и обладают решимостью эти возможности использовать».

К числу наиболее актуальных он относит проблему *свободы торговли и протекционизма* и связанную с этим проблему колонизации (поиск новых источников сырья и рынков сбыта). Что бы, интересно, он сказал про ВТО? Это и так ясно из написанного им: сначала автаркия, потом ВТО.

Кстати, в состав **демополитики** у него входит **этнополитика** (от *ethnos* – племя), которая изучает положение населяющего данное государство народа с точки зрения его **племенного состава**, а именно – положение его среди других племен той же расы и среди других рас. Разноплеменные государства, а их большинство, анализируются им через обзор племенного состава населения государства.

Второе понятие в этом разделе – **плетополитика** (от *plethos* – число, масса, количество) изучает «тело народа» с позиций численности населения, физические свойства населения и его динамику. Ну и связь с почвой и хозяйством.

И третье – **психополитика** (*psyche* – душа). Она призвана изучать душу народа, его психологический облик и национальный характер – и все это «с государственной точки зрения». А вот это важно: предметом его пси-

хополитики является также и **деятельность государства в области морального и интеллектуального воспитания народа**. Речь, как мы видим, у него идет о целенаправленном формировании **эгрегора государства!**

Социополитика (*Sociopolitik*) изучает «государство как общество». Но тогда следовало бы дать определение «социума», «общества» и «государства», чего Челлен не делает ввиду отсутствия в то время подходящей науки.

Тут, как и в случае с экономикой, его новоязовский термин требует строгого отличия от «социальной политики», под которой и поныне разумеется и известная практическая деятельность и прикладная дисциплина с тем же названием. Что он имеет в виду, можно выяснить только в развертке.

Филополитика (от *file*, означающего у него «общественную ячейку»). Она изучает общественную форму, куда у него входит коммунальная организация и классовые организации (например, организаций рабочих). С нашей точки зрения, он имеет здесь в виду **гражданское общество**, его ячейки (типа семьи) и его политическое влияние.

Биополитика (от *bios* – жизнь) изучает «жизнь общества: дух, душу, систему». Кстати, и в наиболее развернутых сочинениях Челлена трудно понять, что он обозначает этим термином. Но это легко понять, если мы найдем ему соответствующее место на нашей схеме: влияние ментосферы.

Наконец, **кратополитика** (от *kratos* – властитель) изучает организованную государственную власть. Здесь также Челлен сетует на недостаточную развитость науки, которая не дает ему достаточно материала для начальных определений. Поэтому в ее составе он смог обнаружить только парочку аспектов.

Номополитика (*Nomopolitik* – от *nomos* – норма, правило) изучает форму или организацию государственной власти (как государственного строя, так и государственного управления). Она «она является наукою о формах государственной власти и охватывает правовые постановления и прочно существующие установления высшего и низшего порядка в отношении самого правительства и его органов».

Праксиполитика (*Praxipolitik* – от *praxis*, которым обозначалось государственное управление) непосредственно изучает «государственную жизнь» как деятельность государства через *«все факторы, в которых специально проявляется власть: управление юридическое, военное, полицейское и внешнеполитическое, со всеми сторонами их, которые не воплотились в формальную организацию, а, следовательно, и общие задачи государственных органов. Сюда, далее, относятся и практика работы законодательных учреждений, и внутренняя жизнь партий (их программы и т.д.)... Наконец, сюда равным образом относится и крупный вопрос об образовании правительства, т.е. важнейшая из всех функций в пределах осуществления власти»*.

Архополитика (*Archopolitik* – от *arche* – власть) – изучение границ государственной власти, а также прав и обязанностей граждан. Имеются в виду *свободы*: свобода совести, печати, собраний и прочие права граждан, и *гражданские обязанности* (уплата налогов, воинская повинность, обязательное школьное обучение и т.д.).

Логическая схема учения Челлена такова: на первом уровне понятие государства модифицируется на пять представленных компонентов, а затем каждый из них разбивается на три модуса второго уровня: данная сторона жизни государства 1) *по отношению к внешнему миру*, 2) *с точки зрения формы*, 3) *с точки зрения содержания*. Что интересно, в его 15-ти модусной схеме некоторые элементы отсутствуют (нет соответствующих наук). Но перед нами больше аналитик и политик-реалист, чем теоретик. Поэтому его гораздо меньше интересуют определенные неувязки в архитектонике его теории, чем «накрытие» реальности жизни государства набором понятий его учения. В целом его совокупность понятий эту самую реальность жизни государства покрывает, хотя пользоваться ими в полном объеме последующая наука не пожелала. Интересно было бы увидеть, что использует нынешнее государство, какова его архитектоника.

Учитывая всю эту развертку, мы схему понятий Челлена вполне можем наложить на нашу базовую схему общества:

Рис. 15. Пять взаимосвязанных понятий политологии Р. Челлена.

Что касается верхней части схемы (нашей *надсистемы* «ментосфера – ноосфера»), то, по Челлену, государства в истории являются, подобно людям, *чувствующими и мыслящими* существами. То есть, речь идет, хоть и в рамках аналогии «государство = человек», о ментосфере (*чувствующие*) и ноосфере (*мыслящие*). Это уже достаточно сильно отличает модель Челлена от органической модели Ратцеля, где государство – это скорее животное и растительное («государство... связано с определенным участком земли, из которого оно высасывает пищу»). У Челлена государство – это почти высшая форма жизни («наиболее импозантные формы жизни»).

«Да пребудет с нами Сила»

Ведущим понятием в модели Челлена является «**сила**» государства. И эта его «сила» – более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон, так как «закон поддерживается только силой».

Что характерно, здесь его взгляды полностью совпадают со взглядами Отто Эдуарда Леопольда фон Шенхаузен Бисмарка, поскольку его политическое кредо: «**Сила преобладает над правом!**» Они совпадают и в том, что Бисмарк утверждал, что он будет бороться с либерализмом до последнего своего вздоха. Мало кто догадывается, но у этих двух политиков несомненно учился и товарищ В.И. Ленин – настоящий прагматик и хороший аналитик.

В свое время на Р. Челлена влияние оказали такие немецкие историки, как Леопольд фон Ранке, автор «Великих сил» (1833г) и Гейнрих фон Трейчке. Они-то и рассматривали **государство как личность, сущность которого – все та же сила**. Взгляды фон Трейчке перекликались со взглядами Гегеля на международное право, выраженными им в «Философии права».

Что мы имеем в этом случае на самом деле? Конечно же, источник «силы» – это эгрегор государства. А Закон – его мыслительное оснащение. Хотя «закон» в понимании Челлена – это нравственно-рациональный регулятор в государстве, и это тоже – «склейка» понятий, неразличение двух контуров управления. Геополитику на основе рационального закона потом придумает юрист империи Карл Шмитт.

Рис. 16. Полный набор понятий политологии Челлена.

Регуляторы государства в виде ценностных (в т.ч. нравственных) и юридических норм – это два контура управления в обществе. А понятие «сила», относящееся к эгрегору, привязано здесь к государству искусственно. Мы можем и в первобытности обнаружить «силу» догосударственных общностей людей. Если идти по нашему внутреннему контуру, то это понятие связано с биосферой, человеческим социумом (этнос, демос), и гражданским обществом. Но никак не с государством. А вот мысль Челлена, что без силы

и закон не работает, нам близка. Это так, и это хорошо понятно любому русскому и любому китайцу.

Понятно, что «каждый народ заслуживает своего правительства» – и государства, но это и есть основа «склейки» понятий из разных контуров управления. И тогда Челлен не прав: не «государство» – живой организм, а эгрегор народа (демоса, населения). Это он обладает искомой **силой**, которая дает или не дает естественный органический импульс. Это прекрасно видно в теории этногенеза Л.Н. Гумилева.

Совершенно очевидно, что и Гитлер, и Сталин это понимали и с этим работали. Так что схватка народов и государств происходила не только на земле и в мире видимом, но и в невидимом мире *больших эгрегоров* (эгрегоров больших и устойчивых человеческих общностей).

Базируясь на этой своей склейке, Челлен утверждал, что государство – это не организация, преследующая всякие там глупые цели типа улучшения жизни своих граждан, материального и духовного прогресса и т.д. Это либералы видели роль государства как «пассивного полицейского» и ночного сторожа, а у Челлена оно активно преследует поставленную цель. И эта **цель** – **сама в себе**, ибо она есть по истоку естественная необходимость, натуральная детерминанта истории.

При таком воззрении нужно проектно привести управление государством к минимально прагматическому: поэтому-то Челлен и выступал за устранения парламентаризма и цезаристскую концентрацию власти (установление императорской власти). Власть «не должна напрасно носить меч».

А почему, собственно, он этого так жаждал? А по ситуации: он ведь непосредственно наблюдал переход капиталистического способа производства от свободной конкуренции в государственно-монополистический капитализм. А тут на уровне государства не до шуток и парламентских дебатов – только диктатура (даже вольнолюбивые греки призывали тиранов, если припекало), особенно в условиях увеличения государств и их беспощадной конкуренции в борьбе за пространство и ресурсы. Тем самым Челлен пред-

восхитил не только передел мира в мировых войнах, но и установление ряда диктатур в странах просвещенной Европы (да и вне ее).

Что касается категории «сила» и стоящего за ней эгрегора данного народа на своей территории (в своем жизненном пространстве), это правомерная и плодотворная гипотеза, если только не примешивать к ней «государства». Но она наша, а не Челлена. Мы «расклеиваем» то, что у него «склеено».

Аккумуляция «силы», концентрация «силы» народа – все эти действия хорошо видны во внутренней политике и Сталина, и Гитлера. Напротив, у французов перед второй мировой войной была одна из лучших в техническом отношении и самых больших армий (признак как раз государства), но наблюдалось полное отсутствие этой самой «силы». И страна рухнула как картонный домик, не помогли ни хваленые линии обороны, ни французский гонор и технический блеск.

Это урок нам сегодняшним: нечего уповать на сохранившиеся горы оружия и исключительные свойства русской техники. Совершенно очевидно, что у нашего народа сейчас целенаправленно **откачивают эгрегориальную энергию**, эту самую «силу». На сайте АТ об этом масса статей, но что от того проку, если на экран уже выплыл Суворов со своим «Ледоколом» и вместо благодарности за Победу нам предлагают посмеяться над придурком Сталиным и людоедом Жуковым и потом покаяться за свое варварство и тупость в прошлом. Надо полагать, перед теми, кого мы победили, положив три десятка миллионов людей, и кто пришел к нам с мечом? Народ, лишенный этой самой «силы», – это даже не население, а «электорат», он вскоре продаст оружие своих предков как металлолом, даже если оно вполне действующее. Из него вынули стержень, откачали его силу телеящиками и прочей дешевой.

Основываясь на «силе», Челлен вводит понятие **пространства, обладающее осевым динамизмом**. Оно крайне важное и снова-таки эгрегориальное, поскольку речь идет *о векторе*. А вектор возможен только в менто-сфере, сфере обитания эгрегоров, сфере ценностей и – целей. Вот теперь по-

нятно, почему у Челлена государство имеет свою *априорную цель*: не о государстве он говорит, а об эгрегоре народа (обладающего машиной государства). Отсюда пространственный смысл, отсюда априорная цель, отсюда вектор. То бишь, *осевой динамизм данной территории*.

По Челлену, Германия в контексте Европы является пространством, которое обладает **осевым динамизмом**. И оно призвано структурировать вокруг себя остальные европейские державы.

Исходя из этого, он и разработал теорию “геополитического устройства Европы”. Германия, расположенная в сердце европейского континента, представляет собой, сознательно или несознательно, Европу как континентальный блок. Главной задачей Германии является формирование большого центрально-европейского “комплекса” (“Срединной Европы”), объединение Европы под эгидой Германии.

Осознавая слабость скандинавских стран перед лицом потенциальной внешней угрозы, он **предлагал создать германо-нордический союз во главе с Германской империей**.

Хаусхоферу оставалось только применить все эти построения по отношению к интересам Германии того времени. И потому он известен не только как генерал и ученый, но и как крупный эзотерик и оккультист. И потому Гитлер даже не скрывал, что нацизм создает новую религию, которая черпает энергию в мире эгрегоров. Как пишут современные исследователи, нацисты затратили на создание своих эзотерических технологий по концентрации и активизации «силы» столько же, сколько американцы на ядерный проект. И им удалось вызвать при помощи этих технологий психофизиологический взрыв энергии народа небывалой мощности. Но это особая история, хотя она прямо по теме.

В итоге понятно, почему наши словари писали и пишут о Челлене, что он идеолог шведского консерватизма, шовинист, германofil, милитарист, один из идейных вдохновителей германского нацизма. Это все правда и это все ложь: он просто реальный политик и патриот своей Швеции, который

анализирует ее положение как государства во времени и в пространстве. Так сложилось, что по его понятиям к друзьям он смог отнести Германию, а к врагам (хотя и потенциальным) – Россию. За что немцы его обожали, печатали и цитировали, а у нас – характеризовали, как перечислено выше.

Три модуса времени и идея органического цикла

Государство и три модуса времени. Для Челлена **государство** – это историческая реальность, которая включает в себя *не только настоящее, но также его прошлое и будущее*. То есть, с учетом анализа надсистем и подсистем, которое он проделал, им был проанализирован *полный цикл и спектр изучаемой системы*. А по Г.С. Альтшуллеру, это полный анализ системы (поскольку и антисистему Челлен тоже обозначил – в определенном смысле).

Рис. 17. Системный оператор, по Г.С. Альтшуллеру.

Вот почему его «государство-организм» всегда больше того, что мы наблюдаем в определенный момент истории. Таким образом, Челлен обозначил также *хроноресурс государства* (в нашей терминологии), но время хронополитики еще не наступило, и он эту мысль не развил.

Идея цикла и фаза экспансии. Когда мы писали о Ратцеле, то упомянули, что он использовал элементы метода системогенетики, в частности – идею цикла (циклическая парадигма, развития в XX веке).

Речь идет о том, что народ-государство (национальное государство), по Ратцелю, проходит в своем развитии ряд стадий. Их можно начитать три или пять, или семь (и даже девять) – в зависимости от глубины исследования, и мы писали об этом неоднократно.

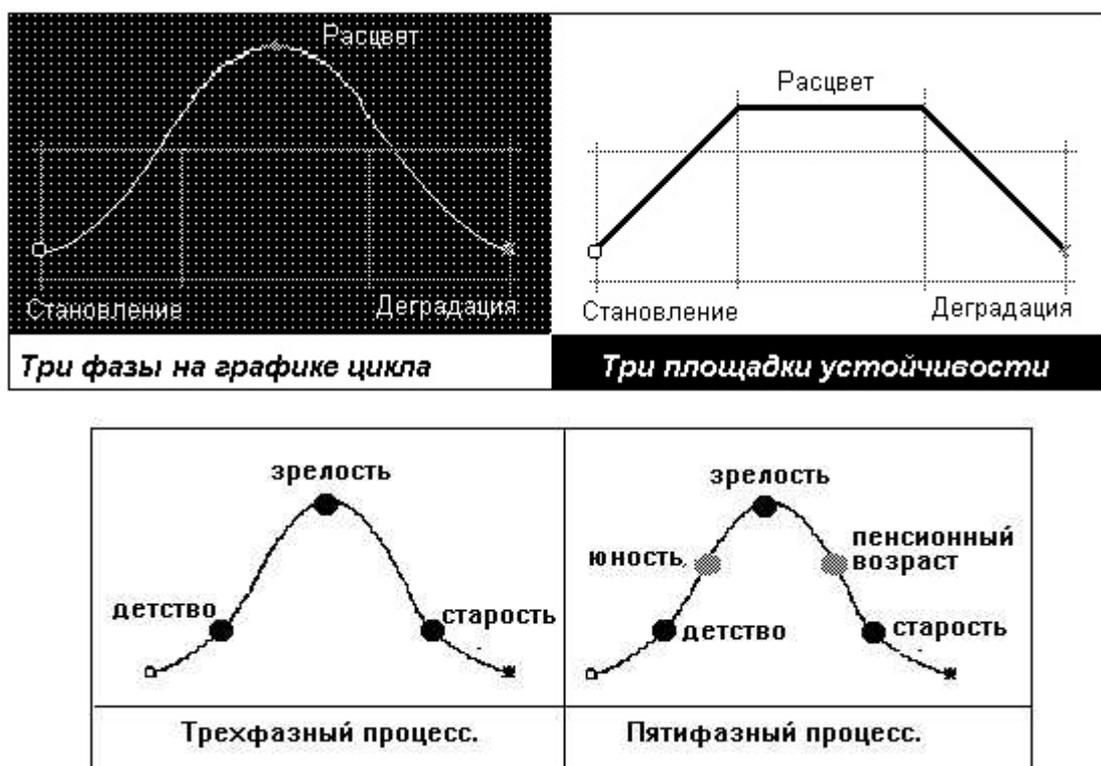

Рис. 18. Три фазы и пять фаз в рамках цикла.

Важно то, что это органическая аналогия, а, значит, в простейшем виде перед нами *юность, зрелость и старость* «организма-государства» (укорененного в почве, по Ратцелю, и более похожего на человека, по Челлену).

Отсюда происходит термин «юные народы» (вторая фаза в пятифазовой схеме цикла) и приписываемая им тяга к экспансии в пространстве (хотя у Ратцеля есть здравая мысль о все большем всасывании – «накоплении энергии» из жизненного пространства – зарядке эгрегора в наших терминах).

Отсюда идея Челлена о «юных» и «старых» народах. Вслед за Ф. Достоевским, он считал «юными на» русских и немцев, а «старыми» – французов и англичан. «Юные» немцы *должны* овладеть среднеевропейским пространством и создать континентальное государство, потеснив «старые» народы. Иначе Германии никак не выжить в борьбе с такими геополитическими гигантами, как Великобритания, США и Россия. Здесь есть определенное противоречие относительно России – народ вроде как тоже «юный», но империя еще та. Служивший в России Бисмарк хорошо понимал это противоречие, отчего и советовал потомкам «ничего не замышлять против России».

Народы Центральной Европы *должны* объединиться в единое политико-экономическое пространство, осью которого будут немцы. А географическое положение Германии будет ее *вынуждать* защищать интересы Европы.

Как ни крути, перед нами политический проект, поскольку в нем сплошное долженствование. И базируется он на вполне литературных идеях и аналогиях: юный народ – старые народы, стремление государства к занятию континента и всего мира (экспансия) как некие «естественные» законы.

Что на самом деле фиксирует этот «всеобщий закон», так это то факт, что в начале XX века заканчивается период доминирования национальных государств и скачкообразно растет народонаселение Земли: (точные цифры приведены, например, у С. Капицы-младшего).

Первые семь тысячелетий истории наблюдался медленный рост численности населения Земли. Медленно увеличивалась и средняя продолжительность жизни. Однако в XX в. сложившиеся тенденции были нарушены, произошел демографический взрыв: за одно столетие численность землян выросла с 1630 млн до 6055 млн — в 3,7 раза.

Рис. 19. Примерный график роста народонаселения Земли.

И еще он фиксирует процесс глобализации, который носит не естественный, а проектный, искусственный характер. Поскольку кроме американского «глобализма» (в варианте мондиализма) в XX веке было несколько конкурирующих проектов, которые могли и победить.

Так о каком цикле (цикле чего) пишет Челлен? Ведь если брать постепенно объединяющуюся Европу («Соединенные Штаты Европы», по Ленину), то она это делает в силу необходимости, иначе США геополитически и эко-

номически ее подомнет окончательно и бесповоротно. И как-то обошлись без лидерства Германии, хотя она дважды старалась реализовать свою «геополитическую миссию» по Челлену. Самое смешное, что сейчас в объединенной Европе временно главенствует Германия, но завтра это будет какой-нибудь Бенилюкс. Принцип объединения другой – *разумная* кооперация с соблюдением интересов всех. И стихиям с их «силой» тут места больше нет – произошло некоторое «оразумление» международной политики.

Вполне проектным способом был демонтирован СССР, провели волну «цветочных» революций – это новые циничные политтехнологи, все еще использующие энергию народа – против него самого. Явно янки порылись в архивах «Аненербе». И в сочетании с технической мощью порушили все, что сопротивлялось или еще сопротивляется: Югославия, Косово, Ирак, теперь Ливия. Алгоритм отработан, и будет далее применяться повсеместно. Это куется новый мировой порядок – проектно-технократический.

Три главных фактора глобальной геополитики

Челлен пишет также о трех географических факторах, играющих главную роль в глобальной геополитике: **расширение, территориальная монолитность и свобода передвижения** (в надсистемном измерении).

Морская Великобритания, анализирует он, обладает *свободой передвижения*, благодаря флоту, она господствует на морских путях. Кроме того, она овладела *расширением* (большие колонии). Но территориальной монолитности у нее нет. Британская империя, занимавшая в ту пору четверть поверхности земного шара, слишком разбросана по свету – и это ее слабая сторона (что потом и показала Вторая мировая война).

Россия обладает протяженной территорией (ей есть куда развиваться) и монолитностью, но у нее нет свободы передвижения (вовне), так как доступ России к теплым морям в то время был ограничен. А сегодня он и вовсе равен нулю. Но тут мы сами виноваты: по Х. Макиедеру «для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими терри-

ториями, точно так же как для Британии – править на океанских просторах». Причиной краха советского геополитического блока стало стремление «присутствовать во всех регионах мира», что распыляло не столь уж большой внутренний ресурс. В итоге был потерян контроль над процессами, протекавшими в собственном доме – и в СССР, и в «лагере социализма». Такова возможная точка зрения, но ее не следует абсолютизировать.

Закон автаркии против лозунгов «открытого общества»

Кроме того, интересна у Челлена идея экономической самодостаточности государства. Он говорит о равновесии: производство в государстве не должно быть ни чисто аграрным, ни чисто индустриальным. И то, и другое, ослабляет государство, делает его зависимым от других.

Во внешней политике зависимое государство нуждалось бы в мирных отношениях с другими государствами – и тогда оно не в состоянии вести войны за новые территории и источники сырья. Автаркия – это **экономически защищенное пространство государства**. И это понятие полностью отрицает принципы англо-саксонского империализма, поскольку заменяет систему «открытых дверей» системой «закрытых сфер интересов».

В свое время Й.Г. Фихте, осмысляя последствия континентальной блокады Наполеона, развил идею экономически самодостаточного, планируемого и «закрытого» государства. Его аргументация очень напоминает «Открытое общество и его враги», но с точностью до наоборот.

Затем экономист-геополитик Фридрих Лист («Национальная система политической экономии») в первой половине XIX века разработал в противовес «космополитической экономии» не просто «национальную», а «геополитическую» экономию. О его взглядах стоит поговорить подробнее, хоть и попутно: в качестве противодействия «империализму свободной торговли» он предложил целую систему тарифов, целью которой было сделать Германию экономически независимой. Лживому британскому «фритредерству» Лист противопоставлял «воспитательный протекционизм» – **таможенную защи-**

ту национальной промышленности, особенно становящихся отраслей, пока они не достигнут уровня международной конкурентоспособности. Его работы существенно повлияли на развитие германского таможенного союза, а его настойчивой агитации и предприимчивости Германия обязана постройкой ряда важных железных дорог, что оживило ее экономику. Немало сделал он и для объединения торгово-промышленного класса Германии, ну и т.д. Этот тип экономиста-геополитика – довольно редкое явление, тем более к нему стоит прислушаться нам с вами: ситуация схожая.

Кстати, немецкий генерал и геополитик Карл Хаусхофер считал, что экономика – это прежде всего стратегическая (а, значит, и военная) проблема, и потому стоял за экономическое противодействие чужой экспансии. Его взгляды не просто пересекаются со взглядами Листа, а переводят их в область новой геополитической идеологии.

Из этого следует важный вывод: только не знакомые с историей экономисты не понимают, что лозунги фритредерства – «свободная торговля» и «открытые двери» – это дымовая завеса, за которой скрывается идеология империализма морских сил. Они были приняты на вооружение Британской Империей, а теперь и США. Политика «открытых дверей», проводимая Соединенными Штатами является настоящими военными действиями средствами экономики. Сегодня это код для проникновения, разрушения и захвата чужой экономики. Когда Великобритания говорила о «свободной торговле», она всегда имела в виду колонизацию, которой иезуитски приписывала атрибуты «свободы». Поэтому К. Поппер в «Открытом обществе» о немцах, даже из далекой истории вековой и более давности, пишет с откровенной ненавистью. От него довольно «сильно попало» и Гегелю, и Марксу.

Рудольф Челлен сформулировал контр-понятие **«естественной сферы влияния»** в противовес лозунгу «открытых дверей». Это закрытое экономическое пространство, которое обеспечивает государству самодостаточность. Немцы охотно развили его: по Карлу Хаусхоферу это «пан-регион», по Карлу Шмитту – «Гроссраум». Его восприняли А. Горбах и Ф. Нойман, для ко-

торых «Срединная Европа» (Mitteleuropa) в геополитическом плане всегда являлась *закрытой сферой влияния*, интегрированным экономическим пространством *с автаркией*.

Сталин скорее всего читал про этот закон, а, может быть, и понимал его интуитивно. Но достигнутая при нем предвоенная степень автаркии государства (именно государства) была наивысшей. И расширение его вовне с использованием новых ресурсов имело место быть после войны. Обратный процесс, который мы наблюдаем в результате предательства «государевой бюрократии» интересов своего государства и народа со времен перестройки – это процесс отдачи территорий, за которые были пролиты моря крови, а также увеличения степени зависимости нашей экономики от внешних сил вплоть до полной потери автаркии. И в индустриальном, и в аграрном отношениях. А как говорил известный немецкий геополитик Отто Мауль, **«полное экономическое проникновение равносильно территориальной оккупации»**.

Цикл очередного «расширения – сжатия» нашего государства в пространстве завершается. Но про этнос и народ российский я этого сказать не могу. Это совсем другая история.

«Народный дом»

Мало кто знает, но «консерватор» Челлен в итоге разработал концепцию государства, как экономически и геополитически защищенного «народного дома», где осуществляется историческое существование народа. Идеи Рудольфа Челлена воплотились в т.н. «шведской модели», в которой слились и его геополитическая концепция, и идеология «консервативной революции», и радикальная политическая воля шведской социал-демократической партии.

Как ни парадоксально, но этот радикальный прогерманский проектировщик и «подстрекатель нацизма» в итоге оказался полезен своей стране. Да так, что правительство Швеции до сих пор опирается на идеи Р. Челлена. Со-

циал-демократы даже использовал в качестве слогана его понятие «народный дом» (Folkhemmet).

Кстати, Челлен был ярким противником экономического либерализма, который, по его убеждению, неминуемо приводит к дегенерации государства.

Его идеи: это порядок, национальная солидарность, экономическая автаркия, социализм. Челлен развивает концепцию народного социализма, которая весьма близка аналогичным концепциям Вернера Зомбарта, Освальда Шпенглера и Мюллера ван ден Брука. «Шведская модель социализма» и есть воплощением идей этих мыслителей.

Напомним, что принцип «Открытые двери» и «Народный дом» не совместимы. Проведение политики «открытых дверей» есть блокада, направленная на разрушение народного хозяйства той или иной страны. А **«народный дом» – это закрытые двери.**

Двери в доме закрывать надо!

Это я про нас и ВТО, ежели кто не понимает.

2.5. БРИТАНСКИЙ МЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЕКТИРОВЩИК

С народом надо говорить коротко и неясно.

Наполеон.

Если и существует некий дуализм Суши Моря, то он существует только в акцентах геополитики. И если Ратцель и Челлен – теоретики Суши, «континенталисты», то в этой науке должен был возникнуть и противоположный «лагерь Моря». Это Германия не успела к разделу мирового пирога, а заботы английских и американских правительств состояли скорее в том, чтобы освоить уже имевшиеся у них под пятой пространства (и к тому же защитить их от таких «скороспелок» истории, как Германия, Италия и Япония). Поэтому либеральная и либерально-консервативная часть планеты к началу XX века нуждалась в своих идеологах. И они не замедлили появиться, а как же.

Исторически начинать следует с американского адмирала А. Мэхена, но его аналитика и проект, сочиненный на периферии тогдашней мировой политики, во-первых, был мало кому известен в Европе. Иначе Ф. Ратцелю не пришлось бы самому выдумывать раздел учения о геополитическом влиянии моря. Да и Р. Челлен на него вроде как активно не ссылается. А во-вторых, Мэхен вовсе не хотел иметь дело с Британией: его волновала только его родина, в то время – заштатное периферийное государство.

Поэтому-то вся слава основателя «маринизма» в геополитике досталась англичанину, который через четверть века после Мэхена предложил миру свою морскую идеологию. Великобритания в тот момент была на пике своего имперского могущества, ее влияние в международных делах являлось подавляющим, но явное восхождение Германии британских политиков уже начинает беспокоить всерьез. Это чувствуется даже у Конан-Дойла (вспомните хотя бы серию фильма И. Масленникова «XX век начинается»).

История Мэхена-Макиндера потом повторилась в случае со О. Шпенглером, который через полвека не то пересказал, не то переоткрыл теорию Н.Я. Данилевского. Впрочем, в этом вопросе следует прислушаться к авторитету Д.И. Менделеева, который говорил, что в науке зачастую не так важ-

но, кто открыл, как важно, кто сумел донести это до публики и сделать некие взгляды массовыми в науке. Тут приоритет морской идеологии, конечно же, у Х. Макиндера, а в случае с «локальными» цивилизациями и культурами – у О. Шпенглера. «Ты сказал свое, да не вовремя; а я не свое, но вовремя» – по И.С. Тургеневу.

В отличие от своих предшественников сэр Хэлфорд Джон Макиндер – действующий политик и профессиональный проектировщик менталитета. Будучи членом Тайного совета, в интересах своей любимой Великобритании он проектирует собственную геополитическую мифологию и внедряет этот свой миф в общественное сознание всего мира по всем канонам современного PRa. И вполне удачно, поскольку почти все на эту его сказочку про Хартленд с вариациями «повелись», как сегодня говорят. Невозможно найти тех, кто так или иначе не принял его модели – они осели в европейской культуре, даже у его противников.

Вообще, в области навешивания лапши на мировом уровне Великобритания несомненно лидировала с момента своей буржуазной революции и до момента появления геополитики в конце XIX-начале XX веков. В этом состоит половина ее могущества. Мы уже говорили о политике «открытых дверей», переходящей в нынешнее «открытое общество», колониальной политике, красиво упакованной в лозунги либерализма. И о последствиях мы тоже говорили – на примере с нашим императором Александром I, который тоже как-то ненадолго «повелся» на английский PR, чем чуть не угробил свою промышленность и торговлю.

Человек, о котором мы говорим, мало того, что создавал устойчивый отрицательный имидж России в 1904 году, он еще и в 1943 году, в самый разгар Второй мировой войны, открыто писал в статье «The Round World and the Winning of Peace»: *«Наш следующий враг – Советский Союз»*, чем и начал подготовку Запада к холодной войне. И это в момент, когда о втором фронте еще только шли переговоры и мы сражались с нацизмом в одиночку. Как пишет А. Б. Мартиросян («Сталин после войны. 1945–1953 годы») эта

статья «была ничем иным, как выдающейся по своему коварству геополитической инструкцией всей правящей элите англосаксонского Запада по вопросу, что и как делать дальше, так как, по его мнению, «грядущая борьба должна быть решающей для мирового господства, ибо конечная цель – доминирование над Евразией. Поэтому грядущая неумолимая схватка за власть над этим решающим геополитическим пространством является решающей схваткой современной эпохи».

Самое забавное, что хорошо знакомый с первоисточником Вадим Цымбурский («Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика») иначе характеризует эту же статью – «маленькая и удивительно «просоветская» статья». Он даже переводит ее название иначе, чем другие: «*Круглая земля и обретение мира*».

Мы еще как-нибудь доберемся до интригующего момента истории, когда наш уникальный генштабист А.Е. Снесарев в 1919 году участвует в одном из наиболее загадочных эпизодов своей биографии, где заочно сталкивается с Макиндером (кстати, классный сюжет для исторического детектива). Как пишет И.Н. Панарин («Информационная война и геополитика», 2006) с марта по октябрь 1919 г. Снесарев «полгода провел в Туркестане. В это время бурлил весь Восток, от Марокко до Японии. В Индии сложилась революционная ситуация, Афганистан отказался от британского протектората и началась очередная англо-афганская война. Велик был соблазн ударом по Индии ликвидировать британское мировое господство. А. Снесарева направили возглавить индийский поход. Он формировал армию вторжения из местной Красной гвардии и басмаческих формирований, разжигал восстания в Пуштунистане, организовывал снабжение афганской армии, засылал агитаторов в Индию. Но в то время при Деникине британское правительство держало другого геополитика мирового класса – Х. Макиндера. Макиндер сумел с помощью Черчилля организовать геополитический контрход – наступление Деникина на Москву. Антон Деникин наделал столько хлопот Совнаркому, что про индийский поход забыли, удовлетворившись достижением независимо-

сти Афганистана и договором с ним. Не сбылась мечта Снесарева, хотя дать пинка Джону Булю все-таки удалось».

Судя по этому отрывку, кочующему по интернету, единственный, кто смог реально остановить одобренный Совнаркомом и подкрепленный теоретическим и практическим опытом А.Е. Снесарева «индийский поход» большевиков – это был Макиндер? Тот самый академический географ сэр Х.Дж. Макиндер, красовавшийся со своей лекцией Королевскому Географическому Обществу в 1904 году, но к 1919 году уже одевший красивую английскую военную форму и состоявший «британским Верховным комиссаром на юге России». Вроде да. Но тут есть одна неувязка: Макиндера вызвали в МИД и назначили на этот пост только в октябре 1919 года, а поход Деникина начался в июле того же года – до его приезда. И к октябрю сей поход уже был сорван контрнаступлением сил красных.

Поэтому как именно Макиндер инспирировал из Лондона деникинский поход на Москву, и отвлек русских от столь опасного мероприятия – освобождение любимой английской колонии Индии, нам не известно. Мы только знаем, что действительно, «самым яростным сторонником интервенции был Уинстон Черчилль, и когда он возглавил военное министерство в январе 1919 г., то немедленно встал на антикоммунистическую» позицию. Как пишут учебники, «Антанта снабдила армию Деникина большим количеством вооружения и снаряжения». И это именно Британия понесла основные расходы, связанные с помощью белым.

Так что, может быть, Макиндер и сумел из Лондона «с помощью Черчилля организовать геополитический контрход – наступление Деникина на Москву». Нам важно другое: такой вот действующий профессор Макиндер – это вам не бородатые профессора из Германии и Швеции, это совсем другого типа фигура, для которой политика – это воздух, которым он дышит, даже не род профессиональных занятий, а вся жизнь. А остальное в его репертуаре – это только материал для политики с ее техникой непосредственного политического целеполагания. Очень местами Джеймса Бонда напоминает.

Кстати, у его коллеги, гораздо более плодовитого министра-литератора У. Черчилля была та же цель. А между тем писал он немало – томами и томами; только Первой мировой войне посвятил пятитомник. Между тем Х. Дж. Маккиндер написал по геополитике всего три небольшие работы, и две из них – статьи; если не считать более специальной «Британия и британские моря» (1902). Изложенные в них идеи «не были приняты научным сообществом», на что ему было глубоко наплевать. Кроме того, Маккиндер никогда не использовал термин «геополитика» и чурался его (что подтвердил его бывший аспирант). И этого человека теперь хором называют «первым геополитиком»?!

Начало биографической сказки о нем традиционное: хорошее происхождение, получил *географическое образование* и потом еще и преподавал *географию*, причем, преподавал не где-нибудь, а в Оксфорде и в Лондоне. Всю жизнь был признанным экспертом по геостратегическим вопросам, невзирая на все неровности своей карьеры. По большей части он был профессиональным политиком, а британец из элитного университета в парламенте или при правительстве того времени – это особая разновидность человеческой породы. Тут же вспоминается пародия на такого сверхчеловека в образе Майкрофта Холмса и его высокого окружения: она близка к истине.

И хотя у него всего три основные работы, тем не менее, он нам не известен, как Библия населению католического средневековья (которую священники читали на исчезнувшей латыни, что и стало поводом для Реформации). Постольку, поскольку «Географическая ось истории» («*Geographical pivot of history*», 1904), «Демократические идеалы и реальность» («*Democratic Ideals and Reality*», 1919/1942) и «Круглая земля и обретение мира» («*The Round World and the Winning of Peace*», 1943) переводили на русский только в период с 1995 г. и переводят по сей день – канонических переводов пока что нет. Да и смысла возиться с ними – тоже.

Так что читать его в первоисточнике ранее могли у нас единицы, прочим оставалось «фантазирование на тему маккиндеровских заглавий» – мы тут

с десятков вариантов насчитали и приведем их. И потому в нашей геополитической публицистике есть миф о Х. Макинере, сформированный путем *пересказов пересказов* и цитирования *фрагментов из фрагментов*. Привычная история, но нам хватит и этого – для извлечения инвариантов из его мифологии. А мнений о нем – их и так высказано с избытком. «По делам их узнаете их» – оно надежнее. И, кстати, у наших геополитиков наблюдается какая-то тайная любовь к Макинере, он их явно очаровывает своим неотразимым британским лоском и логическими ловушками с когнитивными подменами.

Впрочем, к делу. Уже в начале карьеры он ставил задачей «постараться найти формулу, устанавливающую в какой-то степени причинно-следственную связь между географией и Всемирной историей».

Первым и самым ярким выступлением Макинера был его доклад (лекция) Королевскому Географическому Обществу «Географическая основа (в других переводах, – ось) истории» 25 января 1904 года. Доклад был опубликован в том же году в «Географическом журнале», и его нередко называют «главным геополитическим текстом в истории этой дисциплины». В последнее время Интернет его охотно тиражирует оптом (в хрестоматиях по геополитике) и в розницу.

Вот как характеризует все эти три публикации Ф. Моро-Дефарж (подчеркивания и выделения наши):

«В 1919 году, после окончания первой мировой войны, Макинер опубликовал свой главный труд по геополитике: *Democratic Ideals and Reality*. идея автора в этой работе: после победы западной демократии (Франции, Великобритании, США) над центрально-европейскими империями *мир не мог быть построен на одних лишь идеалах, как бы благородны они ни были, а должен учитывать объективную реальность, т.е. географию нашей планеты*, в том виде, как ее сформировала и переделала История.

В 1942 году, в момент коренного перелома второй мировой войны в пользу союзных держав (США, Великобритания, Советский Союз) и ставше-

го неминуемым поражением стран Оси (гитлеровская Германия, Япония, Италия), произведение Макиндера было **переиздано и широко распространено официальными органами**. Дело в том, что Макиндер хорошо показал геополитическую цель конфликта: контроль над “сердцем мира” (*heartland*).

В июле 1943 года Макиндер опубликовал в американском журнале *Foreign Affairs* статью, ставшую его интеллектуальным завещанием “*The Round World and the Winning of Peace*”, заголовок которой может быть переведен как “Шансы прочного мира в конечном мире”. Победа над Германией и Японией уже не вызывала сомнений. Речь шла о том, чтобы – как это было в 1919 году – обсудить вопросы послевоенного устройства в мире, в частности, вопросы будущих отношений между Соединенными Штатами Америки и их великим и загадочным союзником – сталинским Советским Союзом» (Введение в геополитику. – М.: Конкорд, 1996).

Что касается всех трех текстов, они нужны были Макиндеру отнюдь не за тем, чтобы потрясать умы университетских профессоров, нет! Они решали актуальную для него лично задачу занятия им определенного высокого места в политической иерархии Лондона. Потому сии тексты местами кратки, местами очень запутаны, но всегда написаны талантливым сказочником (копирайтером) и потому очень образны. По этим признакам они являются чистой воды **политическим PR-м**.

Целей своих он достиг:

– в первом случае стал директором престижной London School of Economics and Political Science (1903–1908) (Лондонской Школы Экономических и Политических наук, это как у нас ВШЭ) и депутатом парламента (член палаты общин 1910-22),

– во втором – британский Верховный Комиссар на юге России в 1919-1920 годах;

– а в третьем – он не менее, чем «архитектор атлантизма» и подстрекатель мировой «холодной войны».

Ну а какова же была **конечная цель** этого британского политика с лицом типичного британского политика конца XIX века.

Как пишет G.W. Blouet: *«Макиндер был сильно убежден, что если Великобритания хотела сравниться в организации, ресурсах и трудовых резервах с другими европейскими империями, а также с расцветающими континентальными государствами России и США, её доминионы и колонии должны будут спаяны в организм, который будет обладать некоторым единством целей и политикой общей защиты. Это было желание сообщить «объединяйтесь или будете обойдены другими сверхдержавами».* (The Geographical Journal, Vo. 142, No.2, (Jul. 1976), pp. 228-236)

Объединяйтесь, англосаксы, достигайте состояния спаянности в единый организм, обладающий единой целью – мировое господство. Никого не напоминает? А между тем это 1904 год, а не 1940-й.

Нет, все-таки очень, очень талантливый враг.

ИНВАРИАНТЫ МОДЕЛИ МАКИНДЕРА

Исходная модель Х. Макиндера очень хитро устроена. По психологической основе, подкладке, это «модель для идиотов», которым «некогда думать, трясти надо». Поэтому построена она на физической аналогии динамического типа, причем всем знакомой с детства: на модели крутящегося волчка (юлы). В середине тут неподвижность, а чем дальше от центра, тем круче приходится точке на волчке.

В середине у него «плохие чужие» (хорошо устроились), снаружи «хорошие наши» – вот и все правила игры.

Рис. 20. Инвариант основной модели Макиндера.

Определения основных понятий мифа Макиндера сотни раз повторили все, кому не лень и потому лишний раз искать, кто сказал про это первым (конечно, в основном это Дугин, а кто же еще), вторым и третьим не вижу смысла – к тому же имеются разночтения. Будем поступать как византийские архитекторы, которые выламывали камни и даже стены со скульптурами из старых храмов и вставляли их в свои постройки. Тем более, что все это та самая лапша, которую повесил нам Макиндер и которую продолжают вешать нам на уши до сих пор. Когда мне студенты захлеб рассказывают на семинарах об отличиях хартленда от римланда, они чувствуют себя круто образованными людьми, а я чувствую себя идиотом, которому приходится пересказывать им всю эту чушь. Ну так что ж, перескажем еще разок, но уже с пользой для дела.

1. **«Мировой остров»** (*World Island*). Основную часть поверхности земного шара (девять двенадцатых) занимают моря и океаны – части единого Мирового океана.

Остальные три двенадцатых поверхности Земли заняты сушей.

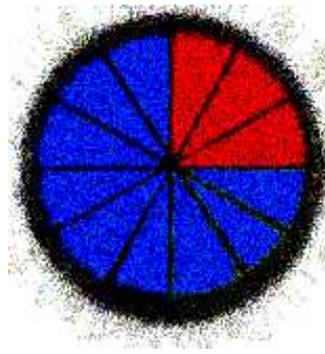

Рис. 21. Пропорция Суши и Океана.

И две двенадцатых приходится на Мировой остров (*World Island*).

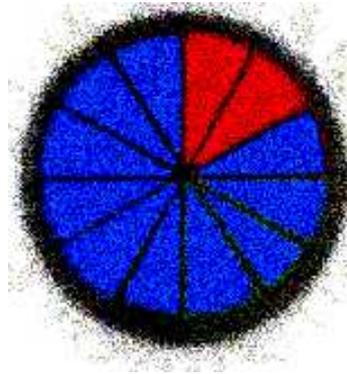

Рис. 22. Пропорция Мировой Остров – планета.

В Мировой Остров Макиндер включает три континента – Азию, Африку и Европу. Правда под Африкой здесь имеется в виду только ее север, традиционно цивилизованный.

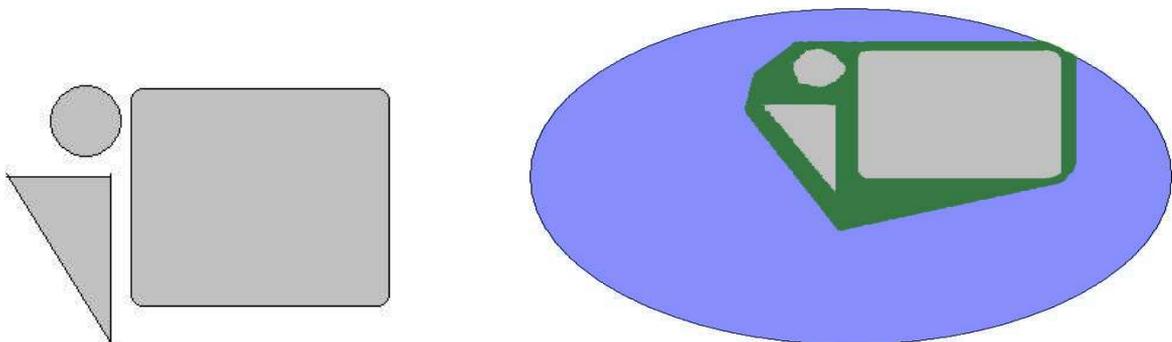

Рис. 23. Мировой остров и его место на планете.

1. Хартленд (*Heartland*) – сердце мира. Осевой регион (*pivot area*).

Рис. 24. Сердце мира, она же – земля сердцевины, он же – осевой регион.

В центре построения лежит Евразийский континент, а в его центре – **сердце мира** «*heartland*» (другой перевод – «земля сердцевины»). Heartland – это сосредоточие континентальных масс Евразии, занимающих срединное, центральное положение на «мировом острове».

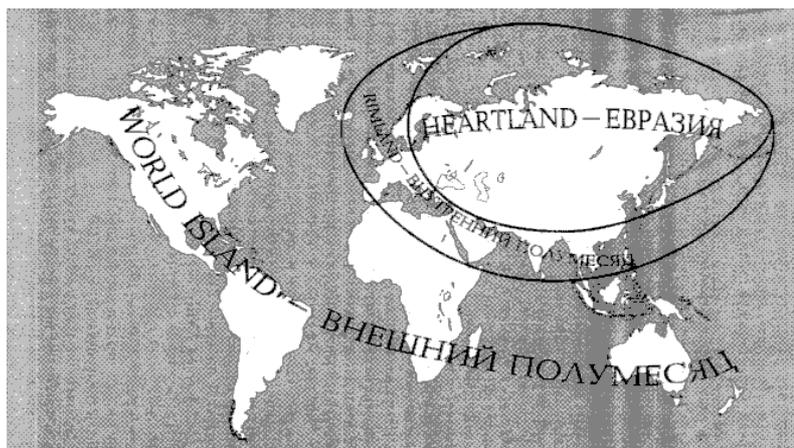

Рис. 25. Место *Heartland* на планете.

Термином «**осевой регион**» или «осевой ареал» (*pivot area*) он обозначил континентальный массив Евразии – «окаймленный льдами на севере, пронизанный реками и насчитывающий по площади 21.000.000 кв. миль». По положению это понятие географически тождественное России.

Географическая ось истории

В самом центре «осевого региона» (*pivot area*) находится «**географическая ось истории**», вокруг которой развивается исторический процесс. Вся периферия совершают круговращения вокруг этой оси и «осевого государств-

ва, которое всегда, так или иначе, является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами.

Теперь мы ясно видим **исходную модель «юлы»**, где ось истории – ее ручка с винтовым стержнем внутри.

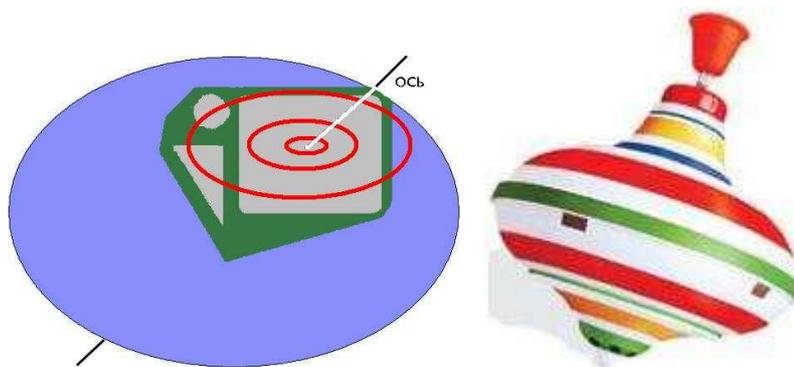

Рис. 26. Географическая ось истории по модели юлы.

Модификация «осевой зоны» в «центральный материк» (Heartland)

В первом варианте 1904 года Макиндер используемый неологизм «the heart-land of the Euro-Asia» («территориальное средоточие Евро-Азии»), через дефис.

В работе «Democratic Ideals and Reality» (1919) «осевую зону» он называет уже «центральный материк» (Heartland). Здесь он *модифицировал свою концепцию*. Для обозначения осевого региона стал использоваться предложенный его соотечественником географом Дж. Фейргривом термин Хартленд (*Heartland*), который стал с тех пор общепринятым.

«Материк» занимает большую территорию: включает Дальний Восток, часть стран Восточной Европы. Heartland является ключевой территорией в пределах Мирового Острова. Так что в состав Хартленда он включил теперь еще Восточную и Центральную Европу. В этом сочинении он предложил знаменитую формулу: «Кто контролирует Восточную Европу – господствует над Хартлендом, кто господствует над Хартлендом – контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой остров – господствует над миром».

Вторая географическая концепция: модель Heartland с Lenaland

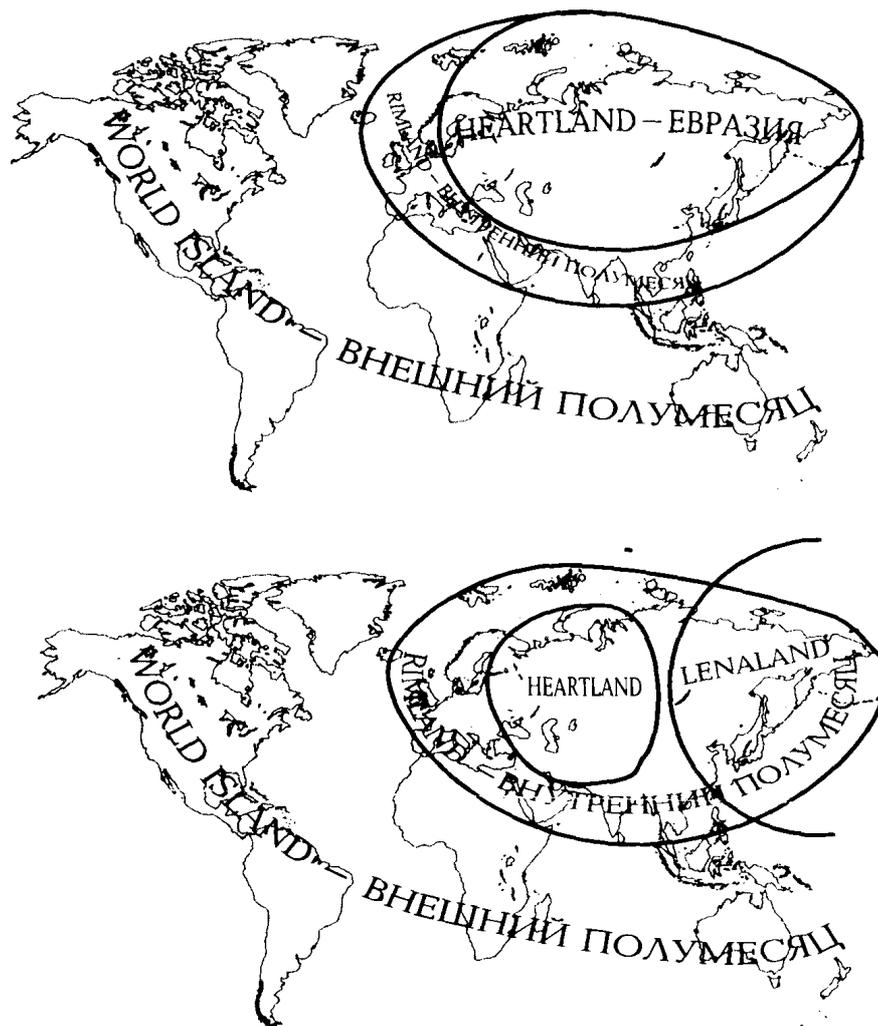

Рис. 27. Версии геополитического деления Heartland'a

- 1) Базовая («Географическая ось истории», 1904 г.).
- 2) Пересмотренная («Земной шар и достижение мира», 1943 г.).

Последнюю переоценку своих взглядов Макиндер предпринял в разгар второй мировой войны в 1943 году в статье «Завершенность земного шара и установление мира» (очередной вариант перевода названия третьей статьи). В состав «Сердца мира» он теперь включил и Сахару, и Арктику, и субарктические территории Сибири и Северной Америки. Северная Атлантика объявлялась Макиндером «средиземным океаном». Геополитическое деление мира выглядело теперь иначе: не «континентальные – морские державы», а «расширенный Хартленд – муссонные территории Индии и Китая». Модель потеряла исходную ясность.

Разница этой поздней модели по сравнению с ранними заключается также в сибирских территориях, лежащих к Востоку от Енисея (*Lenaland*). Ими Макиндер очень тогда интересовался. И, как видим, на второй модели исходный Heartland порядком ужимается к 1943 году.

Модель биоплярного мира

В той же последней статье 1943 года Макиндер вводит также новую геополитическую ось – США. Он обосновывает идею геополитических блоков и предсказывает становление двуполярного мира, вращающегося вокруг двух противостоящих друг другу осей: Соединенных Штатов и Советского Союза. Поэтому хитрого Маккиндера некоторые считают основоположником «атлантизма», хотя им все же является Спикмен.

Мало кто из пишущих не замечает, что эта «испорченная» модель не пользуется популярностью. Оно и понятно – исходная модель юлы почти физиологически ощутимая и с детства знакомая – культурный архетип, да и только. А как «крутится» шарик при наличии двух осей – это что-то не очень понятное. Разве что теперь это гироскоп?

А сейчас, при наличии уже только второй оси – чего делать со всеми этими пышными терминами и «объясненной» ими историей? Только в корзину выкинуть.

Тезис о ключевой позиции России в мире

Heartland, оставаясь недостижимым для прямой экспансии океанских держав, представляет собой географическое пространство, исход борьбы за которое решает судьбы мира. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо всем миром.

Макиндера очень тревожило, что центральное стратегическое положение в «осевом регионе» занимает Россия, и «никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования».

Значение «осевого региона» возрастает по мере научно-технического прогресса человеческой цивилизации.

Развитие железнодорожного транспорта, говорил он, делает континентальную державу не менее мобильной, чем морская. Это грозит нарушением баланса сил в пользу «осевого государства».

4. Планетарная иерархия: сечения на конусе (шаре)

Макиндер поделил мир на три части:

- «осевой регион» (*pivot area*);
- страны «внутреннего полумесяца» (*inner crescent*), внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай); внутренний или окраинный полумесяц (*inner or marginal crescent*); Rimland – «береговые земли»;
- страны «внешнего полумесяца» (*outer crescent*), периферийная дуга (Америка – Африка – Океания); внешний или островной полумесяц (*outer or insular crescent*).

Регионы «внутреннего полумесяца», пограничные между сушей и морем. Большой «внутренний полумесяц», согласно теории Макиндера, образуют Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай. Пересечение водного и сухопутного пространств является ключевым фактором истории народов и государств. Эта тема в дальнейшем специально будет развита у К. Шмитта и Н. Спикмена.

«Внешний полумесяц» включает в себя Британию, Южную Африку, Австралию, Соединенные Штаты, Канаду и Японию. К периферии Макиндер сначала отнес и Соединенные Штаты Америки. Но в конце быстренько перегруппировался и построил *модель двух осей*, биполярную модель мира.

Совершенно очевидно, что изначально перед нами **модель юлы**. Она и по форме такая же – не совсем коническая, не совсем шаровая.

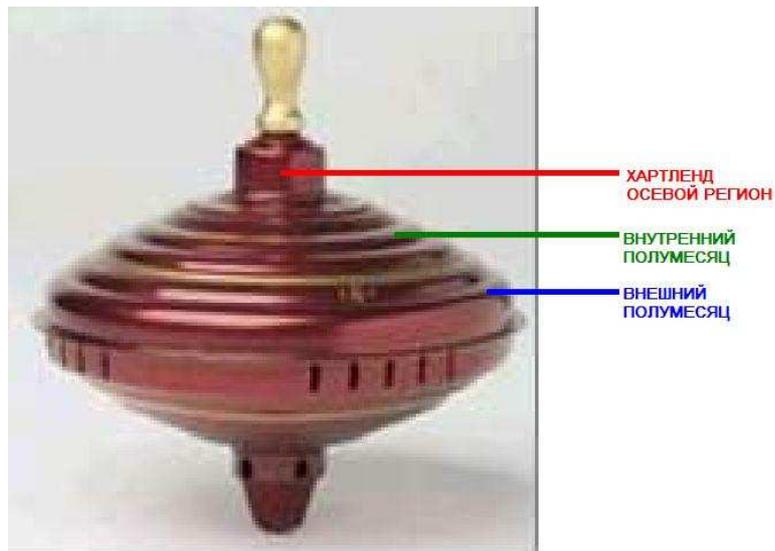

Рис. 28. Модель юлы с кольцами (дугами).

И происходит она логически из пары и тройки:

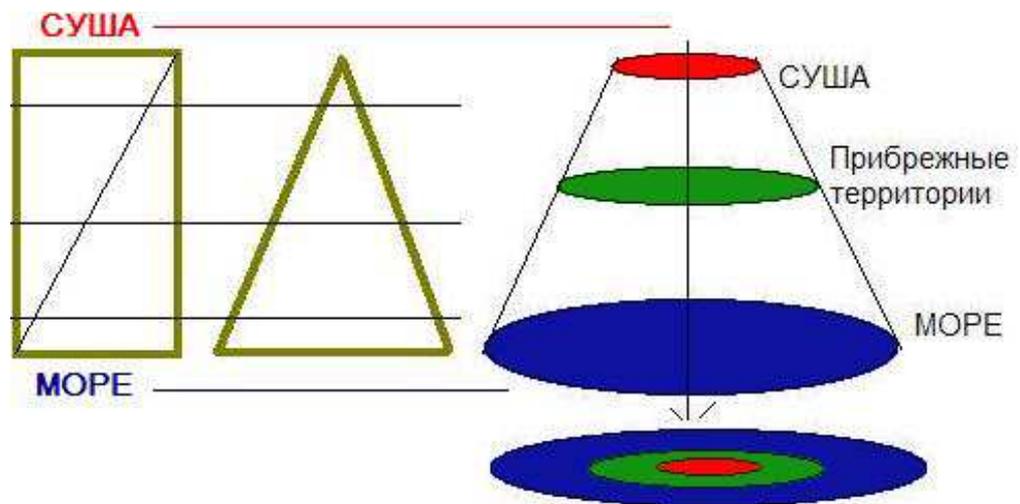

Рис. 29. Конические сечения и деление мира (вложенная иерархия).

5. «Дуализм суши и моря» и расстановка знаков ценностей

Итак, Макиндер иерархизирует планетарное пространство через систему вложенных концентрических кругов. Это очень зримая модель. Между тем логически в основе у него – диалектическая пара с третьим.

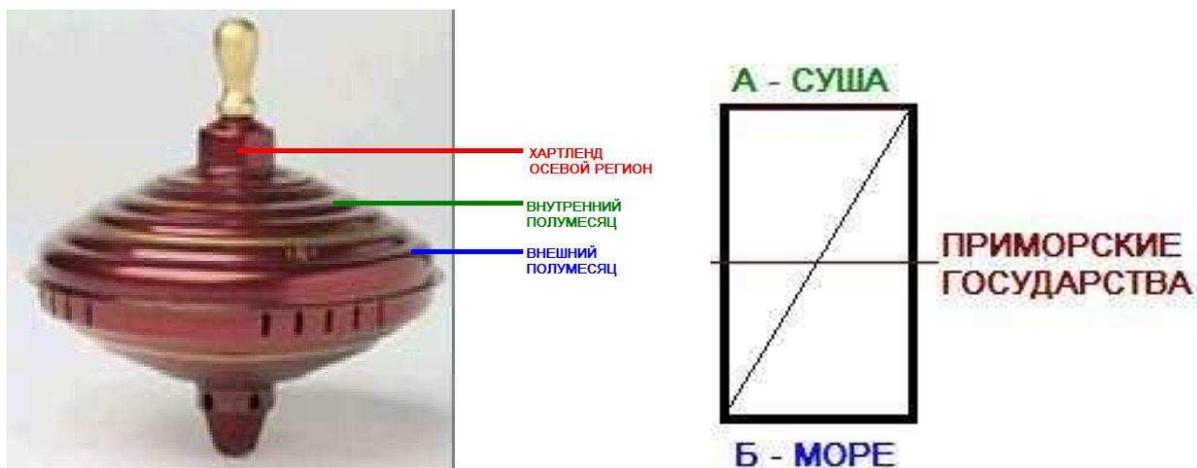

Рис. 30. Диалектическая пара с третьим.

Пара противоположностей нужна ему не просто так, а для заключительного аккорда: в кульминации знаменитого доклада он поделит мир на «своих и чужих». Своих он наделяет характеристиками с плюсом, чужих – минусом:

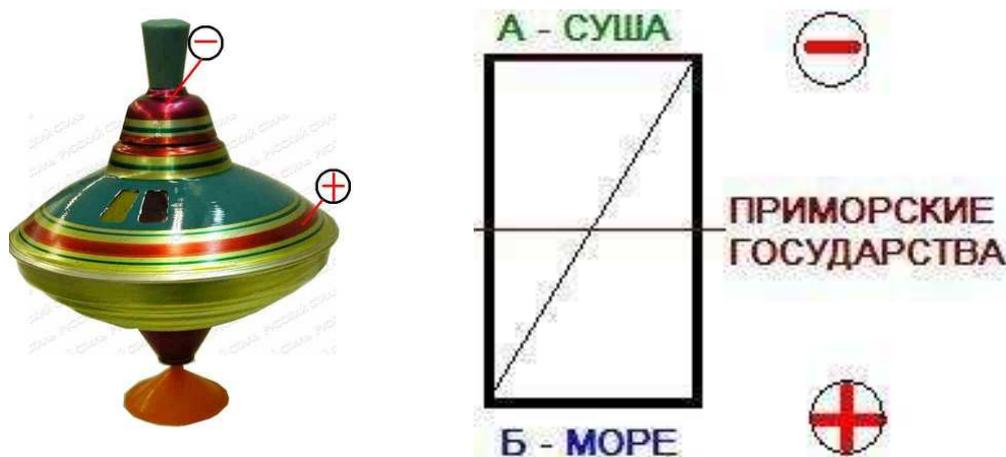

Рис. 31. «Присобачивание» ценностей к модели юлы.

Исходная связь между цивилизационным типом и геополитическим характером тех или иных сил – это ведь даже не гипотеза, это у Макиндера чистой воды идеологема. С физиологически очевидной опорой – вращающейся моделью юлы. И с незаметным наделянием полосок-кружков на ней плюси́ком и минуси́ком. Классический пиар-прием брендинга: снаружи физическая модель, обладающая запоминающейся образностью, внутри – ценностная ориентация, не видимая и не рефлектируемая – так делается постановка программы потребителю-читателю-слушателю.

Британцам было от чего придти в восторг от этой конструкции. В ней возникли «свои» – это хорошие морские ребята и страны, и «чужие» – плохие сухопутные, и вообще, любые не-морские. За это можно простить даже то, что главными в истории у него оказались приморские цивилизации Рим-ланда, совмещающие два влияния в своем третьем, и потому такие разносторонние и перспективные.

Как видим, тут в модели Макиндера, которая вообще-то и до этого ничего особо не объясняла в истории, производится очень характерная для англичан операция: «присобачивание» ценностей, пришивание к схеме юлы еще и ценностного «магнита» с двумя полюсами.

Рис. 32 Юла + магнит.

В Великобритании и до Макиндера к политике «открытых дверей» присобачивается либеральная идея (свобода!) и доказывается, что **это есть хорошо**. А почему хорошо? И главное – кому хорошо? Ясно кому, торговцам и морским разбойникам, что часто в истории одно и то же. Тут надо постараться убедить сухопутных лохов, что у них-то было плохо, пока к ним не приплыли либеральные торгаши. Это был успех!

От свойств видимой нами воды и суши у него в теории появляются главные показатели... цивилизаций: «статика и динамика». Он незаметно так вводит *вторую физиологическую опору зримой модели: статика суши и динамика воды*. Она хорошо коррелируется с моделью волчка: в середине неподвижность, снаружи – ух, как крутит нас! И теперь чуть подробнее.

ПАРА·МОРЕ – СУША

Земля сердцевины, географическая ось истории

(континентальные цивилизации)

закрытость;

статика суши = статика общества, порождающая застывший архаизм, тоталитаризм, авторитаризм, иерархический, недемократический строй;

неторговый характер экономики (экономическая автаркия);

коллективизм (тружеников земли и воинов);

да еще и давление «разбойников суши».

Внешний (островной) полумесяц

(морские цивилизации)

открытость;

динамика воды = динамика общества: отсюда избыточный динамизм, порождающий легкий цивилизационный хаос;

либерализм, демократические формы политики;

торговый характер экономики;

индивидуализм (торговцев и моряков);

недостаток – давление «разбойников моря» (или островных жителей).

ПОРОЖДЕННОЕ ИМИ ТРЕТЬЕ

Внутренний полумесяц, Римланд

(прибрежные цивилизации)

Двойственность, противоположные влияния, порождающие:

– сочетание обеих идеологических систем;

– сочетание обеих экономических систем;

– сочетание обеих психологических систем;

= зона наиболее интенсивного развития, место приоритетного развития цивилизаций в истории.

Так зачем нужно было вводить в предыдущую схему магнит? А вот зачем, получился **двигатель истории**, где в середине постоянно крутится прибрежный Римланд:

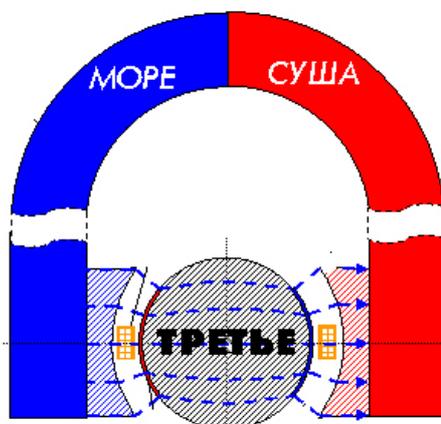

Рис. 33. Римланд как третье между полюсами магнита «Суша-Море».

Отсюда все эти теллурократы, талассократы и римленд в последующих моделях геополитики. Идеи и аргументы Макиндера, уже век как развиваемые стараниями эпигонов и продолжателей, теперь выглядят вполне респектабельно – поскольку их все повторяют хором и они обрастают дополнительными сложностями как корабль ракушками. А если век подряд повторять хором любую «лапшу», то все в нее и поверят безоговорочно. Боюсь, что так оно и произошло и мы имеем дело в данном случае все с той же посаженной в еврокультуру британской идеологией «открытых дверей», но в терминах и на моделях нового гуру.

Исходный посыл был следующий: различия в доминирующей среде обитания накладывают отпечаток на все сферы жизнедеятельности государства. Но про это и Ратцель писал, и Челлен.

А дальше начинается чистой воды литература, основанная на вольных допущениях: **жители государств суши всегда** привязаны к своей родной земле, у них есть *постоянный* дом, в котором они проводят большую часть своего времени. Все необходимое они могли взять в окружающей их природной среде: пищу, одежду, строительные материалы и энергию – экономическая **автаркия**.

Куда-то, правда, из модели исчезли кочевники, но это мелочи. Потом они появятся под именем «разбойников суши».

В основном сухопутные этносы и народы «не нуждались в торговле», хотя таковая явно есть и тут: Великий шелковый путь, внутренние реки и т.д. Они очень ценили свою родную землю и свой дом, а поэтому защищали его, становясь **воинами**. Отсюда делается вывод, что жители суши ценили **защищенность**. Защищаться от внешних врагов всегда было лучше гуртом и поэтому **коллективизм** есть основа безопасности этого общества.

В противоположность им для **жителей цивилизаций моря** домом был корабль, где они проводили большую часть своего времени. Непосредственно защитить свой дом на берегу они не могли, поскольку обычно были вдали от него (наверное, этим у них жены занимались). Отсюда превыше сухопутной «защищенности» ребята ценили свою морскую и прочую **свободу**. Одиночество в бескрайних морских просторах порождало **индивидуализм**. Не занимаясь делами сухопутными, им оставалось только грабить на море или стать **торговцами**. Вот почему сии цивилизации живут за счет благородного обмена.

Когда мне навязывают в кино уже четвертого «Джека Воробья» для внушки, я вспоминаю Макиндера: натурально, романтика убийц и мертвецов. На этом фоне – ну чего интересного и романтического она может почерпнуть в вечном трудолюбии крестьян на среднерусской возвышенности? Только тут, вблизи, и понимаешь ловушку макиндеровской идеологемы.

Были, конечно, и девиантные явления, что породило по отношению к приморским цивилизациям вторичный дуализм «разбойников суши» и «разбойников моря». И те, и другие, нападали на страны «внутреннего полумесяца», и сия борьба является главным катализатором всех исторических изменений с древнейших времен. Как видим, Макиндер развил арабскую идею Ибн Хальдуна об источнике исторических циклов (кочевники – оседлые) до дуальности «разбойников суши» и «разбойников моря».

Спросим себя: не для пущей ли убедительности и литературности вводятся здесь «разбойники суши и моря»? Ведь они нужны, чтобы только доказать, что все лучшее в истории мы видим в Европе (зона «внутреннего полумесяца»). Это уже **евроцентризм**, возведенный в идол. Первичная конструкция макиндеровского мифа построена так политически грамотно, что он умудряется возвеличить Великобританию, похвалить Европу и вытереть ноги о Россию «в одном флаконе».

Рис. 34. Ценностная модель, «присобаченная» к модели юлы.

ИТОГОВАЯ МОДЕЛЬ МИФА МАКИНДЕРА

Наш анализ приближается к концу. Мы раскрыли логическое устройство мифа Макиндера, полное непозволительных аналогий и натяжек.

И, наконец, к этой паре с третьим пришиваются белыми нитками все прочие многочисленные характеристики цивилизаций – а с чего вдруг? а **по аналогии**, которую мы рассмотрели выше. И какие характеристики? а все, уже хорошо нам известные по Ратцелю-Челлену. Кстати, ошибка предыдущих геополитиков (склейка понятий) здесь в конструкции сохранилась, никуда не делась. Итак, слои характеристик:

- управление в обществе (тип власти, политический строй);
- культура, менталитет, ценности, психология населения (народа, этноса);
- питание, экономика, способ производства;
- физическая основа географических факторов (стихия Топоса).

Рис. 35. Слои анализа цивилизаций.

Что разводится в паре и соединяется в третьем? Все, по нашей же модели. А принцип столь жесткого разведения в исторической географии Макиндера прост, это аналогия: **статика Земли и динамика Воды.**

И что перед нами на самом деле в учении Макиндера? Совмещение в матрице двух развернутых противоречий типа: «дух – материя» и «суша – вода». Где, вообще-то, пара «суша – вода» является разверткой Топоса (как материально-вещественного основания государства).

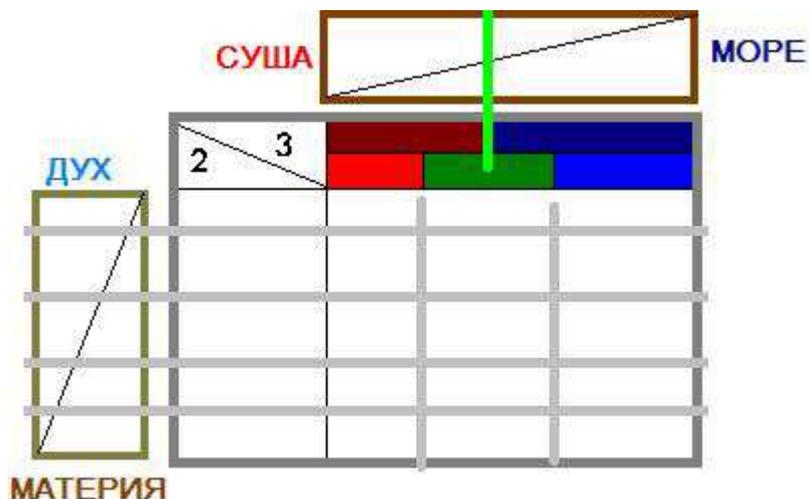

Рис. 36. Принципиальная схема матрицы: 2 x 3.

Теперь это можно вывести на единую матричную схему с картинками:

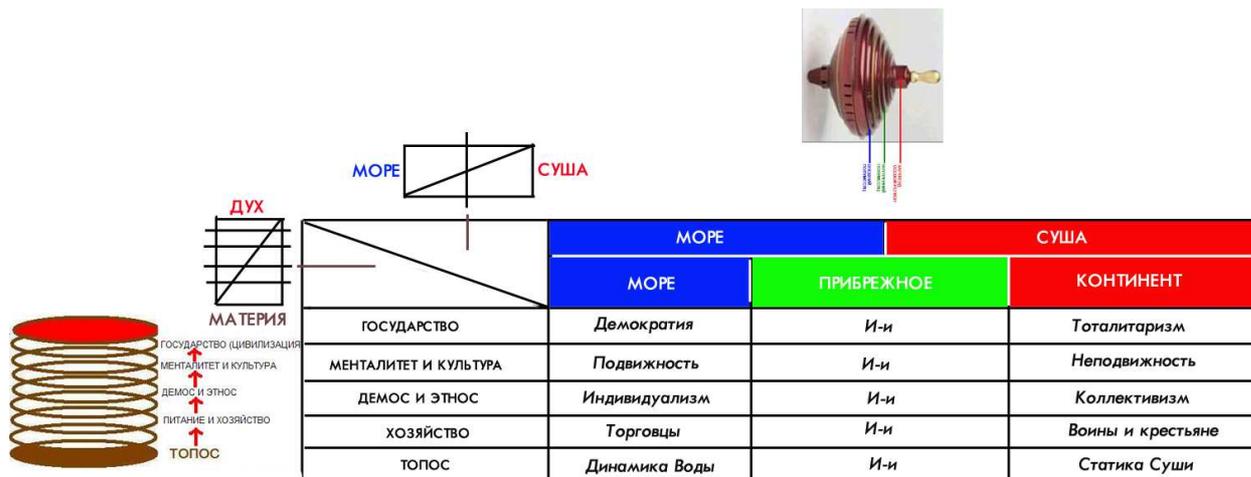

Рис. 37. Итоговая схема модели Х. Макиндера (источки).

Или без картинок:

Типы топоса Факторы		МОРЕ		СУША	
		МОРЕ	ПРИБРЕЖНЫЕ ТЕРРИТОРИИ	КОНТИНЕНТ	
ГОСУДАРСТВО		Демократия	И-и	Тоталитаризм	
МЕНТАЛИТЕТ И КУЛЬТУРА		Подвижность	И-и	Неподвижность	
ДЕМОС И ЭТНОС		Индивидуализм	И-и	Коллективизм	
ХОЗЯЙСТВО		Торговцы	И-и	Воины и крестьяне	
ТОПОС		Динамика Воды	И-и	Статика Суши	

Рис. 38. Итоговая матрица модели Х. Макиндера.

Пару слов напоследок

Мы разобрали в основном только первую модель Макиндера (1904 года с дополнениями), да и то потому, что в ней много чего есть про Россию и ее геополитическое место – она льстит нашему самолюбию и поддерживает идиотскую иллюзию, что мы можем и дальше придерживаться политики «царствуй, лежа на боку».

А потом, в 1919 году, Россия просто исчезает из поля глобальных интересов Макиндера – это уже руины континентальной империи и он сбросил ее со счетов вместе с любимой осью. А потом она снова выплывает в виде СССР и, чтобы выпутаться, он противопоставит ей «ось США».

Вообще, когда сталкиваешься непосредственно с текстами Макиндера, поражаешься его изворотливости и абсолютной, ничем не прикрытой политической конъюнктурности. Во второй книге он «не помнит», что именно писал в первой статье, в третьей статье «забывает» все предыдущее – изменилась ситуация в мире и он *плетет такие кружева!* Некоторые наивно воспринимают эти его словесные экзерсисы как актуальную политическую аналитику его времени, но это не так: в его текстах всегда не одно, а два-три дна, а то и больше. Делает он это с единственной и неизменной целью: интересы Великобритании превыше всего, лохам надо вешать лапшу, а своим – незаметно отдавать команды. В связи с этим зримые планетарные модели у него все более запутываются, ухудшаются и усложняются, превращаясь в подобие картин С. Поллака. Мне это напоминает «Неведомый шедевр» Оноре де Бальзака, где гениальный художник так долго «улучшал» свое творение, что просто перестал видеть реальность – от шедевра осталась бессмысленная куча пятен на холсте.

Кстати, именно в этом ракурсе я и предлагаю воспринимать инварианты построений Макиндера – это художественные образы (Лого), предназначенные для поддержания бренда его страны и Европы на мировой арене.

Поскольку перед нами брендинг – *ценностная программа*, а не наука, не удивительно, что Макиндер практически ни разу не смог предвидеть событий, которые происходили на протяжении 10-15 лет после публикаций егоopusов. Так что в итоге реальным политиком он оказался так себе, аналитиком тоже, а прогностиком и вовсе никудышним.

Откуда же это – то явное, то скрытое – поклонение моделям Макиндера в нашем Отечестве? Констатируем: он преуспел в брендинге. И его бренд Великобритании с Европой до сих пор продается. На него охотно «ведутся» толпы наших студентов и просто любителей, изучающих предмет под названием «геополитика». А минус-бренд России нанес нам наибольший вред на «рынке государств» еще в начале XX века. Ну как еще можно относиться к диким сельхоз-ордам, окруженным еще более дикими кочевниками, которые

только и мечтают, как бы растоптать его маленький и невинный остров без полезных ископаемых, населенный славными моряками и милыми пиратами. Поэтому в противостоянии двух сверхимперий роль его пиара исторически оказалась очень действенной. И остается таковой.

Как пишет Ф. Моро-Дефарж: *«Интеллектуальная заслуга Макиндера состоит в том, что он установил связь между географией и историей. С одной стороны, история не может существовать вне географии, вне континентов и океанов, вне связи с долинами и горами, реками и пустынями, “история людей неотделима от жизни всемирного организма”, поскольку человеческие амбиции подвержены влиянию географии и используют ее. С другой стороны, история постоянно переделывает географию благодаря появлению новых технических и экономических возможностей, наконец, благодаря новым человеческим замыслам».*

2.6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

Изменение места и веса геополитики

В XX-м веке можно назвать две политические системы, которые в той или иной мере опирались на идею власти как выразителя и политического проводника «естественной» детерминации. Большевики разогнали всех политических конкурентов, основываясь на том, что только они знают законы естественной детерминации истории и вся эта разношерстная свора путается у них под ногами (использование доминирующей детерминанты исторического времени). Нацисты несколько позже сделали то же самое, даже пройдя через всенародные выборы, и одним из ведущих оснований для их экспансии послужила геополитика (использование доминирующей детерминанты исторического пространства).

По мере явного краха политического использования этих «естественных» детерминант XX век все более становился веком «искусственных» политических технологий, в которых идея детерминации власти иногда вообще отвергается, уступая место волюнтаристскому «проектированию и производству» власти. В остальном наблюдается равновесие: геополитика наряду с сопровождающими ее многочисленными длиннопериодными (абиотическими) и среднепериодными (биоантропо-) науками постепенно перекочевывает под крыло политологии, описывая более или менее значимый для разных теорий набор естественных детерминант. Этот переход связан, с одной стороны, с действительным ускорением социальных процессов в историческом масштабе, а с другой – с таким же процессом ускорения в рамках циклов промежуточных, а главное – столетнего цикла. Именно в начале столетнего цикла политика должна была опираться на естественные детерминанты, а наука – познавать их (об этом мы будем говорить неоднократно); именно в конце столетнего цикла идеи естественной детерминации самыми горячими головами должны объявляться упраздненными. Но преимущественно мы наблюдаем их смеси.

Геополитика лишь с виду была логическим ребенком науки Нового времени. Дело в том, что потребность в ней возникла именно в момент формирования экспансионистской немецкой и английской политики последней трети прошлого века (переломной точкой здесь признается Берлинский конгресс 1878 года, ставший для дипломатии исторической миной замедленного действия, нередко упоминающийся в качестве причины двух мировых войн и вечно тлеющего «балканского кризиса»). На самом деле геополитика изначально «проективна», ибо обслуживает экспансионистские проекты. Как наука, она недостаточно фундаментальна, потому что, не сформировав общепризнанной фундаментальной основы, она сразу же занялась прикладничеством. По сравнению с изящной и глубокой по мыслям работой Л.И. Мечникова, геополитические теории напоминают грубую рыночную подделку под настоящий амбир. К сожалению, уже пробивавшаяся в мыслях Мечникова идея идеальной детерминации истории не была им развита: она не родилась ввиду главенства в его взглядах идеологии анархизма, истоком которой, по мнению ученого, служит якобы априори присущая обществу кооперация. Между тем переход от общества абсолютного принуждения к обществу абсолютной свободы происходит постепенно. Л.И. Мечников разработал концепцию лишь в пределах первого этапа (деспотии) – больше он просто не успел. Сам же вопрос о переходе к «обществу кооператоров» повис в воздухе (отголоски этой глобальной идеи слышны не только у Чаянова, но и у Ленина). Но, описав в основном топическую, средовую переменную и ее роль в возникновении цивилизованности, Мечников уже ушел далеко вперед всех последующих геополитиков: топика в его системе есть только часть значительно более сложного целого, часть среды, включенной в астрономические, климатические и прочие естественные составляющие; кроме того, он уже обозначал и переход к океанической подвижности, и среднюю идею внутренних морей, и многое другое. Его насыщенная книга вышла в 1889 году, а первые простодушные геополитические гимны зазвучали в самом конце XIX-го века и начале XX-го. Относить же социологию Мечникова к геодетерминистической просто

невозможно: идея кооперации как ведущего свойства человечества вообще не детерминирована пространством.

Идея идеальной детерминации истории и перехода к управляемой эволюции так же отличаются от примитивного волюнтаризма и попсибилизма, как небо – от земли. Дело в том, что управлять историей, как попытались большевики, без достаточных оснований, хотя бы в масштабах страны, уже позволяют современные политические технологии, но идея идеальной детерминации и управления эволюцией строится на фундаменте генетического управления, причем с учетом всех известных типов циклов. А именно генетиков (в естествознании, биологии, социологии и экономике) в первую очередь уничтожил если не сам Сталин, то логика сталинизма. Таким образом, большевизм в лице Сталина стал равен волюнтаризму, а Ленин, кстати, отнесен к одним из великих изобретателей человечества как автор новой технологии власти (Российский обозреватель, 1996. № 2). «Поссибилизм» Видаля, прославляющий возможности воли человека, реализовался тут наихудшим образом.

Политические технологии западных демократий построены в этом смысле как адаптивные: они не углубляются в обоснование логики истории и т.п., а строятся на короткопериодном принципе – быстрых локальных модернизациях и отборе жизнеспособных вариантов. Полученные в результате политические машины пригодны исключительно для конкретных условий, поэтому их перенос на иные условия не имеет основания: как и всякий перенос формы, он порождает только псевдоморфизм. Например, институт президентства и двухпалатный парламент (с преобладающей в неторопливом законотворчестве верхней палатой) гарантирует от скатывания к диктатуре лишь при достаточно однородном (в имущественном, расовом и культурном отношении) электорате и достаточности неосвоенного пространства для развития в такой стране, как США. Перенос его в совершенно противоположную по характеристикам Россию способен привести, соответственно, и к прямо противоположному результату. То, что мы получили в политическом устройстве

после расстрела в 1993 году «реакционного Верховного Совета», с данной точки зрения, называется псевдоморфом.

За этими фасадными преобразованиями стоит совершенно иная причина: советская технология власти вовсе не умерла, а переживает период второй модернизации (первая была не до конца проведена в 60-х). Вторая модернизация разворачивается и как социально-политическая (в ходе которой устаревшая система власти КПСС была приватизирована новой номенклатурой), и как технико-технологическая (в ходе которой легализация «теневого» капитала стала единственно возможным ее основанием), и как финансовая (финансовая система есть субъект воспроизводства и развития систем деятельности). Центральной здесь является сохраняющаяся монополия распределения прав и финансов, а она принадлежит нашей новой номенклатуре. Вопрос о движущих силах и субъектах этих трех модернизаций в экономике и политике решен однозначно: страной и ее регионами управляет все тот же набор членов Политбюро и секретарей обкомов и горкомов, их власть безмерна и бесконтрольна, им же принадлежат все реальные финансовые механизмы. Образование псевдоморфического «западного» фасада является при этом совершенно естественным приемом, таким же, как повсеместный евро-ремонт: маскировка истинной идеологии новой номенклатуры прикрывается внешней схожестью с демократиями запада. Но чем дальше, тем больше тот же Запад убеждается, что происходит что-то странное и не сопоставимое с привычными ему схемами ни в политике, ни в экономике. И вывески, и офисы, вкупе с англоязычным лексиконом, перестают убеждать. Политика идеально совпадает в нашем случае с искусством: такого рода псевдоморфизм вообще есть обязательное свойство культуры нашего периода истории (начиная от телесериала «Куклы» и кончая вообще очень популярной идеей маски, «Человека в маске», маскарадности, карнавальности, двойников; подробнее – позже). Некоторые телезрители начинают путать, что же сказал реальный Ельцин, а что – его кукольный двойник, который иногда воздейству-

ет даже активнее оригинала. Так и Запад, привыкший верить вывескам, пока еще путает нашу модернизацию со своей или очень похожей на нее.

Действительный поток «модернизационных революций» наблюдался в мире в 70-е годы, а активная политика региональных реформ имела место в развитых индустриальных странах в начале 80-х. Во многом это происходило в связи с неожиданным взрывом экономического роста стран Азиатско-Тихоокеанского региона и их резко возросшим влиянием (геополитическим, особенно геоэкономическим) во всем мире. Соотношение сил в связи с этим изменилось если не коренным образом, то весьма существенно. Прежде всего полностью сменились парадигма и ценности в хозяйственной сфере. Век назад, когда во главу угла всех экономик ставился вопрос естественных ресурсов, войны за перераспределение территорий (как носителя ресурсов) были прямым продолжением экономики. «Бархатный» развал последней сверхдержавы – СССР, с его лагерем социализма, – произошел уже на фоне всеобщего экономического спада начала 90-х, а сегодня бывший Союз со всеми потрохами в кратчайший срок попал под цепкое влияние США, Европы и стран Азиатско-Тихоокеанского региона безо всяких войн и колонизации. Что характерно, сказки о своем видоизменении рассказываем не только мы им, но и они – нам: ситуация нашего перехода к рынку сегодня очень напоминает картину Репина «Не ждали» – так называемый «мировой рынок» уже сейчас практически закрыт для новорожденной российской «рыночной демократии». Наученные неожиданными прорывами Южной Кореи и прочих недавних аутсайдеров лидеры мирового рынка полностью блокировали саму возможность повторения подобных «чудес»: этому исправно служит новая мировая финансово-валютная система, установленная полтора-два десятилетия назад. Мы уже имеем счастье почувствовать удушающие кольца ее «анаконды» на себе. Есть и другие, внеэкономические, регуляторы и способы удушения без войн: это и реализация стратегии финансово-культурного неокOLONIALИЗМА в бывших республиках СССР (ранее отработанная на ряде «третьих стран»), и целенаправленное политическое вмешательство Запада в разво-

рачивание югославского и ближневосточного конфликтов, минуя мнение ООН.

На фоне этих игр изменения общей геополитической ситуации выглядят весьма удручающими, а прогнозы – неутешительными. Чтобы осуществлять могущественную геополитику, нужны в первую очередь устойчивая экономика и мощная государственность. Каковы же в этом плане возможности будущего и самые опасные рифы?

Регионы, возникшие на территории бывшего СССР, выбрали не самый удачный момент для включения в мировую систему разделения труда. Мировое сообщество само испытывает кризис: меняются его модели развития, тип хозяйственной организации и тип политической культуры. Так что сегодня вполне допустимо сделать вывод, что эконолония – это единственная перспектива включения России в мировую кооперацию и обмен, учитывая ее безумные долги и резко падающее значение нефти. Шаги модернизаций не скоро приведут ее хотя бы к латиноамериканской модели. Но наша основная проблема состоит в том, что нам вообще противопоказан подобный путь догоняющего развития: ставший на него способен полностью потерять все свои ресурсы и самый главный из них – ресурс свободы. В новой конкурентной войне важнейшую роль начинает играть способность к мобилизации индивидуальной и групповой воли (хотя не менее значимы экспансия, контроль и доминирование).

Путь псевдоморфной маскировки чрезвычайно опасен. Нам следовало бы строить свое здание – и у него возник бы соответствующий фасад, но при наличии вышеописанных реальных субъектов при власти и финансах это исключено. Кстати, эти субъекты сами загоняют себя в кризис сознания неудачными попытками реализации известных им аналогов и прототипов, которые «почему-то не работают» в этой стране. В отличие от техники, где советские инженеры более-менее удачно воровали и воруют иноземные аналоги и прототипы, социальные нововведения таким способом не заработают никогда. Эту неадекватность применяемых средств для изменения социаль-

ной ситуации чувствуют все, особенно на фоне отсутствия идеологии. Следовательно, мы успешно движемся к социальному взрыву, способному взорвать наше общество изнутри, – и его уже не нужно будет завоевывать снаружи.

Есть три цели, достижение которых мы продекларировали и мимо которых уже прошли. В социальной системе речь шла о гражданском обществе, в политической – о правовом государстве, в экономической – о свободном предпринимательстве и рынке. Относительно права и предпринимательства и их хозяев есть полная ясность – по поводу гражданского общества ее пока нет. Геополитика привязана к идее государства, и с этих позиций мы и подводим итоги. Государство, как декларируют, должно иметь целью максимально эффективное включение ресурсов страны в мировое хозяйство и, наоборот, максимально эффективное использование его для развития своей территории и жителей. Чтобы реализовать такие цели, это должно быть сильное не только снаружи, но и изнутри государство; но и данная проблема обозначилась в момент, когда изменились сами функции государств в мире и они делегируют свои права как вверх (международные органы), так и вниз (регионы и т.п.). То, что мы получили в результате в отношении государственности, есть его паралич и снаружи, и изнутри.

Мы отказались от социалистической идеологии в период нарастающего укрепления социалистической ориентации у значительной части населения Земли. Мы не приобрели иной идеологии и явно движемся к чему-то типа вялотекущей шизофрении: вместо единого гражданского общества и консолидации в массовом сознании наблюдается потеря ориентиров и устрашающий рост состояния неопределенности. Место идеологии в таких общественных ситуациях начинают занимать идеи фашизма (пока не приобретшие оформленности) – и очень многие аналитики вспоминают в связи с этим ситуацию с Веймарской республикой 20-х.

Между тем из всех ресурсов, которые есть у нас, один важнейший, несомненно, еще некоторое время будет сохраняться, и за него нам нужно ска-

зять большое спасибо охаянному всеми социализму, ибо только этот ресурс оставляет нам шанс выбраться из кризиса. Это – ресурс русской науки и культуры и образовательно-квалификационный ресурс населения, пока еще очень высокий. Он сосредоточен вокруг систем образования и относится к ключевым стратегическим ресурсам любой страны. Подход к трактовке данного ресурса зависит от философских установок. Для нас это – главный ресурс социальной эволюции – и об этом вся наша книга. Для прагматиков и инструментальных рационалистов это – массово освоенный слой «технологии мышления, понимания, рефлексии и профессиональной деятельности». Но во всех случаях его возвращение было, есть и еще долго будет неосуществимой мечтой и непозволительной роскошью для стран третьего мира, потому-то они Западу не конкуренты. Чтобы грамотно использовать этот колоссальный человеческий капитал, многое в нашей стране должно измениться. Если мы упустим единственный исторический шанс, то предадим Родину, ее историю и интересы ее территории. Данному уникальному ресурсу должны соответствовать все прочие, и не так уж сложно построить иерархию подобного соответствия.

Геополитические аналитики считают, что если Россия не станет в ближайшие 15–20 лет центром Евразийской материковой консолидации, то она просто выйдет из геополитической игры, не исключено, что навсегда.

Растерянность и пустота в практической геополитике, наступившие после 1991-го года, когда важнейшие геополитические позиции России одна за другой сдавались без боя, все еще наблюдаются. Последним крупнейшим геополитическим ударом стало одностороннее расширение НАТО. Об этом можно только сожалеть, потому что за утраченными геополитическими позициями стояла работа многих поколений русских мыслителей и людей власти. Но, с другой стороны, то, что наработано в культуре, никуда не исчезает. Оно ждет своего субъекта, человека истории.

* * *

Становление мировой геополитики как науки показывает, что она давно и далеко ушла от примитивного геодетерминизма и экспансионистской ориентации. Большинство ее авторов уже окончательно ориентировано на восприятие мирового сообщества в качестве единой системы в масштабах всей планеты, что, собственно, и соответствует названию «геополитика». Но тогда она должна видоизмениться и в своих целях, и в своих методах, а до этого, увы, пока далеко. Нам кажется, что ставить и решать вопросы всемирной интеграции в хронотопическом измерении невозможно, не перейдя к принципиально иному состоянию всего земного сообщества. Можно делать лишь более или менее успешные шаги в данном направлении.

* * *

Мы с сожалением завершаем главу, поскольку, как читатель мог наблюдать, мы уже начали писать историю и теорию геополитики. А это у нас по плану отдельная книга. И будет она называться «Системогенетика геополитики» или в этом роде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работы, подобные этой книге, не имеют конца: пока они пишутся, выходит в свет множество интереснейших книг и появляется немалое количество прочих полезных текстов. Все это хочется осмыслить и ввести в уже готовую работу, которая начиналась с большой книжной статьи [7], выросла в книгу уже давно и потом переписывалась многократно. Но рано или поздно нужно остановиться, “наступить на горло собственной песне” и тем самым зафиксировать промежуточный итог бесконечного процесса поиска. Относиться к этому нужно легко: будет возможность – тема продолжится, неразвернутые положения понемногу уточнятся и т.д. В этом отношении поучителен пример Ю. Борева, который бесконечно совершенствует свою эстетику [59] и честно пытается ввести ее в резонанс с текущим временем и его ментальностью. С ним можно соглашаться или возражать ему, но при этом он постоянно инвариантен сам себе.

Так что многое впереди – и поручкой тому огромный объем накопившихся у меня выписок, заметок, набросков и прочего рабочего материала по данной теме. Иногда даже хочется просто издать их как “Заметки по экзистенциальной системогенетике”, ведь есть разряд мыслей, никак не втискивающихся в большое и структурированное тематическое целое. Розанов нашел такому материалу хорошее применение, когда создал свой жанр “Коробов”, и, быть может, мы впоследствии воспользуемся его остроумным опытом.

Что касается лежащей перед вами книги, ее замысел столь же прост, сколь и заманчив: проследить главные этапы становления ментального времени и пространства. Мы не акцентировали внимания на смене парадигм, хотя именно в такие моменты появляется ясность в различении качественно разного, а старались раскрыть устойчивую суть ментальных парадигм, остающихся достаточно однородными на протяжении больших ментальных

циклов. Тему больших ментальных циклов и их циклических модификаций мы развиваем в третьей книге “Формула истории”, здесь же ограничимся тем, что за предельно большие ментальные циклы мы принимаем формационные циклы. Внутри них мы наблюдали, как минимум, три разновидности (объектную, объект-субъектную и субъектную фазы). Ментальный хронотоп образует целостность – и следовало бы отдельно изучить процессы перехода от доминирования пространства к доминированию времени внутри формационных (и более локальных) ментальных циклов. Это интересная, но еще плохо исследованная тема у нас впереди.

Если подводить итоги и припомнить, что сюда не вошло, то будет не так уж и много. Основное, не вошедшее в эту книгу, но планировавшееся для нее – история видения. Очень хотелось продемонстрировать логику становящегося видения человечества, которая поразила меня своей открывшейся очевидностью: человек *смотрит*, но *видит* человечество. Человек видит сквозь призму социальной общности своего времени, при помощи ментальных моделей, а они развиваются от линейных – к плоскостным – затем к объемным – и, наконец, к пространственным. Что касается пространственных моделей, то по мере приближения к нашему времени из статических они становятся все более и более динамическими (в глобальном хронотопе происходит переход от доминирования пространства к доминированию времени). *Переход от статического к динамическому пространству* зафиксирован в возрастании влияния геополитики, отсюда – этот раздел в главе о ментальном пространстве. Усиление динамического показателя в освоении пространства описано у Тоффлера и у многих других исследователей. Конечно, эту тему следует развивать, но мы ограничились тем, что смогли наработать на сегодняшний день.

Второе, что никак не могло сюда вместиться, – это более детальный разбор истории развития искусства последнего периода. Имеется в виду хронотопический анализ ментальных моделей в произведениях искусства от Нового времени и до наших дней. Это искусство переживало период бурного рас-

цвета, и в нем превосходно отразились все те тенденции, о которых мы только что говорили: нарастание динамичности, переход от статического “ньютоновского” пространства к релятивистскому и т.д. Наша точка зрения на эволюцию ментального хронотопа хорошо объясняет не только политическую ориентацию недавнего и ближайшего времени [13], но и возникновение и эволюцию модернизма в искусстве. Мы эту тему не оставляем и готовим отдельную работу “Динамика искусства”, в которой хотим подойти к данной теме всесторонне и комплексно. Она вписывается в нашу серию “Формула истории” и будет ее пятой книгой, в основном завершенной уже сегодня.

Мы отдаем себе отчет, что стилистически текст книги несколько неоднороден и что над этим можно будет еще поработать. Отличаются первая и вторая главы, а во второй главе первая часть – от второй. Суть не в том, что они писались в разное время и с большими перерывами, хотя это так, а в самой тематике материала и существующим по поводу избранных тем специфическом сленге. Группы авторов, пишущих о времени и пространстве, кардинально отличаются друг от друга и понятийно, и стилистически, не поддаваясь этому влиянию, как я теперь понимаю, было невозможно. Но это никак не влияет на достижение целей, поставленных уже в начале и обусловленных заглавием.

Несколько особняком стоит серия очерков об отцах-основателях современной системогенетической картины мира. Это – потенциальный материал для вполне самостоятельной книги с ясно очерченным жанром и темой. Но в структуру этого материала он лег органически, и мы не стали его расширять. Естественно требует своего расширения линия экзистенциализма, куда могли бы войти и оригинальные российские мыслители. Но это – планы, и они хороши своей возможной перспективой. Впрочем, если “предисловие подобно громоотводу”, то заключение должно быть подобно гайке, которую ты сам, как Сталкер, забрасываешь в будущее – и появляются стимулы действовать.

К теме глобальных циклических теорий примыкает и такая тема, как циклические теории искусства. Их немного, но это – яркие прикладные тео-

рии, которые мы используем в дальнейшем для анализа цикличности искусства. Здесь они возникли, потому что в эту книгу мы “сгрузили” всю историографическую часть нашей серии “Формула истории”. Наш метод содержит движение от наиболее общих (философских и системогенетических) моделей через все, связанное с искусством, вплоть до конкретного композиционного анализа конкретных произведений искусства в контексте истории. Поскольку возвращаться к историографии в данной серии не представляется возможным, мы и поместили эту тематическую вставку там, где она покоится. Предназначена она, скорее знатокам искусства, но не будет лишним во всякой ясности иметь и не очень ясное.

Что касается темы пространства в европейском менталитете после Возрождения, то более подробно мы развили ее в нашей работе “Экзистенциальная системогенетика”. Здесь важнее всего эволюция хронотопического моделирования в целом, что обозначается нами как переход от доминирования пространства к доминированию времени. Лучше всего это видно на материале искусства.

С сожалением завершая эту книгу, мы не собираемся расставаться с читателем. Позади у нас первая книга серии “Числовые инварианты в менталитете”, в руках вы держите “Эволюцию ментального хронотопа”, впереди у нас “Формула истории”, “Экзистенциальная системогенетика” и “Динамика искусства”. По мере того, как все это компоновалось, возник замысел и сделаны наброски “Системогенетической истории философии” и “Системогенетической философии истории”, “Системогенетической теории ценности” и работы по этике. Хочется также дополнить недавно вышедшую книгу статей “Понимание истории” вторым томом, так как новых опубликованных статей для нее поднакопилось достаточно. И еще хочется опубликовать “Заметки”, которые всю эту серию расширят и раскрасят своей спонтанной афористичностью. Ну что же, как говорят французы, “хотеть – значит мочь”. Время, которое у нас есть, – это книги, которых у нас еще нет. Поэтому они непременно будут!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с., илл.
2. *Августин А.* Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. Общая редакция и статья А.А. Столярова. – М.: Канон+, 1997. – 464 с. – (История христианской мысли в памятниках).
3. *Александров Н.Н.* Дуальность свободы общества и свободы личности в мере человека // В сб.: “Человек – мера всех вещей”. – Горький: Изд-во ГИСИ, 1990. С. 92-95.
4. *Александров Н.Н.* Циклические закономерности развития образных систем в дизайне // В сб.: “Футуро-дизайн, 89”. Материалы первой Всесоюзной конференции по проблемам проектного прогнозирования. – М.: Изд-во ВНИИТЭ, 1990. С. 110-112.
5. *Александров Н.Н.* Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике // В сб.: Квалиметрия образования. Методология и практика. – М.: Изд-во ИЦ ПК ПС, 1993. С. 70-137.
6. *Александров Н.Н.* Взлет и падение. Место “производственного искусства” в контексте советского искусства 20-х годов. – Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. – 26 с.
7. *Александров Н.Н.* Глобальные ментальные циклы и модели времени в истории // В сб.: “Системогенетика и учение о цикличности развития”. Кн. 1. Ч. 1. Под ред. Н.Н. Александрова. – Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. С. 8-33.
8. *Александров Н.Н.* Системогенетика и проблема глобального выбора // В сб.: “Системогенетика и учение о цикличности развития. Их приложение

в сфере образования и общественного интеллекта”. Тезисы докладов первой Международной конференции в Международной Академии бизнеса и банковского дела (с 14 по 19 июня 1994 года). Под ред. Н.Н. Александрова. – Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. С. 5-10.

9. *Александров Н.Н.* Структура и динамика многоуровневых образных систем. – Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. – 102 с.

10. *Александров Н.Н.* Звезда деятельности. – Тольятти: Изд-во “Акцент”, 1995. – 230 с.

11. *Александров Н.Н.* Концепция системогенезиса общества: цивилизация и культура сквозь призму искусства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Нижний Новгород, 1995. – 233 с.

12. *Александров Н.Н.* Числовые инварианты в менталитете. – Тольятти: Изд-во “Акцент”, 1996. – 500 с.

13. *Александров Н.Н.* Понимание времени. Культура и циклы. Избранные статьи. – Тольятти: Изд-во “Акцент”, 1997. – 446 с.

14. *Альтшуллер Г.С.* Творчество как точная наука. Теория решения изобретательских задач. – М.: Сов. радио, 1979. – 174 с.

15. Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 560 с.

16. Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Пер. с англ. / Под ред. Б. Дземидока и Б. Орлова. При участии издательства УГУ (г. Екатеринбург). – Екатеринбург: “Деловая книга”, Бишкек: “Одиссей”, 1997 г. – 320 с.

17. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэле, В. Одайник, Дж. Хаббек; Сост. В.А. Зеленский, А.М. Руткевич. – М.: “Мартис”, 1997. – 320 с. – (Классики зарубежной психологии).

18. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 728 с. – (Культурология. XX век).
19. Антропология. Общая теория человека. / Под ред. Л.А. Зеленова. – Нижний Новгород: НАСИ, 1991. – 172 с.
20. *Арватов Б.И.* Социологическая поэтика. – М.: Федерация, 1928. – 170 с.
21. *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль. Т. 1. (1975) – 550 с.; т. 2. (1978) – 587 с.; т. 3. (1981) – 613 с.; т. 4. (1984) – 830 с. – (Философское наследие). – В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.
22. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие / Пер. с англ. Общ. ред и вст. статья В.П. Шестакова. – М.: Искусство, 1974. – 392 с.
23. *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. – М.: Прометей, 1994. – 352 с.
24. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. – М.: Издательская группа “Прогресс” – “Политика”, 1992. – 608 с.
25. *Артемьева Е.Ю.* Семантические аспекты изучения памятников культуры // В сб.: “Памятниковедение. Теория, методология, практика”. – М.: НИИ культуры РФ, 1986. С. 62-76.
26. Архитектура и психология. Учебное пособие для вузов / Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. – М.: Стройиздат, 1993. – 295 с.
27. *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 150 с.
28. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. – 768 с.
29. *Асмус В.Ф.* Античная философия. – М.: Высшая школа, 1976. – 543 с.

30. *Афанасьев Ю.Н.* Эволюция теоретических основ Школы “Анналов” // Вопросы истории, 1981. № 9.
31. *Афанасьев Ю.Н.* Вчера и сегодня французской “Новой исторической науки” // Вопросы истории, 1984. № 8.
32. *Афасижев М.Н.* Искусство как предмет комплексного исследования (Методологические и научные аспекты системного исследования). – М.: Знание, 1983. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Эстетика”; № 6).
33. *Балашов Е.П.* Эволюционный синтез систем. – М.: Радио и связь, 1985. – 328 с.
34. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
35. *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.
36. *Барулин В.С.* Социальная философия. – М.: Изд-во МГУ, 1993. Ч. I. – 336 с. Ч. II. – 238 с.
37. *Басин Е.Я.* Семантическая философия искусства. (Критический анализ). – М.: Мысль, 1973. – 216 с.
38. *Басин Е.Я.* Психология художественного творчества (Личностный подход). – М.: Знание, 1985. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Эстетика”; № 5).
39. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // В кн.: Вопросы литературы и эстетики. – М.: Наука, 1975. – С. 234-407.
40. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
41. *Бегенау З.Г.* Функция, форма, качество. – М.: Изд-во “Мир”, 1969. – 168 с.
42. *Беда Г.В.* Живопись и ее изобразительные средства. – М.: Просвещение, 1977. – 188 с.

43. *Безмоздин Л.Н.* Художественно-конструктивная деятельность человека. – Ташкент: Изд-во “ФАН”, 1975. – 244 с.
44. *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст., прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX века).
45. *Бенедиктов Н.А., Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н.* Философия истории в России – XIX век. – Нижний Новгород, 1994. – 222 с.
46. *Бергер Л.Г.* Эпистемология искусства. – М.: Информационно-издательское агентство “Русский мир”, 1997. – 432 с.
47. *Бергсон А.* Собрание сочинений в четырех томах / Пер. с фр., – М.: “Московский клуб”, 1992. Т. 1. – 336 с., илл.
48. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. – М.: “КАНОН-пресс”, “Кучково поле”, 1997. – 384 с. – (Канон философии).
49. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с. – (Из истории отечественной философской мысли).
50. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с. (Серия “Мыслители XX века”).
51. *Л. фон Берталанфи.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
52. *Бессмертный Ю.Л.* “Анналы”: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. С. 7-24.
53. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 480 с. – (Памятники психологической мысли).
54. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 232 с. – (Памятники исторической мысли).
55. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. – В 2-х кн. – М.: Экономика, 1989. – (Кн. 1. – 304 с. Кн. 2 – 304 с.).
56. *Богданов (Малиновский) А.А.* Красная звезда. – М.: Правда, 1990. – 160 с.
57. *Богомолов А.С.* Становление античной диалектики. – М.: Мысль, 1982. – 263 с.

58. *Божко Ю.Г.* Эстетические свойства архитектуры. Моделирование и проектирование. – Киев: Будивэльнык, 1990. – 144 с.
59. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Издание 2-е. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
60. *Боулдинг К.* Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. С. 106-142.
61. *Боумен У.* Графическое представление информации. Пер с англ. – М.: Мир, 1971. – 226 с.
62. *Бреховских С.М.* Основы функциональной системологии материальных объектов. – М.: Наука, 1986. – 192 с.
63. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. Учебное пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
64. *Валери П.* Об искусстве. Сборник. Пер. с фр. – М.: Искусство, 1993. – 507 с.
65. *Ванслов В.В.* Изобразительное искусство и музыка. Очерки. – Л.: Художник РСФСР, 1977. – 297 с.
66. *Васильева Л.* Открой чело века! // “Литературная газета”, от 27 июля 1988 г. N 30. С. 12.
67. *Васютинский Н.А.* Золотая пропорция. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 238 с. (Эврика).
68. Введение в культурологию. Учеб. пособие для вузов / Руководитель автор. колл. и отв. ред. Е.В. Попов – М.: ВЛАДОС, 1996. – 336 с.
69. *Вебер М.* Избранное. Образ общества / Пер с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с. – (Лики культуры).
70. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
71. *Вёльфлин Г.* Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – 398 с. – (Классика искусствознания).

72. *Вельфлин Г.* Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения. Перевод с нем. А.А. Константиновой и В.М. Неужиной. – СПб.: Алетейя, 1997. – 398 с. – (Классика искусствознания).
73. *Вико Джамбаттиста.* Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итал. – Москва – Киев: "REFL-boos" – "ИСА", 1994. – 656 с.
74. *Винкельман И.И.* Избранные произведения и письма. Перевод А.А. Алявдиной / Репринт с изд. 1935 г. – М.: Ладомир., 1996. – 687 с.
75. Волновые процессы в общественном развитии (под ред. В.В. Василькова, И.П. Яковлева, И.Н. Барыгина и др.). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 229 с.
76. *Волошинов А.В.* Математика и искусство. – М.: Просвещение, 1992. – 335 с.
77. *Волошинов А.В.* Пифагор: союз истины, добра и красоты. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
78. Вопросы технической эстетики. Дизайн как предмет научных и социально-философских исследований. Вып. 2. – М.: Искусство, 1970. – 335 с.
79. *Воронцов Н.Н., Сухорукова Л.Н.* Эволюция органического мира: Факультатив. курс. Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с., ил.
80. *Выготский Л.С.* Психология искусства. Изд. 3-е. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
81. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Изд. 4, испр. – М.: Изд-во "Лабиринт", 1998. – 352 с.
82. *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. – М.: Изд-во корпорация "ЛОГОС", 1998. – 490 с.
83. *Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
84. *Галинская И.Л.* Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986. – 128 с.
85. *Гастев А.К.* Трудовые установки. – М.: "Экономика", 1973. – 343 с.
86. *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.

87. *Гачев Г.Д.* Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. Ч. 1. – М.: Искусство, 1972. – 200 с.
88. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. – М.: “Мысль”. (1975. Т. 1. – 350 с. Т. 2. – 695 с.; 1977. Т. 3. – 471 с.).
89. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. – СПб.: “Наука”, 1993. – 480 с.
90. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. В 2-х тт. – СПб.: “Наука”, 1998. Т. 1. – 622 с. Т. 2. – 603 с. – (Серия “Слово о сущем”).
91. *Геодакян В.А.* О структуре эволюционирующих систем // Проблемы кибернетики. Вып. 2. – М., 1972.
92. *Геодакян В.А.* Половой диморфизм и “отцовский эффект” // Журнал общей биологии. Т. 42. 1981. N 5.
93. Геоцикличность. Сб. науч. тр. – Новосибирск: ин-т геологии и геофизики СО АН СССР, 1976. – 123 с.
94. *Гердер И.-Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 704 с. – (Памятники исторической мысли).
95. *Гершунский Б.С.* Менталитет и образование. Учебное пособие для студентов. – М.: Институт практической психологии, 1996. – 144 с.
96. *Гёте И.-В.* Избранные произведения в 2-х томах. Пер. с нем. – М.: Правда, 1985. (Т. 1 – 704 с. Т. 2 – 704 с.)
97. *Гидион З.* Пространство, время, архитектура. Пер с нем. – М.: Стройиздат, 1984. – 456 с.
98. *Гинзбург М.Я.* Ритм в архитектуре. – М: Академия, 1923. – 120 с.
99. *Глазычев В.Л.* О дизайне. – М.: Искусство, 1970. – 192 с.
100. *Глазычев В.Л.* Язык и метод художественного проектирования. ДИ СССР, 1972. № 10.
101. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВладДар, 1993. – 310 с.
102. *Голицын Г.А., Петров В.М.* Гармония и алгебра живого. – М.: Знание, 1990. – 128 с. – (Естественно-научный фак.).

103. *Гончаренко Н.В.* Гений в искусстве и науке. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
104. *Гражданников Е.Д.* Экстаполяционная прогностика. – Новосибирск: Наука, 1988. – 144 с.
105. *Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П.* Системная классификация социологических и археологических понятий. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. – 183 с.
106. *Григорьева Т.П.* Дао и логос (встреча культур). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – 424 с.
107. *Гроф С.* За пределами мозга / Пер с англ. – М.: Изд-во Центр “Соцветие”, 1992. – 336 с., илл.
108. *Губман Б.Л.* Смысл истории. Очерки современных западных концепций. – М.: Наука, 1991. – 192 с.
109. *Губман Б.Л.* Западная философия культуры XX века. – Тверь. Лекан, 1997. – 288 с.
110. *Гумбольдт В.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1964. Т.1. – С. 73-85.
111. *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 280 с.
112. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
113. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисловие Лаврова Б.С. – М.: Экопрос, 1993. – 576 с.
114. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
115. *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 56-70.
116. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989.

117. *Гуссейнов А.А., Иррлиц Г.* Краткая история этики. – М.: Мысль., 1987. – 587 с., ил.
118. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. – 358 с.
119. *Давидюк Г.П.* Введение в прикладную социологию. – Минск, “Вышэйшая школа”, 1975. – 200 с.
120. *Давыдов Ю.Н.* Эстетика и социология // Декоративное искусство, 1967. NN 5, 6. (N 5 – С. 8-10; N 6 – С. 8-11).
121. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии Вайгачева С.А. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
122. *Даниэль С.М.* Искусство видеть. О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. – Л.: Искусство, 1990. – 223 с.
123. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. – Л.: Наука, 1991. – 539 с. – (Серия “Классики науки”).
124. *Декарт Р.* Сочинения в 2-х тт. / Пер. с лат. и франц. Сост., ред., вст. статья В.В. Соколова. – М.: Мысль. Т. I – 654 с., 1989.; Т. II – 633 с., 1994. – (Философское наследие).
125. *Дж. К. Джонс.* Инженерное и художественное конструирование. Современные методы проектного анализа / Пер. с англ. – М.: Мир, 1977. – 375 с.
126. *Дмитриева Н.А.* Краткая история искусств. Очерки. – М.: Искусство. – (Вып. I. От древнейших времен по XVI век., 1988. – 319 с. илл. Вып. II. Северное Возрождение; страны Западной Европы XVII и XVIII веков; Россия XVIII века., 1989. – 318 с., илл. Вып. III. Страны Зап. Европы XIX в.; Россия XIX в., 1993. – 361 с., илл.).
127. *Дмитрук М.* Кто внимлет советам солнца? Начало. № 45, 1993
128. *Доскин В.А. Лаврентьева Н.А.* Ритмы жизни. 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Медицина, 1991. – 176 с.

129. Древние цивилизации / Сост. С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев, В.Г. Ардзинба и др. Под общей редакцией Г.М. Бонград-Левина. – М.: Мысль, 1989. – 479 с., илл.
130. *Дружинин В.В., Конторов Д.С.* Проблемы системологии. – М.: Советское радио, 1976. – 296 с.
131. *Дубинин Н.П.* Биологические и социальные факторы в развитии человека // Вопросы философии, 1977. N 2. С. 46-57.
132. *Дугин А.И.* Основы геополитики. – М.: Арктогея, 1997. – 458 с.
133. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с. – (Социологическое наследие).
134. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках).
135. *Елисеев Э.Н., Сачков Ю.В., Белов Н.В.* Потоки идей и закономерности развития естествознания. – Л.: Наука, 1982. – 300 с.
136. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. Пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 591 с.
137. *Еремеев А.Ф.* Границы искусства. – М.: Искусство, 1987. – 319 с.
138. *Ершов П.М.* Искусство толкования. В 2-х ч. Режиссура как художественная критика (Ч. 2). – Дубна: Феникс, 1997. – 608 с.
139. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и его школа. – Л.: Наука. 1990. – 192 с.
140. *Журавлев А.П.* Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
141. *Зеленов Л.А.* Процесс эстетического отражения. – М.: Искусство, 1969. – 168 с.
142. *Зеленов Л.А.* Методологические проблемы эстетики. – Горький: ГИСИ, 1971. – 80 с.

143. *Зеленов Л.А.* Основы эстетики. Курс лекций. – Горький: ГИСИ, 1974. – 185 с.
144. *Зеленов Л.А.* Метатеория и теория деятельности. (Рукопись). – Горький: Архив ФК ГИСИ (НФК), 1979. – 215 с.
145. *Зеленов Л.А., Куликов Г.И.* Методологические проблемы эстетики. – М.: Высшая школа, 1982. – 176 с.
146. *Зеленов Л.А.* Методология человековедения. – Нижний Новгород: НТО, 1991. – 76 с.
147. *Зеленов Л.А., Дахин А.В., Ананьев Ю.В., Кутырев В.А.* Культурология. Учебное пособие. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. – 93 с.
148. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. – М. Центрполиграф, 1994. – 495 с.
149. *Зинченко В.П.* Зрительное восприятие и творчество. Восприятие как перцептивная деятельность // Техническая эстетика, 1975. N 6: с. 3-6, N 7: с. 6-10, N 8: с. 1-4, N 9: с. 3-8.
150. *Зинченко В.П.* Образ и деятельность. – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1997. – 608 с.
151. *Зись А.Я.* Искусство и эстетика. Введение в искусствоведение. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Искусство, 1974. – 447 с.
152. *Зись А.Я.* Виды искусства. – М.: Знание, 1979. – 128 с. – Нар. ун-т. (Фак. литературы и искусства).
153. *Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К.* Западная философия XX века. Учебное пособие. – М.: “ПРОСПЕКТ”, 1998. – 432 с.
154. *Зубков Е.О., Куприянов А.И.* Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории, 1995. № 7. С. 153-160.
155. *Зырянова Т.В.* Художественная герменевтика. – Тольятти: Изд-во Фонда “Развитие через образование”, 1997. – 330 с.
156. *Ивин А.А.* Введение в философию истории. Учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 288 с.

157. Идеи Н.Д. Кондратьева и динамика общества на рубеже третьего тысячелетия. Материалы ко II Международной Кондратьевской конференции (СПб, 15-17 марта 1995 г.). Научный ред. ак. Яковец Ю.В. – М.: МФК, 1995. – 457 с.
158. *Иконников А.В.* Художественный язык архитектуры. – М.: Искусство, 1985. – 175 с. ил. (Проблемы искусства и архитектуры).
159. *Иконников А.В.* Архитектура и история. – М.: ARCHITECTURA, 1993. – 252 с. илл.
160. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с. – (Серия “Мыслители XX века”).
161. *Ильина Т.В.* История искусств. Отечественное искусство. Учебник, ч. 2. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ВШ, 1994. – 461 с.
162. История русского искусства в трех томах. Изд. 3-е, испр. и доп. Учебник / Отв. ред. И.В. Рязанцев. – М.: Изобразительное искусство, 1991. Т. 1 – 508 с. Т. 2 – 312 с.
163. История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И.И. Богута. – М.: Мысль, 1991. – 590 с.
164. *Каган М.С.* Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III. – Л.: Искусство, 1972. – 440 с.
165. *Каган М.С.* Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – 328 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
166. *Каган М.С.* Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. – 205 с.
167. *Каган М.С.* Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. – 416 с.
168. *Каган М.С.* Эстетика как философская наука. Университетский курс лекций. – СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. – 544 с.

169. *Казаринова В.И.* Товароведу о красоте и композиции. – М.: Экономика, 1973. – 151 с.
170. *Казначеев В.П., Михайлова Л.П.* Биоинформационная функция естественных электромагнитных полей. – Новосибирск: Наука, 1985. – 181 с.
171. *Казначеев В.П., Спириин Е.А.* Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. – Новосибирск: Наука, 1991. – 304 с.
172. *Казначеев В.П.* Здоровье нации. Просвещение. Образование. Предисловие А.И. Субетто. – Спб.-М.: ИЦ ПК ПС, 1997. – 246 с.
173. *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. – М.: Изд-во “Архимед”, 1992. – 110 с.
174. *Кант И.* Критика способности суждения / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 367 с. – (История эстетики в памятниках и документах.)
175. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 951 с. – (Философское наследие, том 118).
176. *Кантор К.М.* Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры – М.: Искусство, 1990. – 280 с.
177. *Кантор К.М.* Тысячеглазый Аргус. – М.: Советский художник, 1990. – 200 с.
178. *Каплун А.И.* Стиль и архитектура. – М.: Стройиздат, 1985. – 232 с.
179. *Каримский А.Н.* Философия истории Гегеля. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 270 с.
180. *Кваша Г.* Золотой век России. Прогноз на следующее десятилетие // Путь, 1993. № 1. С. 35-39.
181. *Квейд Э.* Анализ сложных систем. – М.: Советское радио, 1969. – 127 с.
282. *Кедров Б.М.* О творчестве в науке и технике. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 192 с. – (Эврика).
183. *Кедров К.А.* Поэтический космос. – М.: Советский писатель, 1989. – 480 с.

184. *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. Учебное пособие для гуманитарных вузов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 216 с.
185. *Климишин И.А.* Календарь и хронология. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. – 480 с.
186. *Клир Дж.* Системология. Алгоритмизация решения системных задач. – М.: Радио и связь, 1990. – 539 с.
187. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской философии. – М.: Восточная литература, 1994. – 432 с.
188. *Комаров В.* Куда впадает река времени? // Знание – сила, 1979. № 4. С. 17-19.
189. *Козловски П.* Этика капитализма (с комментарием Дж. Бьюкенена). Эволюция и общество: Критика социобиологии. – СПб.: “Экономическая школа”, 1996. – 158 с. – (Этическая экономия: Исследования по этике, культуре и философии хозяйства. Вып. 1).
190. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989. – 528 с.
191. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз / Авт. статей о Кондратьеве и его творчестве: Ю.В. Давыдов, Ю.Б. Кочеврин, В.В. Симонов. – М.: Наука, 1991. – 567 с. – (Серия “Социологическое наследие”).
192. *Конрад Н.И.* Синология. Репринт с изд. 1977 г. – М.: Ладомир, 1995. – 621 с.
193. *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. – М.: Зерцало, 1997. – 240 с.
194. *Крапивенский С.Э.* Социальная философия: Учебник для гуманитар.-соц. специальностей высших учебных заведений. 3-е изд., исправленное и дополненное. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – 352 с.
195. Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.

196. Краткий словарь по эстетике. Книга для учителя / Под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: “Просвещение”, 1983. – 224 с.
197. *Кроче Б.* Антология сочинений по философии. – СПб, “Пневма”, 1999. – 480 с.
198. *Круть И.В.* Введение в общую теорию Земли. – М.: Мысль, 1978. – 368 с.
199. *Крюковский Н.И.* Основные эстетические категории. Опыт систематизации. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 288 с.
200. *Крюковский Н.И.* Кибернетика и законы красоты. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 256 с.
201. *Кудрин Б.И.* Введение в технику. – Томск: Изд-во Томского университета, 1993. – 552 с.
202. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
203. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика: эволюция идей и современное состояние / Вестник МГУ. Философия, 1992. N 2. С. 64-75.
204. *Кузнецов Б.* Экономическая синергетика: эволюция и революция // Бизнес-класс, 1997. № 17; № 19.
205. *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1976. – 247 с.
206. *Кузьмина Н.В.* Методы исследования педагогической деятельности. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 114 с.
207. *Кулаев К.В.* Теория Ф.И. Шмита о циклическом развитии искусства // Педагогика. 1992. №№ 7-8. С. 87-90.
208. *Кулик В.Т.* Алгоритмизация объектов управления. – Киев: Наукова думка, 1968. – 363 с.
209. Культурология. XX век. Словарь. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 728 с. – (Культурология XX век).
210. *Кун Т.* Структура научных революций. 2-е изд. – М.: Прогресс, 1972. – 190 с.

211. *Кутырёв В.А.* Естественное и искусственное: борьба миров. – Н. Новгород.: Изд-во “Нижний Новгород”, 1994. – 199 с.
212. *Лашманов Д.М.* Системный подход в исследовании искусства // Искусство и научно-технический прогресс. – М.: Искусство, 1973. С. 348-363.
213. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / Пер., вступ. статья и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с. – (Мыслители XX века).
214. Лекции по истории эстетики. Под ред. М.С. Кагана. – Л.: Изд-во ЛГУ. Книги 1, 2, 3, 4, – 1972, 1974, 1976, 1980.
215. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
216. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. В 2-х тт. – М.: Педагогика, 1983. Т. I. – 392 с.
217. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 584 с.
218. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. – 228 с.
219. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М. Республика, 1996. – 799 с. – (Прошлое и настоящее).
220. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
221. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии. Под ред. В.А. Барбанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко. – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. – 384 с.
222. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1982. – 623 с.
223. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века).

224. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность /Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
225. *Лосев А.Ф.* Проблема художественного стиля. – Киев: “Collegium”, “Киевская академия евробизнеса”, 1994. – 288 с.
226. *Лосев А.Ф.* Форма – Стиль – Выражение /Сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1995. – 944 с.
227. *Лотман Ю., Николаенко Н.* “Золотое сечение” и проблемы внутримозгового диалога // ДИ СССР, 1983. № 9. С. 31-34.
228. *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
229. *Лукьянов А.Е.* Истоки Дао. – М.: ИНСАН РМФК, 1992. – 208 с.
230. *Лукьянов А.Е.* Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). – М.: ИНСАН РМФК, 1992. – 160 с.
231. *Маевский В.И.* Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика. – М.: ИЭРАН, МФ Н.Д. Кондратьева, 1994. – 39 с.
232. *Мазаев А.И.* Концепция производственного искусства 20-х годов. – М.: “Наука”, 1975. – 270 с.
233. *Малькова Т.П., Фролова М.А.* Введение в социальную философию. Учебное пособие для студентов. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 192 с.
234. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Природа, 1988. №11. С. 57-85.
235. *Мамардашвили М.К.* Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 3-18.
236. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию / 2-е изд., изм. и доп. Сост. и общ ред. Ю.П. Сенокосова. – М. Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1992. – 416 с.
237. *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. – М.: Издательская группа “Прогресс”, “Культура”, 1993. – 352 с.

238. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. (Логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
239. *Марков М.Е.* Искусство как процесс. Основы функциональной теории искусства. – М.: Искусство, 1970. – 240 с.
240. *Маслов С.Ю.* Асимметрия познавательных процессов и ее следствия. – М.: Искусство, 1975. – 246 с.
241. *Маяковский В.В.* Как делать стихи. – Полн. собр. соч. – М.: Художественная литература, 1938. Т. XII.
242. *Медушевский А.Н.* Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии, 1993. № 10. С. 3-23;
241. *Мейен С.В.* Таксономия и мерономия // Вопросы методологии в геологических науках. – Киев: Наукова думка, 1977. С. 25-33.
243. *Мельников Г.П.* Системология и языковые основы кибернетики. – М.: Советское радио, 1978. – 368 с.
244. *Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.
245. *Месарович М., Такахара И.* Общая теория систем: математические основы. – М.: Мир, 1978. – 311 с.
246. Методология и социология техники / Сб. научных трудов. – Новосибирск: Изд-во ин-та истории, филологии и философии, 1990. – 190 с.
247. Методологические рекомендации по учету взаимодействия циклов в экономическом, социальном, научно-техническом и экологическом прогнозировании (проект) // Материалы к III Междисциплинарной дискуссии. – Москва, 28-30 марта 1990 г. – М.: АНХ СМ СССР, 1990. – 43 с.
248. Методологические рекомендации по прогнозированию кризисов и путей выхода из них // М-лы к II Междисциплинарной дискуссии “Прогнозирование кризисов в ритме циклического развития”. – Москва, 1991. / Проект. – М.: Изд-во фонда Н.Д. Кондратьева, 1991. – 58 с.
249. *Мечников Л.И.* Цивилизации и великие исторические реки. – М.: Просвещение, 1998. – 434 с.

250. *Мизун Ю.Г., Мизун П.Г.* Космос и здоровье. – М.: Знание, 1984. – 144 с.
251. *Миллер Дж. А.* Магическое число семь плюс минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. – М., 1964.
252. Мир человека / Отв. ред. Зеленов Л.А., науч. ред. Кутырев В.А. Вып 1. – Нижний Новгород: НАСА, 1993. – 144 с.
253. *Миронова Л.Н.* Учение о цвете. – Минск: Вышэйшая школа, 1993. – 402 с.
254. *Михалкович В.И.* Изобразительный язык средств массовой коммуникации. – М.: Наука, 1986. – 224 с.
255. *Моисеев Н.Н.* Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 304 с.
256. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с., ил.
257. *Моисеев Н.Н.* Палитра цивилизаций: разнообразие и единство // Человек, 1992. № 3. С. 5-13.
258. *Молевич Е.Ф.* Круговорот и необратимость в мировом движении. – Саратов: Изд-во СГУ, 1976. – 108 с.
259. *Молчанов А.М.* Время и эволюция // Системные исследования. – М.: Наука, 1970. С. 69-79.
260. *Моль А.* Социодинамика культуры. – М.: Мир, 1973. – 158 с.
261. *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию. Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., КД “Университет”, 1997. – 448 с.
262. *Новиков И.Д.* Куда течет река времени? – М.: Молодая гвардия, 1990. – 228 с.
263. *Норенков С.В.* Введение в архитектуронику: архитектурная и техническая эстетика проектной деятельности. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Лобачевского, 1991. – 99 с.
264. НТР: новая волна. – Т. 1. Истоки и содержание новой волны / Под ред. В.Г. Марахова. – М.: АН СССР, 1988. – 178 с.

265. *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. Учеб. пособие. – М.: “Высшая школа”, 1978. – 352 с.
266. *Ольшанский Д.В.* Социальная психология “винтиков” // Вопросы философии, 1989. № 8. С. 91-103;
267. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры / Сост. В.Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – 588 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
268. Основы архитектурной композиции и проектирования. Под ред. А.А. Тица. – Киев: Изд. объедин. “Вища школа”, 1976. – 256 с.
269. Основы теории проектирования костюма. Учебник для вузов / Под ред. Т.В. Козловой. – М.: Легпромбытиздат, 1988. – 352 с.,ил.
270. *Павлов И.П.* Мозг и психика / Под редакцией М.Г. Ярошевского. – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. – 320 с.
271. Памятниковедение. Теория, методология, практика. Сборник научных трудов. – М.: НИИ культуры, 1986. – С. 50-75.
272. *Паперный В.* Конец “антифункционализма” // Декоративное искусство СССР, 1975. № 6. С. 28-31.
273. *Патури Ф.Р.* Зодчие XXI века. – М.: Прогресс, 1979. – 349 с.
273. *Петров В.М., Грибков В.С., Каменский В.С.* Поверить гармонию... экспериментом // Число и мысль. Вып. 3. – М.: Знание, 1980. С. 145-169.
274. *Петров В.М.* Эта таинственная цикличность // В сб.: “Число и мысль”. Вып. 9. – М.: Знание, 1986. С. 86-113.
275. *Петров В.М.* Прогнозирование художественной культуры: вопросы методологии и методики. – М.: Наука, 1991. – 152 с.
276. *Петров В.М.* Полифункционализм художественной культуры и специфика ее прогнозирования // В кн. “Методологические проблемы прогнозирования и управления в области художественной культуры”. – М.: Наука, 1980. С. 177-193.

277. *Петухов С.В.* Геометрия живой природы и алгоритмы самоорганизации. – М.: Знание, 1988. – 48 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. “Математика, кибернетика”. N 6).

278. *Печенкин А.И.* Тайны русского алфавита. Нумерология. – М.: “Белые альвы”, 1997. – 320 с.

279. *Печчеи А.* Человеческие качества. Пер. с англ. О.В. Захаровой. Общ ред. и послесл. ак. Д.М. Гвишиани. – М.: Прогресс, 1980. – 304 с.

280. *Платон.* Собрание сочинений в 4-х тт. – М.: “Мысль”. Т. 1 (1990) – 860 с. Т. 2 (1993) – 528 с. Т. 3 (1994) – 654 с. Т. 4 (1994) – 830 с.

281. *Подольный Р.Г.* Освоение времени. – М.: Политиздат, 1989. – 143 с. – (Филос. библ. для юношества).

282. *Померанц Г.* Квадратура исторического круга. З/С. № 4. 1991. С. 40-46.

283. Понятие судьбы в контексте разных культур / Сборник. Под. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1994. – 320 с.

284. *Поппер К.* Открытое общество и его враги (пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского). – М.: Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. – 525 с.

285. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.

286. *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / Пер. с англ., под ред. Ю.Л. Климонтовича. – М.: Наука, 1985. – 327 с.

287. *Пригожин И. Стенгерс И.* Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Изд. группа Прогресс, 1994. – 272 с.

288. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

289. *Пуришев Б.И.* Литература эпохи Возрождения. Идея “универсального” человека. Курс лекций. – М.: Высшая школа, 1996. – 366 с.

290. *Ражников В.Г.* Диалоги о музыкальной педагогике. – М.: Музыка, 1989. – 141 с.
291. Развитие учения о времени в геологии (Онопrienко В.И., Симаков К.В., Мейен С.В. и др.). – Киев: Наукова думка, 1982. – 416 с.
292. *Ракитов А.И.* Историческое познание. – М.: Политическая литература, 1982. – 303 с.
293. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии, 1992. № 5. С. 3-15.
294. *Раппопорт С.Х.* Неизобразительные формы в декоративном искусстве. – М.: Советский художник, 1968. – 272 с. илл.
295. *Рассел Б.* История западной философии. В 2-х томах./ Пер. с англ. – М.: “МИФ”, 1993. Т. II. – 445 с.
296. *Раушенбах Б.В.* Некоторые психологические аспекты космонавтики и эстетики // Знание – сила, 1987. № 1. С 105-111.
297. *Ребане Я.К.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии, 1982. № 8. С. 41-47.
298. *Режабек Е.Я.* Становление понятия организации. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-тета, 1991. – 131 с.
299. *Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. – М., 1990. С. 167-181.
300. *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. – М.: Международный центр Рерихов, 1997. – 200 с.
301. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995. – 416 с.
302. Рисунок. Живопись. Композиция: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов худож.-граф. фак. пединститутов / Сост. Н.Н. Ростовцев и др. – М.: Просвещение, 1989. – 207 с.

303. *Рогов Е.Н.* Атлас истории культуры России. – М.: Круг, 1993. – 767 с.
304. *Рождественский Ю.В.* Общая филология. – М.: Фонд “Новое тысячелетие”, 1996. – 326 с.
305. *Розенблюм Е.А.* Художник в дизайне. Опыт работы Центральной учеб.-эксперимент. студии худож. проектирования на Сенеже / Предисл. Л. Жадовой. – М.: Искусство, 1974. – 176 с.; 24 л. ил.
306. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. – М. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 192 с.
307. Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии, 1992. № 6. С. 3-49.
308. *Россинская Е.И.* Искусство как средство общения (Коммуникативная функция искусства). – М.: Знание, 1985. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. ”Эстетика”. № 8).
309. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. Вст. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. Прим. А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с. ил.
310. Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов / Составитель, автор предисловия, обзорной статьи и указателя С.С. Гусев. Отв. ред.: А.Ф. Замалеев, А.И. Новиков. – СПб.: “Наука”. 1995. – 363 с. – (Истоки отечественной мысли).
311. Русские философы (конец XIX – середина XX века). – М.: Книжная палата, 1993. – 368 с.
312. *Руткевич А.М.* К.Г. Юнг об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 124-133.
313. *Савилова Т.А.* Эстетические категории. Опыт систематизации. – Киев-Одесса: Изд. объединение “Вища школа”, 1977. – 102 с.
314. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

315. *Саймондс Д.* Ландшафт и архитектура. – М.: Стройиздат, 1964. – 198 с.
316. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. Общ ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1993. – 656 с. – (Филологи мира).
317. *Середюк И.И.* Восприятие архитектурной среды. – Львов: ЛГУ, “Вища школа”, 1979. – 203 с.
318. *Сеченов И.М.* Психология поведения / Под редакцией М.Г. Ярошевского. Вступительная статья М.Г. Ярошевского. 2-е изд. – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1997. – 320 с.
319. Система. Симметрия. Гармония / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Уральцева). – М: Мысль, 1988. – 315 с.
320. *Славин А.В.* Проблема возникновения нового знания. – М.: Наука, 1975. – 294 с.
321. Словарь античности / Перевод с нем. – М.: Прометей, 1989. – 704 с.
322. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.
323. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
324. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
325. *Смолина Н.И.* Традиции симметрии в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1990. – 344 с.
326. Современная западная социология. Словарь / Сост. Давыдов Ю.С., Ковалева М.С., Филиппов А.Ф. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
327. Современная западная философия. Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. – 414 с.
328. Советский энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет: А.М. Прохоров, М.С. Гиляров, Е.М. Жуков и др. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.

329. Содружество наук и тайны творчества / Сборник статей под ред. Б.С. Мейлаха. – М.: Искусство, 1968. – 450 с.
330. *Соловьев В.С.* Сочинения в 2-х тт. – М.: “Мысль”. Т. 1 (1990) – 892 с. Т. 2 (1990) – 822 с.
331. *Сонин А.С.* Постигание совершенства. Симметрия, асимметрия, диссимметрия, антисимметрия. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
332. *Сомов Ю.С.* Композиция в технике. – М.: Машиностроение, 1977. – 272 с.
333. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / Отв. ред. сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
334. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. – М.: Наука, 1997. – 351 с.
335. *Сороко Э.М.* Концепция уровней, отношение, структура (к методологии социологического исследования). – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
336. *Сороко Э.М.* Структурная гармония систем. – Минск: Наука и техника, 1985. – 144 с.
337. *Сороко Э.М.* Критерий гармонии самоорганизующихся социоприродных систем // Науч. докл. – Владивосток: ДО АН СССР, ин-т ноосферы, 1989. – 53 с.
338. *Сороко Э.М.* Самоорганизация систем: проблемы меры и гармонии (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.). – Минск, 1991. – 442 с.
339. Социология / Г.В. Осипов (руководитель авт. кол.), Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. – М.: Мысль, 1990. – 446 с.
340. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. – Киев: “Ника-Центр”, 1997. – 512 с. – (Серия “Познание”. Вып. 2).
341. *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. – М.: Искусство, 1962. – 576 с.

342. *Столлович Л.Н.* Природа эстетической ценности. – М.: Политиздат, 1972. – 271 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).

343. *Субетто А.И.* Дуальность управления и организации как фундаментальный объяснительный принцип механизма цикличности развития // Всесоюзн. научн.-теор. конф. по фундамент. междисциплинар. пробл. “Организация и управление” I. Секция общих теор.-методолог. проблем. (Минск, 13-15 ноября 1989 г.). – Минск: Изд-во МДНТП, 1989. С.16-32.

344. *Субетто А.И.* Закон инвариантности и цикличности развития и функционирования систем и проблемы “циклового” методологии прогнозирования НТП // Теория и практика прогнозирования научно-технического прогресса в условиях экономической самостоятельности предприятий и организаций. – Л.: ЛДНТП, 1989. С. 3-34.

345. *Субетто А.И.* Проблема цикличности развития. – Л.: ВИКИ, 1989. – 33 с.

345. *Субетто А.И.* “Русский космизм” и грядущая “четвертая волна” развития человеческой цивилизации // “На страже Родины”, от 8, 9, 13, 15 июня 1990 г. №№ 131, 132, 135, 138.

346. *Субетто А.И.* Теория системного времени и проблема системного прогнозирования // V Сибирская науч.-практ. конф. по надежности науч.-техн. прогнозов. – Новосибирск: НТЦ, 1990. С. 256-258.

347. *Субетто А.И.* Феномен пост-футуристического диморфизма систем как возможная гипотеза построения прогнозов // Прогнозирование научно-технического и экономического развития основных звеньев народного хозяйства. – Л.: ЛДНТП, 1990. С. 60-65.

348. *Субетто А.И.* Новая парадигма исторического развития и общественный интеллект (Эскиз теории общественного интеллекта) // Современная высшая школа (международный журнал), 1991. № 2. С. 81-96.

349. *Субетто А.И.* Гуманизация российского общества. (Авторская концепция.) – СПб. – М.: ИЦ ПК ПС, 1992. – 155 с.

350. *Субетто А.И.* Творчество, жизнь, здоровье и гармония (Этюды креативной онтологии). – М.: “Логос”, 1992. – 204 с.
351. *Субетто А.И.* Закон роста идеальной детерминации в истории и философии образования // В сб.: “Проблемы становления системы наук и теорий об образовании”. – СПб., 1993. С. 1-12.
352. *Субетто А.И.* Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. – СПб-М: ИЦ ПКПС, 1993. – 172 с.
353. *Субетто А.И.* Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии (в форме постулатов). – Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. – 50 с.
354. *Субетто А.И.* “Метаклассификация” как наука о механизмах и закономерностях классифицирования. Опыт обобщения. В 2-х частях. – СПб.-М.: ИЦ ПКПС, 1994. Ч.1 – 254 с. Ч.2 – 80 с.
354. *Субетто А.И.* Новая парадигма цикличности // Системогенетика и учение о цикличности развития. – Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. С. 256-275.
355. *Субетто А.И.* Рефлексивная квалиметрия и рефлексосистемогенетика // Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Сб. науч. статей. Части 1-2. Под ред. А.И. Субетто и Н.А. Селезневой. – М.: ИЦ ПКПС Госкомвуза РФ, 1994. – С. 118-138.
356. *Субетто А.И.* Системная парадигма и системогенетика // Системогенетика и учение о цикличности развития. – Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. С. 229-255.
357. *Субетто А.И.* Системогенетика и теория циклов. В 2-х книгах. – М.: ИЦ ПКПС, 1994. Часть I – 284 с; часть II – 321 с.
358. *Субетто А.И.* Системогенетические основы образовательных систем. В 2-х книгах. – М.: ИЦ ПКПС, 1994. Часть I – 284 с; часть II – 321 с.

359. *Субетто А.И.* Проблема качества высшего образования в контексте глобальных и национальных проблем общественного развития. – М. – Тольятти: МАБ и БД, 1995. – 195 с.

360. *Субетто А.И.* Закон спиральной фрактальности системного времени как базис нового осмысления взаимосвязей циклов эволюции и циклов онтогенеза систем // Четвертая международная конференция “Циклы природы и общества” (г. Ставрополь, 13-20 октября 1996 г.). Программа-приглашение. – Ставрополь: СтавГУ, 1996. – С. 10.

361. *Субетто А.И.* Канун третьего тысячелетия как Финал Классической Стихийной Истории // “Народы Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы”. Тезисы международного научного конгресса. Санкт-Петербург, 15-17 мая 1996 г. Том 1. – Спб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1996. С. 86-87.

362. *Субетто А.И.* Ноогенез и образование: XXI век – реализация неклассического гуманизма и императива перехода человечества к цивилизации образовательного общества // Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы. Том 1. // Под ред. А.М. Буровского. – Красноярск: изд-во НМЦ НЭО, 1996. – С. 84-103.

363. *Субетто А.И.* Управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта. Неклассическая парадигма устойчивости развития и ноосферы. Материалы первой международной конференции. С.-Петербург, 9-15 сентября 1996 года. – Спб.: СПбГУ, 1996. С. 311-313.

364. *Субетто Александр Иванович.* Библиография научных работ и избранные статьи / Под науч. ред Н.А. Селезневой. – Спб.-М.: ИЦ ПК ПС, 1997. – 246 с.

365. *Сухарев В.А., Сухарев М.В.* Психология народов и наций. – Донецк: Сталкер, 1997. – 400 с.: ил. – (Серия “Психология”).

366. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 573 с.

367. *Тард Г.* Социальная логика / Пер. с фр. М. Цейтлин. СПб.: Изд-во “Социально-психологический центр”, 1996. – 554 с. (Библиотека практической психологии).
368. *Тасалов В.И.* Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. – М.: Наука, 1979. – 336 с.
369. *Тихонравов Ю.В.* Геополитика / Учебное пособие. – М.: ЗАО “Бизнес-школа “Интел-синтез”, 1998. – 368 с.
370. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. / Пер. с англ. Сост. Огурцов А.П.; вступ. статья Уколовой В.И.; закл. статья Рашковского Е.Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
371. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории / Сост. Рашковский Е.Б. – М: Изд. группа ПРОГРЕСС-”Культура” – СПб: Ювента, 1996. – 480 с.
372. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб.: Лань, 1997. – 464 с..
373. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 719 с. – (Лики культуры).
374. *Тронский И.М.* История античной литературы. Учебник для университетов и пед. институтов. 5-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1988. – 464 с.
375. *Уайтхед А.* Способы мышления (Значимость. Выражение. Понимание) // В кн.: Избранные работы по философии. Пер. с англ. / Сост. И.Т. Касавин. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
376. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
377. *Узнадзе Д.Н.* Теория установки / Под редакцией Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1997. – 448 с.
378. *Урманцев Ю.В.* Опыт аксиоматического построения общей теории систем // Системные исследования. – М.: Наука, 1972. С. 128-152.

379. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические произведения / Сост. Н.А. Сундуков. – М.: Просвещение, 1968. – 560 с.
380. *Февр Л.* Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 630 с. – (Памятники исторической мысли).
381. *Федоров Н.Ф.* Из “Философии общего дела”. – Новосибирск: Новое книжное издательство, 1993. – 216 с.
382. Философия русского космизма. Сборник научных статей / Ред. Пирожкова Л.Ф. – М.: Фонд “Новое тысячелетие”, 1996. – 376 с.
383. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 444 с.
384. Философский энциклопедический словарь / Редколл.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
385. *Флейшман Б.С.* Основы системологии. – М.: Радио и связь, 1982. – 368 с.
386. *Флоренский П.А.* Иконостас. Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – 366 с. – (Классика искусствознания).
387. *Фоменко А.Т.* Глобальная хронология. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 408 с.
388. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с. – (Мыслители XX века).
389. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1986. – 703 с.
390. *Фрезер Д.Д.* Фольклор в Ветхом завете / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – М.: Политиздат, 1990. – 542 с., илл.
391. *Фрейд З.* “Я” и “Оно”. Труды разных лет. – Тбилиси.: Издательство “Мерани”, 1991. 400 с. – книга 1; 430 с. – книга 2.
392. *Фромм Э.* Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с. – (Мыслители XX века).

393. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Авт. вступ. статья П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – 447 с. – (Мыслители XX века).
394. *Фурман А.Е., Ливанова Г.С.* Круговороты и прогресс в развитии материальных систем. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 206 с.
395. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с. – (серия “Мыслители XX века”).
396. *Хан-Магомедов С.О.* Константин Мельников. – М.: Стройиздат, 1990. – 296 с.
397. *Хан-Магомедов С.О.* Пионеры советского дизайна. – М.: Галарт, 1995. – 424 с., илл.
398. *Хренов Л.С., Голуб И.Я.* Время и календарь. – М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. – 128 с.
399. Циклические процессы в природе и обществе. Материалы Первой междунар. конференции “Циклические процессы в природе и обществе”, 18-21 октября, г. Ставрополь / Под ред. Чурсина В.Д. – Ставрополь: Изд-во СПИ, 1993. – 272 с.
400. *Чатерджи С., Датта Д.* Индийская философия / Пер. с англ. – М.: Селена, 1994. – 426 с.
401. *Черняк Е.Б.* Цивилиография. Наука о цивилизациях. – М.: “Международные отношения”, 1996. – 384 с. (Институт всеобщей истории РАН).
402. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. – Калуга: Изд-во Гублит, 1924. – 73 с.
403. *Чижевский А.Л.* Солнечные пятна и психозы. – Москва-Берлин: “Русско-немецкий медицинский журнал”, 1928. № 3.
404. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.
405. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 768 с.
406. *Тейяр де Шарден.* Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

407. *Тейяр де Шарден*. Божественная среда / Пер с франц. О.С. Вайнер, Я.Г. Кротова и З.А. Масленниковой. Вступит. ст. прот. Александр Мень. – М.: Изд-во “Ренессанс” СП “ИВО-СИД”, 1992. – XXIV, 311 с. – (Памятники религиозно-философской мысли. Вып. 3).

408. *Шевелев И.Ш.* Формообразование в природе и в искусстве // В кн.: “Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии”. – М.: Стройиздат, 1990. С. 6-129.

409. *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения в 2-х тт. / Пер с нем. Сост. и ред. А.В. Гулыга – М.: Мысль. – Т. 1., 1987. – 637 с.; Т. 2.. 1989. – 636 с. – (Филос. наследие).

410. *Шингаров Г.Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М.: Наука, 1971. – 224 с.

411. *Широков П.А.* Краткий очерк основ геометрии Лобачевского. – 2-е изд. – М. Наука, 1983. – 80 с.

412. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. – 2-е, переработанное, издание. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

413. *Шлезингер-младший А.М.* Циклы американской истории / Пер. с англ. и заключительная статья Терехова В.И. – М.: Издательская группа “Прогресс”, “Прогресс-Академия”, 1992. – 688 с.

414. *Шмелев И.П.* Третья сигнальная система // В кн.: “Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии”. – М.: Стройиздат, 1990. С. 234-337.

415. *Шорохов Е.В.* Основы композиции. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979. – 303 с., илл.

416. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – 663 (1) с. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с., илл. порт.

417 *Шпет Г.Г.* Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 604 с. – (Из истории отечественной философской мысли).

418. *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия / Под редакцией Т.Д. Марцинковской. Вступительная статья Т.Д. Марцинковской. – М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. – 492 с.
419. *Шрейдер Ю.А., Шаров А.А.* Системы и модели. – М.: Радио и связь, 1982. – 152 с.
420. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – 800 с.
421. *Эсаулов А.Ф.* Диалектика творческой мысли. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. – 164 с.
422. Эстетика. Словарь / Под. общ. ред. А.А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
423. *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 445 с. (Философы России XX века).
424. *Юлдашев Л.Г.* Эстетическое чувство и произведение искусства. – М.: Мысль, 1969. – 183 с.
425. *Юнг К.Г.* Психологические типы. – М.: “Алфавит”, 1992. – 105 с.
426. *Юнг К.Г.* Феномен духа в искусстве и науке. – М.: Ренессанс, 1992. – 320 с.
427. *Юнг К.Г.* Синхронистичность. – М.: РЕФЛ-БУК, ВАКЛЕР, 1997. – 318 с. – (Актуальная психология).
428. *Яглом И.М.* Современная культура и компьютеры. – М.: Знание, 1990. – 48 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Математика, кибернетика”. N 11.).
429. *Ягодинский В.Н.* Ритм, ритм, ритм! Этюды хронобиологии. – М.: Знание, 1985. – 192 с.
430. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал, 1994. № 1. С. 35-52.
431. *Яковец Ю.В.* Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. – М.: Экономика, 1984. – 340 с.

432. *Яковец Ю.В.* Предвидение будущего: парадигма цикличности. – М.: АП и Ц, 1992. – 110 с.
433. *Яковец Ю.В.* Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. – М.: ИЭРАН, 1992. – 58 с.
434. *Яковец Ю.В.* Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. – М.: Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева, 1994. – 150 С.
435. *Яковлев А.* Социальные альтернативы века // Свободная мысль, 1993. №№ 17-18. С. 3-15.
436. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1974. – 586 с.
437. *Ярошенко Б.М., Ярошенко Н.Н.* Диалектика развития изобразительного искусства. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1986. – 80 с.
438. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с. – (Серия “Мыслители XX века”).

Сведения об авторе:

Александров Николай Николаевич

Доктор философских наук,

Член Союза дизайнеров РФ

АВТОР СЛЕДУЮЩИХ МОНОГРАФИЙ:

Философия бренда
Эволюция перспективы.
История психологии восприятия.
Системогенетика геополитики.
Философия конструирования будущего.
Системогенетика. Очерк истории и теории.
Методология ментосферизма.
Эволюция видения. Генезисвыразительных средств в искусстве.

Изданы:

Генезис ментального хронотопа. Книга 1. Генезис представлений о времени // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16795, 29.08.2011
Понимание времени. Культура и циклы. Избранные статьи. // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16682, 27.07.2011
Дизайн как предтеча бренда // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16658, 21.07.2011
Методология системно-генетического исследования общества // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16633, 13.07.2011
Философия экономики. Рыночный период // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16624, 09.07.2011.
Платформа философии. Философия, менталитет, цикличность // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16617, 06.07.2011
Философские вопросы теории менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16554, 09.06.2011.
Числовые инварианты в менталитете // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16542, 02.06.2011
Деятельностная антропология // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16521, 21.05.2011
Эстетика (курс лекций) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16518, 16.05.2011
Звезда деятельности // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16510, 14.05.2011
Фораула истории // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011
Системогенетика ментосферы // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011
Генезис пространствоощущения в истории // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16425, 09.03.2011
Экзистенциальная системогенетика // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011
Эволюция симметрии в искусстве // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16294, 15.01.2011
Менталитет и эгрегор // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16213, 11.12.2010.
Структура и динамика многоуровневых образных систем. // В сб. Системогенетика, 94. Раздел 1 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16703, 31.07.2011
Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике. // В сб. Системогенетика, 94. Раздел 2 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16720, 03.08.2011.
Стапация, или Декаданс // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16532, 28.05.2011
Конкуренция и конкурентоспособность. Основные понятия и история их становления. – Нижний Новгород: изд-во ВВАГС, 2004. – 176 с. (в соавторстве).

ББК 7. 03

УДК 85:103 (2)

А 46

ISBN 5-7591-0245-1

Александров Н.Н.

Генезис ментального хронотопа. Книга 2. Генезис представлений о пространстве. – Москва: Изд-во Академии Тринитаризма, 2011. – 302 с.

Компьютерный набор автора.

Электронный оригинал-макет подготовлен автором.

Дизайн, рисунки, таблицы и схемы выполнены автором.

На стр. 9 первого тома использована гравюра М. Эшера.

Н.Н. Александров ГЕНЕЗИС МЕНТАЛЬНОГО ХРОНОТОПА Часть 2